

INTERNATIONAL LAW JOURNAL

2021, Том 4, №6

Подписано к публикации: 05.11.2021

Главный редактор журнала
Серебренникова Анна Валерьевна
доктор юридических наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

- Абшилава Георгий Валерьянович* (РФ, г. Ульяновск) – доктор юридических наук, профессор
Авакян Рубен Осипович (Армения, г. Ереван) – доктор юридических наук, профессор
Айбатов Магомеднаби Магомедмирзоевич (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Белоцеркович Денис Валерьевич (РФ, г. Хабаровск) – кандидат юридических наук, доцент
Бирюков Павел Николаевич (РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор
Василевич Григорий Алексеевич (Беларусь, г. Минск) – доктор юридических наук, профессор
Васильев Сергей Владимирович (РФ, г. Псков) – доктор юридических наук, профессор
Васильев Федор Петрович (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Глебов Игорь Николаевич (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Громов Владимир Геннадьевич (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор
Джаллилов Эльвис Алимович (РФ, г. Тольятти) – кандидат юридических наук, доцент
Жамулдинов Виктор Николаевич (Казахстан, г. Павлодар) – кандидат юридических наук, доцент
Захарова Светлана Александровна (РФ, Екатеринбург) – кандидат юридических наук, доцент
Ибрагимов Жамаладен Ибрагимович (Казахстан, г. Астана) – доктор юридических наук, профессор
Кириллова Ирина Александровна (РФ, г. Курск) – кандидат юридических наук, доцент
Коваленко Вадим Николаевич (РФ, г. Волгоград) – доктор юридических наук, профессор
Кожневников Олег Александрович (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, доцент
Коршунова Ольга Николаевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор юридических наук, профессор
Лазарева Лариса Владимировна (РФ, г. Владимир) – доктор юридических наук, профессор
Машовец Асия Океановна (РФ, г. Ульяновск) – доктор юридических наук, доцент
Мельников Николай Николаевич (РФ, г. Орёл) – доктор юридических наук, доцент
Миняева Татьяна Федоровна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Миронов Анатолий Николаевич (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Михайлова Екатерина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
Мишина Наталья Вячеславовна (РФ, г. Москва) – доктор политических наук, доцент
Мустафаева Айтен Инглаб (Азербайджан, г. Баку) – доктор юридических наук, профессор
Небрятенко Геннадий Геннадьевич (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор
Николайченко Виктор Викторович (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор,
Остапович Игорь Юрьевич (РФ, г. Барнаул) – доктор юридических наук, доцент
Пешкова Христина Вячеславовна (РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор
Русинова Вера Николаевна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Сумачев Алексей Витальевич (РФ, г. Ханты-Мансийск) – доктор юридических наук, профессор
Халифаева Анжела Курбановна (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Числов Александр Иванович (РФ, г. Тюмень) – доктор юридических наук, профессор
Файзиев Шохруд Фармонович (Узбекистан, г. Ташкент) – кандидат юридических наук, доцент
Флоря Евгений Константинович (Молдова, г. Кишинев) – кандидат юридических наук, доцент
Шатковская Татьяна Владимировна (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор
Шошин Сергей Владимирович (РФ, г. Саратов) – кандидат юридических наук, доцент

«International Law Journal» включен в список ВАК с 25.12.2020г., РИНЦ (Elibrary.ru)

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС77-78049 от 4 марта 2020г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN 2658-5693 (online)

E-mail: law@dgpu-journals.ru

Сайт: <http://ilj-journal.ru>

© International Law Journal, 2021

Содержание

Кулапова Т.Ю. ПРОБЛЕМЫ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ОРГАНИЗАЦИЙ	9-12
Виннер Э.Р. УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕДОБРОСОВЕСТНУЮ ЭМИССИЮ ЦЕННЫХ БУМАГ	13-17
Тронина Е.Г. КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ВОСПИТАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	18-20
Зубков И.Б. ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ УТРАТЫ ИЛИ ИСКАЖЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ, СОДЕРЖАЩЕЙСЯ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМАХ	21-25
Рахмон Каландаршохи ИСТОРИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН	26-30
Гатауллин З.Ш. ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО) В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ЗАКЛЮЧИВШЕГО ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ	31-34
Коноплева Ю.А. К ВОПРОСУ О НАЗНАЧЕНИИ ПЕНСИИ НЕКОТОРЫМ КАТЕГОРИЯМ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ	35-38
Кужеков А.Ю., Абражеева Д.В. К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ПРАВА И НРАВОВ В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ	39-41
Николаев Д.А. ОСНОВАНИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ДОБЫЧИ ОБЩЕРАСПРОСТРАНЕННЫХ ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ	42-46
Парфенов М.Р. К ВОПРОСУ ВЛИЯНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ И ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРОЦЕССА РЕГИСТРАЦИИ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА НА СИСТЕМУ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ ОБОРОТА НЕДВИЖИМОСТИ	47-51
Шубников Ю.Б., Кузин Н.Н., Рашидова А.И. СИСТЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА	52-58
Репин А.В. ПРЕКРАЩЕНИЕ ДОГОВОРА ПОДРЯДА В СЛУЧАЕ ВВЕДЕНИЯ ПРОЦЕДУРЫ КОНКУРСНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ОТНОШЕНИИ ОДНОЙ ИЗ СТОРОН ДОГОВОРА	59-62

Сергеева К.А., Юртаев В.А. ПРАВОСУДИЕ И ПАНДЕМИЯ КОРОНАВИРУСА: ВЫНУЖДЕННАЯ ЦИФРОВИЗАЦИЯ	63-68
Шакурова Н.К. ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ СТАТЬИ 1079 ГК РФ К СИТУАЦИИ ОСТАНОВКИ И СТОЯНКИ ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА В МОМЕНТ ДОРОЖНО- ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ	69-72
Ямковая И.Н. ПОНЯТИЕ НАРОДНОГО СУВЕРЕНИТЕТА В КОНТЕКСТЕ АНАЛИЗА ТЕОРИИ НАРОДОВЛАСТИЯ	73-77
Барышников М.Ю. САМОЗАЩИТА КАК ЭЛЕМЕНТ МЕХАНИЗМА РЕАЛИЗАЦИИ И ЗАЩИТЫ ТРУДОВЫХ ПРАВ В СИСТЕМЕ ЧАСТНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ	78-83
Васяев А.А. АВТОНОМИЯ ВОЛИ КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ КОЛЛИЗИОННО- ПРАВОВОЙ СВОБОДЫ УЧАСТНИКОВ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ	84-89
Завгороднева Е.В. СОСТАВЛЯЮЩИЕ ПРОЦЕССА ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	90-96
Абезин Д.А., Мохов А.Ю., Абезин Д.Д. ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ	97-102
Муцалов Ш.Ш., Шахбиева Х.А. ИССЛЕДОВАНИЕ СУЩНОСТИ, ПОНЯТИЯ И КЛАССИФИКАЦИИ НОРМ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ	103-108
Николаев Д.А. ОСОБЕННОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ДОБЫЧИ ОБЩЕРАСПРОСТРАНЕННЫХ ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ	109-112
Блинова О.А., Девятковская И.В. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВАНДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ, БЕЛАРУСИ И ГЕРМАНИИ	113-120
Гитинова М.М., Шамхалов К.Н. К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИЧНЫХ ПРИНЦИПАХ УГОЛОВНОГО ПРАВА	121-124
Магомедова Е.А., Денисов И.М., Лещинский М.И. ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПРАВИЛ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ	125-130

Васенёв М.И., Любенко Ю.В. ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О ВЗЫСКАНИИ УБЫТКОВ В ДОГОВОРНОМ ПРАВЕ	131-135
Горян Э.В. ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРАВОВОГО РЕЖИМА КРИТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ИНВЕСТОРОВ (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ, КИТАЯ И ТАИЛАНДА)	136-141
Жуковская Н.Ю., Чепрасова Ю.В. ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ МОЛОДЕЖНОГО РАДИКАЛИЗМА И РОЛЬ ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ В ЕГО ПРОФИЛАКТИКЕ	142-146
Квач С.С., Федулов И.Н., Романова Т.И. О ПОНЯТИЯХ «ИСТОЧНИК ПРАВА» И «ИСТОЧНИК МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРАВА»	147-150
Халифаева А.К., Айбатов М.М., Чаканаев М.Р., Алиев А.М. К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ СУДЕБНОГО ПРИСТАВА И ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ	151-155
Бессарабова С.Ю. СРОЧНЫЙ ХАРАКТЕР СЕМЕЙНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ	156-161

Contents

Kulapova T.Yu. PROBLEMS OF ANTI-CORRUPTION POLICIES OF ORGANIZATIONS	9-12
Vinner E.R. CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR UNFAIR SECURITIES ISSUE	13-17
Tronina E.G. CONSTITUTIONAL FOUNDATIONS OF EDUCATION IN THE RUSSIAN FEDERATION	18-20
Zubkov I.B. LEGAL CONSEQUENCES OF THE LOSS OR DISTORTION OF INFORMATION CONTAINED IN STATE INFORMATION SYSTEMS	21-25
Rakhmon Kalandarshokhi HISTORICAL AND THEORETICAL ASPECTS OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF PROSECUTOR'S SUPERVISION OVER THE EXECUTION OF LAWS BY STATE AUTHORITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN	26-30
Gataullin Z.Sh. ENSURING THE SECURITY OF THE SUSPECT (ACCUSED) IN THE COMMISSION OF A TERRORIST CRIME THAT CONCLUDED A PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT	31-34
Konopleva Yu.A. ON THE ISSUE OF ASSIGNING PENSIONS TO CERTAIN CATEGORIES OF TEACHING STAFF	35-38
Kuzhekov A.Yu., Abrazheeva D.V. ON THE QUESTION OF THE INTERACTION OF LAW AND MORALS IN THE PENITENTIARY SYSTEM	39-41
Nikolaev D.A. REASONS FOR THE EMERGENCE OF BUSINESS LEGAL RELATIONS IN THE FIELD OF EXTRACTION OF COMMON MINERALS	42-46
Parfenov M.R. ON THE ISSUE OF THE IMPACT OF MODERNIZATION AND DIGITALIZATION OF THE REAL ESTATE REGISTRATION PROCESS ON THE FRAUD PREVENTION SYSTEM IN THE SPHERE OF REAL ESTATE TURNOVER	47-51
Shubnikov Yu.B., Kuzin N.N., Rashidova A.I. SYSTEMIC ASPECTS OF BUSINESS LAW	52-58
Repin A.V. TERMINATION OF THE CONTRACT IN THE EVENT OF THE INTRODUCTION OF A BANKRUPTCY PROCEDURE IN RESPECT OF ONE OF THE PARTIES TO THE CONTRACT	59-62
Sergeeva K.A., Yurtaev V.A. JUSTICE AND THE CORONAVIRUS PANDEMIC: FORCED DIGITALISATION	63-68

Shakurova N.K. THE POSSIBILITY OF APPLYING THE PROVISIONS OF ARTICLE 1079 OF THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION TO THE SITUATION OF STOPPING AND PARKING A VEHICLE AT THE TIME OF A TRAFFIC ACCIDENT	69-72
Yamkovaya I.N. THE CONCEPT OF NATIONAL SOVEREIGNTY IN THE CONTEXT OF THE ANALYSIS OF THE THEORY OF DEMOCRACY	73-77
Baryshnikov M.Yu. SELF-DEFENSE AS AN ELEMENT OF THE MECHANISM FOR THE IMPLEMENTATION AND PROTECTION OF LABOR RIGHTS IN THE SYSTEM OF PRIVATE LEGAL RELATIONS OF RUSSIA AND FOREIGN STATES	78-83
Vasyaev A.A. AUTONOMY OF WILL AS A WAY OF EXPRESSING THE CONFLICT OF LAW FREEDOM OF THE PARTIES TO CONTRACTUAL RELATIONS IN PRIVATE INTERNATIONAL LAW	84-89
Zavgorodneva E.V. COMPONENTS OF THE PROOF PROCESS IN CRIMINAL PROCEEDINGS	90-96
Abezin D.A., Mokhov A.Yu., Abezin D.D. LEGAL REGULATION OF URBAN PLANNING ACTIVITIES IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA: MAIN STAGES	97-102
Mutsalov Sh.Sh., Shakhbieva H.A. INVESTIGATION OF THE ESSENCE, CONCEPT AND CLASSIFICATION OF LEGAL POLICY NORMS	103-108
Nikolaev D.A. FEATURES OF BUSINESS LEGAL RELATIONS IN THE FIELD OF EXTRACTION OF COMMON MINERALS	109-112
Blinova O.A., Devyatovskaya I.V. LEGAL REGULATION OF VANDAL BEHAVIOR: COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CRIMINAL LEGISLATION OF RUSSIA, BELARUS AND GERMANY	113-120
Gitinova M.M., Shamkhalov K.N. ON THE QUESTION ABOUT SPECIFIC PRINCIPLES OF CRIMINAL LAW	121-124
Magomedova E.A., Denisov I.M., Leshchinsky M.I. FIXING THE RULES OF LEGISLATIVE TECHNIQUE IN THE LEGISLATION OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMATIC ASPECTS	125-130
Vasenev M.I., Lyubenko Yu.V. FEATURES OF EVIDENCE IN CASES OF RECOVERY OF DAMAGES IN CONTRACT LAW	131-135

Goryan E.V. CORRELEATION OF THE CRITICAL INFORMATION INFRASTRUCTURE OF LEGAL REGIME AND THE INVESTORS RIGHTS' ENFORCEMENT (THE CASE OF RUSSIA, CHINA, AND THAILAND)	136-141
Zhukovskaya N.Yu., Cheprasova Yu.V. PROBLEMS OF LEGAL ASSESSMENT OF YOUTH RADICALISM AND THE ROLE OF LEGAL EDUCATION IN ITS PREVENTION	142-146
Kvach S.S., Fedulov I.N., Romanova T.I. ON THE CONCEPTS OF "SOURCE OF LAW" AND "SOURCE OF MUNICIPAL LAW"	147-150
Halifaeva A.K., Aibatov M.M., Chakanaev M.R., Aliev A.M. TO THE QUESTION OF THE HISTORY OF THE BAILIFF AND THE PRELIMINARY INVESTIGATION BODIES	151-155
Bessarabova S.Yu. THE URGENT NATURE OF FAMILY LEGAL RELATIONS	156-161

ПРОБЛЕМЫ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ОРГАНИЗАЦИЙ

Кулапова Т.Ю., кандидат юридических наук, ассистент,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Аннотация: в статье рассматривается проблема реализации антикоррупционной политики в организациях. Автором исследуется вопрос формирования антикоррупционной политики организации, роль локального нормативно-правового акта в формировании антикоррупционной политики организаций, анализируются формы антикоррупционных локальных нормативно-правовых актов организаций, обобщаются существующие проблемы в сфере локального нормативно-правового регулирования антикоррупционной политики организаций.

В статье раскрывается проблема ответственности граждан и юридических лиц за коррупционные правонарушения, отмечается проблема отсутствия закрепленных на законодательном уровне стандартов и руководящих начал, координирующих деятельность организаций в указанной сфере.

Ключевые слова: коррупция, локальный нормативно-правовой акт, антикоррупционная политика, ответственность, организация

PROBLEMS OF ANTI-CORRUPTION POLICIES OF ORGANIZATIONS

Kulapova T.Yu., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Assistant Professor,
Plekhanov Russian University of Economics

Abstract: the article discusses the problem of implementing anti-corruption policies in organizations. The author examines the issue of forming the anti-corruption policy of an organization, the role of a local regulatory legal act in the formation of an anti-corruption policy of organizations, analyzes the forms of anti-corruption local regulatory legal acts of organizations, summarizes the existing problems in the field of local regulatory legal regulation of the anti-corruption policy of organizations.

The article reveals the problem of responsibility of citizens and legal entities for corruption offenses, notes the problem of the absence of standards and guidelines enshrined at the legislative level that coordinate the activities of organizations in this area.

Keywords: corruption, local regulation, anti-corruption policy, responsibility, organization

Коррупция – проблема общества, разрушающая его основы, дискредитирующая государственную власть, подрывающая экономику как отдельного государства, так и всего мирового сообщества.

Проявляется коррупция не только на уровне федеральных органов государственной власти, органов власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления. Она широко распространена также в организациях различного вида, замедляя темпы экономического роста в стране, не позволяя бизнесу развиваться.

Противодействие коррупции в организациях имеет большое значение. Особую актуальность проблема борьбы с коррупцией приобретает в государственных и муниципальных учреждениях, а также в юридических лицах с участием государства.

Несмотря на активную деятельность государства и общества в сфере противодействия коррупции, доля коррупционных преступлений остается весьма большой. Более того, статистика показывает, что наблюдается рост таких преступлений [1].

Сложной продолжает оставаться ситуация в сфере противодействия коррупции на уровне организаций.

Между тем, в науке очень мало исследований, посвященных вопросу реализации антикоррупционной политики на уровне организаций. А в этой сфере достаточно неурегулированных аспектов, требующих разрешения на законодательном уровне, о чем свидетельствует представленная статистика коррупционных правонарушений, совершенных от имени или в интересах юридических лиц.

В организациях антикоррупционная политика реализуется путем закрепления конкретных мероприятий и мер в локальных нормативных правовых актах.

Исследование роли локальных нормативно-правовых актов юридических лиц в сфере противодействия коррупции, проблем их принятия и реализации позволяет выявить недостатки антикоррупционной политики организаций.

В.К. Самигуллин отмечает особую ценность локального нормативного регулирования в связи с тем, что локальный нормативный акт исходит из специфики отдельных организаций, что помогает избежать проти-

воречий в правовом регулировании, связанных с динамичностью общественных отношений, громоздкостью законодательства [2, с. 38-40].

В соответствии со статьей 13 Трудового кодекса РФ локальные нормативные акты – это документы, содержащие нормы трудового права, которые принимает работодатель в пределах своей компетенции в соответствии с законами и иными нормативными правовыми актами, коллективным договором, соглашениями. Эти документы действуют в отношении работников данного предприятия независимо от места выполнения ими работы [3]

Локальный антикоррупционный акт – основанный на нормах права правовой документ, принятый в установленном порядке компетентным органом управления организации и регулирующий внутриорганизационные отношения, с целью детализации, конкретизации, дополнения общих правовых норм в конкретной организации с учетом ее специфики.

Основная цель локального правового акта – это детализация, конкретизация, дополнение, а иногда и восполнение общей правовой нормы применительно к условиям конкретной организации с учетом особенностей и специфики трудовых отношений и иных условий.

Трудовые договоры и гражданско-правовые договоры, связанные с осуществлением организацией хозяйственной деятельности могут также содержать антикоррупционные положения.

В процессе настоящего исследования автором был проанализирован целый ряд локальных правовых актов организаций в сфере противодействия коррупции [4, 5, 6, 7].

На основании этого анализа автором сделан вывод о примерном перечне локальных актов, принимаемых организациями в сфере противодействия коррупции:

- Положение об антикоррупционной политике организации (как, правило, включает в себя общие положения, основные термины и определения, основные принципы противодействия коррупции, меры предупреждения коррупции (обучение и информирование сотрудников, ведение достоверного и полного учета фактов хозяйственной деятельности, предъявление соответствующих требований к должностным лицам организации и др.), основные направления противодействия коррупции, должностные лица, ответственные за реализацию антикоррупционной политики, ответственность работников за несоблюдение требований антикоррупционной политики).

- Приказ об утверждении порядка уведомления.
- Приказ об утверждении пакета нормативных документов о противодействии коррупции.
- Приказ «О создании комиссии по порядку урегулирования выявленного конфликта интересов».
- Приказ «Определение должностных лиц (структурных подразделений), ответственных за профилактику коррупционных или иных правонарушений».
- Приказ «Об исполнении законодательства о противодействии коррупции».
- Положение о комиссии по антикоррупционной политике.
- Кодекс Этики и служебного поведения работников организации.
- Порядок уведомления о фактах обращения в целях склонения работника к совершению коррупционных деяний.
- Памятка по уведомлению о склонении к коррупции.
- Регламент обмена подарками и знаками и делового гостеприимства

Существующие проблемы в локально-правовом регулировании антикоррупционной политики организаций

Ведущая роль в регулировании отношений в сфере противодействия коррупции в организациях отведена самим организациям. На законодательном уровне отсутствуют стандарты и руководящие начала, координирующие деятельность организаций в указанной сфере. Разработаны только рекомендации Министерства труда и социальной защиты РФ [8], которые носят исключительно справочный характер.

Поэтому основной проблемой антикоррупционной политики организаций является непринятие или несвоевременное принятие ими локальных правовых актов в сфере противодействия коррупции.

Даже, если такие акты принимаются юридическим лицом, то в большинстве случаев они носят исключительно формальный характер и остаются только «на бумаге», а юридическое лицо, между тем, считается выполнившим свою обязанность по принятию антикоррупционных мер.

Формальность антикоррупционной политики организаций проявляется в несоответствии локальных правовых актов друг другу, например, когда в Кодексе профессиональной этики организации установлена обязанность работника об уведомлении работодателя о возможности возникновения конфликта интересов, а порядок такого уведомления не разработан.

Поверхностное отношение к проблеме выражается также в том, что состав комиссий по антикоррупционной политике в некоторых организациях не обновляется, а иногда в составе такой комиссии числятся лица, которые уже не состоят в трудовых отношениях с этой организацией.

Отсутствие практической реализации предусмотренных юридическим лицом антикоррупционных мер – еще одна проблема противодействия коррупции в организациях, встречается, например, в виде ненадлежащего взаимодействия юридических лиц с правоохранительными органами (например, в случаях, когда организации не направляют сведения, материалы служебных проверок, проведенных в отношении своих сотрудников, совершивших коррупционное правонарушение в правоохранительные органы), в отсутствии деятельности по выявлению конфликтов интересов, по ознакомлению сотрудников организаций с антикоррупционной политикой, с планами антикоррупционных мер.

Вероятно, такой формальный подход к реализации статьи 13 Федерального закона «О противодействии коррупции» объясняется тем, что непринятие организацией антикоррупционных мер не влечет для нее никакой ответственности. Единственным стимулом в принятии антикоррупционных мер является возможность смягчения наказания или освобождения от административной ответственности по статье 19.28 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, так как в соответствии с ч. 2 статьи 2.1 КоАП РФ юридическое лицо считается виновным в совершении административного правонарушения только если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых предусмотрена административная ответственность, но им не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению.

Таким образом, юридическое лицо не подлежит ответственности за совершение правонарушения, предусмотренного статьей 19.28 КоАП РФ, в случае, если оно предприняло все возможные в его случае меры для предотвращения коррупционного деяния, а совершившие такое деяние от имени или в интересах юридического лица его сотрудники действовали несмотря на наличие антикоррупционной политики организации и ознакомления с ней.

Представляется интересным обратиться к судебной практике. Так, известны случаи, когда в силу того, что юридическим лицом были предприняты все зависящие от него меры по противодействию коррупции, дела об административном правонарушении были прекращены в связи с отсутствием состава административного правонарушения.

Например, в деле №12-1248/14. Сотрудник ЗАО «Рош-Москва» был осужден по ч. 2 статьи 290 УК РФ за совершение коррупционного деяния (получение взятки) от имени или в интересах юридического лица. Прокурор обратился к Мировому судье Куратовского судебного участка г. Сыктывкара Республики Коми с заявлением о возбуждении дела об административном правонарушении в отношении ЗАО «Рош-Москва» по ст. 19.28 КоАП. В ходе рассмотрения дела Мировой судья установил, что в ЗАО «Рош-Москва» были приняты антикоррупционные меры, в частности, разработан и утвержден кодекс этики и служебного поведения работников ЗАО «Рош-Москва», устанавливающий прямые запреты на взяточничество, с которым осужденный сотрудник был ознакомлен. В трудовой договор и должностную инструкцию этого сотрудника включены положения, возлагающие на работника обязанность исполнять требования локальных актов, содержащих антикоррупционные правила. Из-за совершения этим осужденным сотрудником коррупционного преступления в коллективе сформировано негативное отношение к коррупционным действиям, предприняты все меры к предотвращению совершения противоправных действий указанной направленности сотрудниками общества.

В связи с этим Мировой судья посчитал, что юридическим лицом были предприняты все зависящие от него меры для предотвращения административного правонарушения и постановил дело об административном правонарушении прекратить в связи с отсутствием состава преступления [9].

Такая простая возможность освобождения от административной ответственности, на наш взгляд, не будет стимулировать организацию к развитию антикоррупционной политики.

В данном ключе представляется интересной позиция Александра Бастрыкина, инициатора введения уголовной ответственности для юридических лиц. Он полагает, что за преступления, совершенные в интересах юридического лица, уполномоченным им физическим лицом, должна наступать уголовная ответственность не только для физического лица, непосредственно совершившего преступление, но и для организации [10].

Такой вид ответственности может стать серьезным стимулом для принятия и реализации организациями мер, направленных на недопущение совершения коррупционных деяний ее сотрудниками.

Более того, возможность привлечения юридических лиц к уголовной ответственности позволит преследовать находящиеся за рубежом международные организации и иностранные юридические лица за преступления, посягающие на интересы, охраняемые уголовным законодательством Российской Федерации.

В контексте выявленных проблем в сфере противодействия коррупции в организациях представляется также целесообразным гармонизация трудового и антикоррупционного законодательства, в том числе с включением в Трудовой кодекс Российской Федерации положения о дисциплинарной ответственности работников за совершенные коррупционные деяния, об обязанностях работников по выполнению меры по предупреждению коррупции (включая недопущение конфликта интересов и информирование о личной заинтересованности, которая может к нему привести), установлением оснований для привлечения работников организаций к дисциплинарной ответственности за невыполнение таких обязанностей.

Кроме того, считаем важным на законодательном уровне закрепить систему обязательных антикоррупционных мер для юридических лиц.

Безусловно рамочное регулирование антикоррупционной политики организаций не будет учитывать их специфику. В этой связи видится необходимость в законодательной классификации мер противодействия коррупции в зависимости от видов и характера деятельности организаций.

Литература

1. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации // <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1817130>
2. Самигулин В.К. Локальные нормы и их виды // Правоведение. 1976. № 2. С. 38 – 40.
3. Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001 // СЗ РФ – № 1 – 07.01.2002.
4. Антикоррупционные акты ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». <http://www.sgyua.pf.ru/info/antikorrupsionnaya-deyatelnost>
5. Антикоррупционные акты ФГБОУ ВО «МИРЭА-Российский технологический университет». <https://www.mirea.ru/about/the-anti-corruption/the-commission-on-observance-of-requirements-to-service-behavior-and-conflict-of-interests/>
6. Антикоррупционные акты ООО «Медицинский ДИ Центр». <https://opt-1288949.ssl.1c-bitrix-cdn.ru/upload/images/prikaz.jpeg?1534960949712355>
7. Антикоррупционные МДОУ «Стогинский детский» Гаврилов-Ямского МР Ярославской области. https://dsstog-gav.edu.yar.ru/antikorrupsionnaya_politika.html
8. Методические рекомендации по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции от 08.11.2013. <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/employment/26>
9. Решение Сыктывкарского городского суда от 14 октября 2014 г. по делу № 12-1248/2014.
10. Российская газета. <https://rg.ru/2019/12/08/bastrykin-sk-napravil-v-sud-svyshe-80-tysiach-ugolovnyh-delo-korrupcii.html>

References

1. Oficial'nyj sajt General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii. <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1817130>
2. Samigulin V.K. Lokal'nye normy i ih vidy. Pravovedenie. 1976. № 2. S. 38 – 40.
3. Trudovoj kodeks RF ot 30.12.2001 // SZ RF – № 1 – 07.01.2002.
4. Antikorrupcionnye akty FGBOU VO «Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya». <http://www.sgyua.rf.ru/info/antikorrupsionnaya-deyatelnost>
5. Antikorrupcionnye akty FGBOU VO «MIREA-Rossijskij tekhnologicheskij universitet». <https://www.mirea.ru/about/the-anti-corruption/the-commission-on-observance-of-requirements-to-service-behavior-and-conflict-of-interests/>
6. Antikorrupcionnye akty ООО «Medicinskij DI Centr». <https://opt-1288949.ssl.1c-bitrix-cdn.ru/upload/images/prikaz.jpeg?1534960949712355>
7. Antikorrupcionnye MDOU «Stoginskij detskij» Gavrilov-YAmskogo MR Yaroslavskoj oblasti. https://dsstog-gav.edu.yar.ru/antikorrupsionnaya_politika.html
8. Metodicheskie rekomendacii po razrabotke i prinyatiyu organizacijami mer po preduprezhdeniyu i protivodejstviju korrupcii ot 08.11.2013. <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/employment/26>
9. Reshenie Syktyvkarskogo gorodskogo suda ot 14 oktyabrya 2014 g. po delu № 12-1248/2014.
10. Rossijskaya gazeta. <https://rg.ru/2019/12/08/bastrykin-sk-napravil-v-sud-svyshe-80-tysiach-ugolovnyh-delo-korrupcii.html>

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕДОБРОСОВЕСТНУЮ ЭМИССИЮ ЦЕННЫХ БУМАГ

Виннер Э.Р., аспирант,
Московский государственный юридический
университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

Аннотация: в статье рассматривается законодательное закрепление ответственности за злоупотребления при эмиссии ценных бумаг в статье 185 Уголовного кодекса России, а также в некоторой степени корреспондирующая ей норма статьи 15.17 Кодекса об административных правонарушениях, устанавливающая ответственность за недобросовестную эмиссию. Выявляются различные неясности и противоречия в формулировках данных статей, непоследовательность в используемой законодателем терминологии. Прежде всего, автор рассматривает вопрос о соотношении указанных составов, анализируя упущение, которое содержится в излишне казуистичном описании состава правонарушения в статье 15.17 КоАП. Помимо этого, анализируется вопрос о целесообразности использования по существу гражданско-правовой категории «недобросовестность» в административно-деликтном законодательстве, а также тесно связанной с ней категории «злоупотребление» в уголовном законодательстве; кроме того, проводится сравнение доктринальных позиций исследователей о причинах выбора законодателем подобных формулировок. На основании этого проводится рассмотрение возможных проблем, которые могут возникнуть в ходе правоприменения в результате содержащихся в законодательстве неясностей.

По результатам исследования автор предлагает ряд изменений, направленных на обеспечение единообразия уголовного, административно-деликтного законодательства и специального законодательства в сфере ценных бумаг, которые позволят снизить риск принятия спорных и неправильных решений компетентными органами власти.

Ключевые слова: ценные бумаги, добросовестность, злоупотребление правом, эмиссия, фондовый рынок

CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR UNFAIR SECURITIES ISSUE

Vinner E.R., Postgraduate,
O.E. Kutafin Moscow State Law University(MSLA)

Abstract: the article discusses the way the legislator enshrines responsibility for abuse in the issue of securities in Article 185 of the Criminal Code of Russia, as well as the rule contained in Article 15.17 of the Code of Administrative Offenses, partially corresponding thereto, which establishes liability for mala fide issue of securities. Various ambiguities and contradictions in the wording of these articles, inconsistency in the terminology used by the legislator are revealed. First of all, the author examines the relation between the two corpus delicti, analyzing the omission visible in the overly casuistic description of the element of the offense in Article 15.17 of the Code of Administrative Offenses. In addition, the author analyzes the practicability of using the essentially civil category of mala fide (“bad faith”) in administrative offenses legislation, as well as the closely related category of “abuse” in criminal legislation; in addition, a comparison is made of the doctrinal positions of researchers upon the reasons for the legislator's choice of wording. On this basis, consideration is given to possible problems that may arise in the course of law application process as a result of ambiguities contained in the legislation.

Relying upon the results of the study, the author proposes a number of changes aimed at ensuring the uniformity of criminal, administrative offense legislation and special legislation in the field of securities, which will reduce the risk of making controversial and incorrect decisions by competent authorities.

Keywords: securities, good faith, abuse of rights, issue, stock market

Одним из наиболее важных механизмов уголовно-правового обеспечения фондового рынка является установление и реализация ответственности за злоупотребления при эмиссии ценных бумаг. В действующем законодательстве соответствующая норма предусмотрена в ст. 185 УК РФ. Несмотря на то, что, как констатируется в доктрине, определенный теоретический и практический опыт по данной статье уже накоплен [3], определенные пробелы и неясности все еще остаются.

Во-первых, ни в самом законодательстве, ни в доктрине не решен вопрос о соотношении приведенной уголовно-правовой нормы и нормы, содержащейся в статье 15.17 КоАП РФ, предусматривающей административную ответственность за недобросовестную эмиссию. Из самого текста ч. 1 ст. 185 УК РФ явствует, что объективную сторону преступления образуют три деяния: 1) внесение в проспект ценных бумаг заведомо недостоверной информации; 2) утверждение либо подтверждение содержащего заведомо недостовер-

ную информацию проспекта или отчета (уведомления) об итогах выпуска ценных бумаг; 3) размещение эмиссионных ценных бумаг, выпуск которых не прошел государственную регистрацию, в тех случаях, когда по законодательству это необходимо. Не содержится формулировки «и другие нарушения предусмотренной законодательством о ценных бумагах процедуры эмиссии», что видится нам упущением. В любом случае, *prima facie* объективная сторона деяния, предусмотренного в ст. 15.17 КоАП, представляется более широкой. Законодатель в указанной норме использует более обширные формулировки и включает в состав административного правонарушения отклонения от законодательно установленного порядка эмиссии в целом, безотносительно конкретных видов таких нарушений.

Несмотря на эти явные различия, исследователь Д.О. Бирюков, по сути, приравнивает данные составы, говоря об уголовной ответственности за «недобросовестную» (в целом) эмиссию [10]. Однако Л.В. Чистякова придерживается иного мнения, подразумевая, что статье 15.17 КоАП (в которой, кстати говоря, делается оговорка «если ... действие не содержит уголовно наказуемого деяния» – без отсылки к конкретным нормам уголовного закона) корреспондируют несколько статей УК. Помимо ст. 185, сюда, по ее мнению, следует относить ст. 186 «Изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг», ст. 187 «Неправомерный оборот средств платежей» [11].

Однако правомерно ли говорить о соотношении административного запрета «недобросовестной эмиссии» с этими уголовно-правовыми нормами? Для этого необходимо первоначально проанализировать сам термин «недобросовестная эмиссия», который сам по себе вызывает множество сомнений и неясностей. Понятие эмиссии как таковой установлено законодательным путем и на основе ст. 2 ФЗ о рынке ценных бумаг может быть представлено в следующем виде: эмиссия – это предусмотренная законодательством о рынке ценных бумаг последовательность действий по размещению ценных бумаг. Вне зависимости от понимания правовой природы эмиссии (например, М.И. Брагинский определял ее как одностороннюю сделку [12, с. 13], а И.В. Редькин и А.Ю. Синенко – как целую совокупность одно- и многосторонних сделок, и административных актов по размещению [5, с. 21]) мы явно видим, что приведенные Л.В. Чистяковой статьи УК относятся к другим категориям правоотношений. Как ст. 186, так и ст. 187 затрагивают изготовление или оборот ценных бумаг, но не их размещение на фондовом рынке. Позиция Л.В. Чистяковой, стало быть, является необоснованной.

Однако и мнение Д.О. Бирюкова видится чрезмерным упрощением. Этот же исследователь утверждает, что «добросовестность» эмиссии означает ее соответствие требованиям законодательства на всех ее этапах [13, с. 233]. Однако категорию «добросовестность» следует отличать от категории «законность»; именно вторая выражает отношение действий субъекта к действующим правовым нормам. Добросовестность же как юридическое понятие предполагает совершение действий без намерения причинить вред другому лицу и при недопущении легкомыслия и небрежности по отношению к возможному причинению вреда [14]. Закон может и не содержать прямого запрета на те или иные действия, а, напротив, наделять лицо субъективным правом, однако если такое право использовано во вред иным субъектам, подобное действие будет недопустимым с точки зрения законодательства.

Аналогично, если рассматривать тот же вопрос в негативной плоскости, незаконность (или противоправность) следует отличать от недобросовестности. В этой связи справедливым представляется замечание В.И. Емельянова, по мнению которого в ряде нормативно-правовых актов законодатель некорректно использует термин «недобросовестность», при этом имея в виду противоправность, и одним из примеров тому как раз служит законодательство о рынке ценных бумаг [4, с. 98].

Следует, вместе с тем, отметить, что рассмотрение понятия «недобросовестная эмиссия» через призму ст. 26 ФЗ о рынке ценных бумаг, что делается многими авторами при анализе положений КоАП [1], видится необоснованным, ибо сам Закон не оперирует понятиями «добросовестный» или «недобросовестный». Указанная статья его лишь перечисляет основания приостановления эмиссии либо признания выпуска ценных бумаг недействительным / несостоявшимся.

Говоря о признаках недобросовестной эмиссии, Д.О. Бирюков, основываясь на судебной практике, перечисляет ряд ее признаков, как то: 1) нарушение порядка и / или процедуры проведения эмиссии на любом ее этапе [13]; 2) проведение эмиссии в период корпоративного или иного конфликта в рамках коммерческой организации с целью причинить вред другому лицу [15]; 3) несоответствие сведений, содержащихся в решении о дополнительном выпуске ценных бумаг организации, утвержденном советом директоров, решению об увеличении уставного капитала, принятому общим собранием участников данной организации [16]. Мы видим, таким образом, что исследователь допускает уже раскритикованное нами смешение категорий недобросовестности и незаконности. Нарушение порядка или процедуры эмиссии, очевидно, свидетельствует о ее незаконности; к категории незаконности относится и третий выделенный исследователем при-

знак. Однако второе основание требует более детального анализа. В мотивировочной части судебного акта по релевантному делу кассационный суд представил следующее обоснование:

Согласно статье 10 Гражданского кодекса Российской Федерации не допускаются действия граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также злоупотребление правом в иных формах.

Апелляционный суд, установив, что имела место недобросовестная эмиссия, дополнительный выпуск акций был зарегистрирован на основании документов, содержащих недостоверную информацию, было нарушено право истца на приобретение акций, правомерно удовлетворил заявленные требования.

Несмотря на то, что истец основывал свои требования не только на ст. 10 ГК РФ, но и на ст. 26 ФЗ о рынке ценных бумаг, суд, что показательно, не включил эту норму в правовое обоснование решения. Таким образом, недобросовестная эмиссия была рассмотрена сквозь призму общих норм гражданского законодательства; прямого запрета, который был бы применим в рамках данного дела, специальное законодательство о рынке ценных бумаг не содержит.

На основании вышеизложенного мы вправе сделать вывод, что наименование ст. 15.17 КоАП не соответствует ее содержанию, что может вызвать затруднения при правоприменении. Но и корреспондирующая статья Уголовного кодекса содержит в названии термин «злоупотребления», тогда как в самой норме речь идет именно о нарушениях. В чем же причина такого выбора терминологии? В попытке ответить на этот вопрос исследователь А.А. Гогин считает, что речь в рассматриваемой статье идет о злоупотреблении полномочиями лицом, уполномоченным проводить эмиссию ценных бумаг [2]. Однако данная трактовка расходится со смыслом законодательства и правоприменительной практикой: злоупотребление полномочиями представляет собой отдельное деяние, не охватываемое анализируемой нормой. Это доказывает тот факт, что в одном из дел действия подсудимого были расценены как совокупность преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 201 («Злоупотребление полномочиями») и ч. 1 ст. 185 УК РФ [17].

Изложенные выше соображения *prima facie* наводят на мысль, что для целей единообразия и последовательности в правоприменении было бы целесообразно переименовать рассматриваемые статьи КоАП и УК в «нарушения правил эмиссии ценных бумаг», при этом объективная сторона ст. 185 УК РФ должна быть расширена и сформулирована по аналогии со ст. 15.17 КоАП (единственным «водоразделом» между ними должно служить наличие крупного ущерба (> 1,5 млн. руб.)), ибо, как указывалось выше, в ней перечислены лишь некоторые из многочисленных возможных нарушений процедуры эмиссии.

Однако возможны ситуации, при которых действия, совершенные в ходе эмиссии ценных бумаг, хоть и не содержат каких-либо прямых нарушений законодательно установленного порядка таковой, совершены во вред и сопряжены с крупным ущербом иным лицам. Выше уже рассматривался подобный пример из судебной практики. В данном случае речь идет не о нарушении порядка эмиссии, а именно о недобросовестной эмиссии. Но, коль скоро недобросовестные действия запрещены законодательно (ярким примером тому может служить ст. 10 ГК РФ, устанавливающая недопустимость осуществления гражданских прав с намерением причинить вред или с заведомой недобросовестностью), понятие «недобросовестность» в данном случае будет видовым, охватываемым понятием «противоправность». Таким образом, следует изменить заглавие ст. 15.17 КоАП и ст. 185 УК РФ на «Противоправная эмиссия», а норму уголовного закона изложить в следующей редакции: «Нарушение эмитентом установленного федеральными законами и принятыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами порядка (процедуры) эмиссии ценных бумаг, а также заведомо недобросовестные действия в ходе эмиссии ценных бумаг, либо осуществление эмиссии ценных бумаг с намерением причинить вред иным лицам, либо охраняемым законом интересам государства и общества, если эти деяния причинили крупный ущерб гражданам, организациям или государству...».

И все же, по всей видимости, это не единственные изменения, которые следовало бы внести в рассматриваемую нами норму. По мнению исследователя А.Н. Харитонов, сроки наказания, предусмотренные анализируемой статьей, не соответствуют общественной опасности содеянного [9] и не позволяют эффективно бороться с подобными действиями, которые зачастую могут служить средствами такой опасной деятельности, как рейдерство. Размер крупного ущерба, определенный для целей данной статьи, представляется, по утверждению того же автора, завышенным. А.Н. Харитонов считает, что его следует установить по аналогии с тем, что предусмотрен для большинства преступлений в сфере экономической деятельности (т.е. > 250 тыс. руб.). С нашей точки зрения, эти замечания заслуживают внимания и, вероятно, имплементации в уголовный закон с учетом имеющихся криминологических данных.

Представляется, что предлагаемые выше изменения позволят устранить пробелы в правоприменении и поспособствуют достижения определенного терминологического единообразия, которое зачастую отсутствуют в отечественном законодательстве, особенно в межотраслевом измерении.

Литература

1. Агапов А.Б. Постатейный комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях. Расширенный, с использованием материалов судебной практики. 2-е изд. М.: Статут, 2004.
2. Гогин А.А. Ответственность за нарушение законодательства о рынке ценных бумаг // Банковское право. 2007. № 2
3. Дашкова Г.Г. Уголовно-правовое обеспечение рынка ценных бумаг: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.
4. Емельянов В.И. Разумность, добросовестность и незлоупотребление гражданскими правами. М.: Лекс-Книга, 2002.
5. Редькин И.В. Меры гражданско-правовой охраны прав участников отношений в сфере рынка ценных бумаг. М., 1997.
6. Рябова А.Ю. Преступления, совершаемые на рынке ценных бумаг: социальная обусловленность, законодательная регламентация, квалификация: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
7. Синенко А.Ю. Эмиссия корпоративных ценных бумаг: правовое регулирование, теория и практика. М.: Статут, 2002.
8. Токаренко В.Н. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступлениями, совершаемыми на рынке ценных бумаг: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003
9. Харитонов А.Н. Правовое регулирование противодействия рейдерству // Административное и муниципальное право. 2015. № 1.
10. Бирюков Д.О. До минор: реквием для миноритариев в мажорной тональности. М.: Статут, 2020.
11. Постатейный комментарий к Кодексу РФ об административных правонарушениях. Ч. 2. Т. 1. / под общ. ред. Л.В. Чистяковой. М.: ГроссМедиа, РОСБУХ, 2019.
12. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. М., 1997. С. 13.
13. Бирюков Д.О. Указ. соч. Аналогичной позиции придерживается, по-видимому, и правовед А.В. Майфат, рассматривающий недобросовестную эмиссию в свете неправомерных действий эмитента: Майфат А.В. Гражданско-правовые конструкции инвестирования: монография. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 233.
14. Свит Ю.П. Понятие и значение добросовестности и разумности в современном российском праве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 9.
15. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 5 мая 2015 г. № Ф05-2712/15 по делу № А40-33399/2013.
16. Постановление Федерального арбитражного суда Центрального округа от 27 августа 2012 г. № Ф10-2703/12 по делу № А14-7202/2011.
17. Приговор Ленинского районного суда Чувашской Республики от 11.05.2005.

References

1. Agapov A.B. Postatejnyj kommentarij k Kodeksu Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah. Rasshirennyj, s ispol'zovaniem materialov sudebnoj praktiki. 2-e izd. M.: Sta-tut, 2004.
2. Gogin A.A. Otvetstvennost' za narushenie zakonodatel'stva o rynke cennyh bumag. Bankovskoe pravo. 2007. № 2
3. Dashkova G.G. Ugolovno-pravovoe obespechenie rynka cennyh bumag: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2005.
4. Emel'yanov V.I. Razumnost', dobrosovestnost' i nezloupotreblenie grazhdanskimi pravami. M.: Leks-Kniga, 2002.
5. Red'kin I.V. Mery grazhdansko-pravovoj ohrany prav uchastnikov otnoshenij v sfere rynka cennyh bumag. M., 1997.
6. Ryabova A.Yu. Prestupleniya, sovershaemye na rynke cennyh bumag: social'naya obuslovlennost', zakonodatel'naya reglamentaciya, kvalifikaciya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2013.
7. Sinenko A.Yu. Emissiya korporativnyh cennyh bumag: pravovoe regulirovanie, teoriya i praktika. M.: Statut, 2002.
8. Tokarenko V.N. Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie problemy bor'by s prestupleniyami, sovershaemyimi na rynke cennyh bumag: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2003
9. Haritonov A.N. Pravovoe regulirovanie protivodejstviya rejderstvu. Administrativnoe i municipal'noe pravo. 2015. № 1.
10. Biryukov D.O. Do minor: rekviem dlya minoritarijev v mazhornoj tonal'nosti. M.: Statut, 2020.
11. Postatejnyj kommentarij k Kodeksu RF ob administrativnyh pravonarusheniyah. CH. 2. T. 1. pod obshch. red. L.V. CHistyakovoj. M.: GrossMedia, ROSBUH, 2019.

12. Braginskij M.I., Vitryanskij V.V. Dogovornoe pravo. Obshchie polozheniya. M., 1997. S. 13.
13. Biryukov D.O. Ukaz. soch. Analogichnoj pozicii priderzhivaetsya, po-vidimomu, i pravoved A.V. Majfat, rassmatrivayushchij nedobrosovestnuyu emissiyu v svete nepravomernyh dejstvij emitenta: Majfat A.V. Grazhdansko-pravovye konstrukcii investirovaniya: monografiya. M.: Volters Kluver, 2007. S. 233.
14. Svit Yu.P. Ponyatie i znachenie dobrosovestnosti i razumnosti v sovremennom rossijskom prave. Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2010. № 9.
15. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 5 maya 2015 g. № F05-2712/15 po delu № A40-33399/2013.
16. Postanovlenie Federal'nogo arbitrazhnogo suda Central'nogo okruga ot 27 avgusta 2012 g. № F10-2703/12 po delu № A14-7202/2011.
17. Prigovor Leninskogo rajonnogo suda CHuvashskoj Respubliki ot 11.05.2005.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ВОСПИТАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Тренина Е.Г., кандидат политических наук, доцент,
Тулский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

Аннотация: в статье рассматриваются конституционно-правовые основы решения государственной задачи воспитания будущих поколений граждан в духе гуманистических идеалов на основе исторически сложившейся системы ценностей нашего многонационального государства. Рассматриваются положения действующих нормативно-правовых актов, в которых нашли наиболее полное отражение нормы Конституции РФ, определяющей задачи воспитания подрастающих и будущих поколений как национального приоритета, необходимость гармоничного развития личности, ее духовно-нравственных, интеллектуальных и физических качеств.

Отмечается, что значительное число конституционных положений имеет прямое отношение к формированию концепции воспитательной политики в ближайшей и долгосрочной перспективе, задает стратегические ориентиры для системы организации воспитания в Российской Федерации. Обосновывается вывод о том, что воспитание является не только важнейшей социальной функцией семьи, но и необходимой задачей для всего общества, а также приоритетным направлением государственной политики, от успеха реализации которого зависит национальная безопасность России, сохранение ее государственного суверенитета. Воспитание детей и молодежи в духе базовых, конституционно закрепляемых и защищаемых ценностей должно способствовать духовно-нравственной консолидации нашего общества, выступать важнейшим фактором его жизнеспособности на данном этапе развития и в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: Конституция, воспитание, конституционно-правовое регулирование, национальные традиции, семейные ценности, образование

CONSTITUTIONAL FOUNDATIONS OF EDUCATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Tronina E.G., Candidate of Political Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Tolstoy Tula State Pedagogical University

Abstract: the article considers the constitutional and legal bases for solving the state task of educating future generations of citizens in the spirit of humanistic ideals based on the historically established system of values of our multinational state. The provisions of the current normative legal acts are considered, which most fully reflect the norms of the Constitution of the Russian Federation, which defines the tasks of educating younger and future generations as a national priority, the need for harmonious development of the individual, his spiritual, moral, intellectual and physical qualities.

It is noted that a significant number of constitutional provisions are directly related to the formation of the concept of educational policy in the short and long term, sets strategic guidelines for the system of organization of education in the Russian Federation. The author substantiates the conclusion that education is not only the most important social function of the family, but also a necessary task for the whole society, as well as a priority direction of state policy, the success of which depends on the national security of Russia, the preservation of its state sovereignty. The education of children and young people in the spirit of basic, constitutionally fixed and protected values should contribute to the spiritual and moral consolidation of our society, act as the most important factor of its viability at this stage of development and in the long term.

Keywords: Constitution, education, constitutional and legal regulation, national traditions, family values, education

Одним из важнейших условий жизнеспособности государства является прочность духовно-нравственных и культурных основ его единства, ценностно-мировоззренческая консолидация общества, бережное хранение и органичная трансформация в современном контексте национальных традиций и ценностей. История многих народов и государств неоднократно доказывала, что без опоры на опыт прошлого нет будущего и перспектив успешного развития, без знания и понимания своих корней народ обречен на деградацию и исчезновение. Непрерывность и целостная взаимосвязь всех этапов исторического процесса отражена в этимологии и значении самого понятия «традиция» (от лат. tradition – передача, предание) как способа бытия и воспроизводства элементов социального и культурного наследия, фиксирующего устойчивость и преемственность опыта поколений, времен и эпох [1].

Защитить от угрозы выхолащивания и искажения истинной природы национальных традиций и, в конечном счете, их забвения невозможно без эффективного решения Российской Федерацией государственной задачи воспитания будущих поколений граждан в духе гуманистических идеалов на основе исторически сложившейся системы ценностей нашего многонационального государства. Становление личности через трансляцию социального опыта, формирование чувства сопричастности к родной истории и многовековой культуре, традиционных для нашего общества духовно-нравственных ценностей составляют сущность процесса воспитания. Данный смысл отражает законодательное определение понятия «воспитание» как «деятельности, направленной на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде» [2]. В данных положениях нашли отражение нормы Конституции РФ, закрепляющей базовые начала правового регулирования всех сфер общества и определяющей задачи воспитания подрастающих и будущих поколений как национального приоритета, необходимость гармоничного развития личности, ее духовно-нравственных, интеллектуальных и физических качеств. Запрет на фальсификацию исторических фактов, неприятие тенденциозного подхода в оценках прошлого должен способствовать его всестороннему объективному изучению, тем более, что, по данным социологических опросов, «уровень знаний в этой области неуклонно снижается» [3].

Значительное число конституционных положений, в особенности после изменений, внесенных поправками прошлого года, имеет прямое отношение к формированию концепции воспитательной политики в ближайшей и долгосрочной перспективе, задает стратегические ориентиры для системы организации воспитания в Российской Федерации. Так, указанные в преамбуле Конституции РФ ценности и цели развития России, правовая природа ее конституционного строя проникнуты духом гуманизма, стремления к гармоничному сочетанию интересов личности и государства, достижению общественного согласия и стабильности, сохранению исторической преемственности и памяти предков.

Действие закрепленной в ст. 1 конституционной формулы государства, его демократических основ, правового и социального характера возможно лишь в условиях реального признания человека, его прав и свобод, высшей ценностью, свободного развития и достойной жизни людей, высокого уровня правосознания и правовой культуры. Личная и социальная ответственность, религиозная и этническая толерантность, неприятие идей социальной, расовой, национальной и религиозной ненависти и вражды в нашем многонациональном государстве, где проживает более 190 народов и используется более 270 языков и диалектов, являются качествами, которые необходимо формировать в ходе масштабной воспитательной работы [4]. Стремлением защитить институт семьи и ценности материнства, отцовства и детства, этические основы и крепость семейных уз проникнуты много нормы Конституции РФ. В частности, об этом свидетельствует конституционное закрепление права и обязанности родителей заботиться о детях и воспитывать их, а также совершеннолетних детей заботиться о родителях; конституционная защита традиционного понимания института брака.

В нормах Конституции РФ подчеркивается приоритет семейного воспитания детей, необходимости его поддержки государством, берущим «на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения» [5]. Так, на одной из встреч с молодыми лауреатами премий в области литературы и искусства за произведения для детей и юношества Президент РФ В.В. Путин выразил мнение о том, что «не менее важно, а, может, гораздо более важно – это воспитание будущих поколений... Мы все в этом заинтересованы, – подчеркнул глава государства. – И семья заинтересована, и общество в целом заинтересовано, потому что от результатов нашей работы на этом направлении будет зависеть будущее России без всякого преувеличения» [6]. В частности, деятельность созданного при Президенте РФ Совета по реализации государственной политики в сфере защиты семьи и детей должна способствовать успешной реализации мер в рамках Десятилетия детства.

Безусловно, воспитание является не только важнейшей социальной функцией семьи, но и необходимой задачей для всего общества, а также приоритетным направлением государственной политики, от успеха реализации которой зависит национальная безопасность России, сохранение ее государственного суверенитета. Основываясь на фундаменте Конституции РФ, «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» в качестве приоритетной задачи указывает «развитие высоконравственной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности, обладающей актуальными знаниями и умениями, способной реализовать свой потенциал в условиях современного общества, готовой к мир-

ному созиданию и защите Родины» [7]. К несомненным достоинствам данного документа следует отнести конкретизацию содержания системы духовно-нравственных ценностей, таких, в частности, как честь, совесть, справедливость и др., классификацию видов воспитания – гражданского, патриотического, духовного и нравственного, трудового, экологического, приобщения к культурному наследию и популяризации научных знаний. Акцентируя внимание на цели и наиболее действенных подходах, механизмах формирования и развития общественно-государственной системы воспитания, Стратегия содержит обширный перечень его приоритетов. Комплексная реализация задач воспитательного процесса предполагает систему мер поддержки и расширения воспитательных возможностей семьи, системы образования, информационных ресурсов и общественных объединений.

Особое значение воспитательной составляющей образовательного процесса подчеркивает, на мой взгляд, ее первоочередное указание в законодательном определении понятия «образование» как единого целенаправленного процесса воспитания и обучения [2]. Инициированные Президентом РФ изменения в ФЗ «Об образовании в РФ» акцентируют внимание на воспитании, способствуют переосмыслению его содержания в соответствии с поправками к Конституции РФ, совершенствованию системы организации воспитательной работы как совместной деятельности не только органов управления образованием, образовательных организаций и педагогов, но и представительных органов обучающихся, а также родителей несовершеннолетних обучающихся. Воспитание детей и молодежи в духе базовых, конституционно закрепляемых и защищаемых ценностей должно способствовать духовно-нравственной консолидации нашего общества, выступать важнейшим фактором его жизнеспособности на данном этапе развития и в долгосрочной перспективе.

Литература

1. Политическая энциклопедия / Рук. науч. проекта Г.Ю. Семигин. М.: Мысль, 1999. Т. 2. С. 508 – 509.
2. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 02.07.2021) "Об образовании в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.07.2021) [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/b819c620a8c698de35861ad4c9d9696ee0c3ee7a/
3. Опрос: что россияне считают символами страны и знают об истории [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://rg.ru/2021/04/27/opros-cto-rossiiiane-schitaiut-simvolami-strany-i-znaiut-ob-istorii.html>
4. Демография. Численность и состав населения (витрины) [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://kremlin.ru/acts/constitution>
6. Путин заявил, что воспитанию будущих поколений россиян нужно уделять больше внимания [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://tass.ru/obschestvo/10995455>
7. Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 N 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_180402/

References

1. Politicheskaya enciklopediya / Ruk. nach. projekta G.YU. Semigin. M.: Mysl', 1999. T. 2. S. 508 – 509.
2. Federal'nyj zakon ot 29.12.2012 N 273-FZ (red. ot 02.07.2021) "Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii" (s izm. i dop., vstup. v silu s 13.07.2021) [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/b819c620a8c698de35861ad4c9d9696ee0c3ee7a/
3. Opros: chto rossiyane schitayut simvolami strany i znayut ob istorii [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: URL: <https://rg.ru/2021/04/27/opros-cto-rossiiiane-schitaiut-simvolami-strany-i-znaiut-ob-istorii.html>
4. Demografiya. CHislennost' i sostav naseleniya (vitriiny) [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>
5. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: URL: <http://kremlin.ru/acts/constitution>
6. Putin zayavil, chto vospitaniyu budushchih pokolenij rossiyan nuzhno udelyat' bol'she vnimaniya [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: URL: <https://tass.ru/obschestvo/10995455>
7. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 29.05.2015 N 996-r «Ob utverzhdenii Strategii razvitiya vospitaniya v Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda» [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_180402/

**ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ УТРАТЫ ИЛИ ИСКАЖЕНИЯ
ИНФОРМАЦИИ, СОДЕРЖАЩЕЙСЯ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ
ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМАХ**

**Зубков И.Б., аспирант,
Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации**

***Аннотация:** статья посвящена рассмотрению вопросов, связанных с правовыми последствиями утраты или искажения информации, содержащейся в государственных информационных системах. В статье описаны преимущества и недостатки государственных информационных систем, которые активно используются в Российской Федерации, обобщается практический опыт обработки и защиты персональных данных, рассмотрена проблема возрастания объема информации конфиденциального характера о гражданах и юридических лицах, освещена необходимость принятия правовых, организационных и технических меры по защите информации, содержащейся на электронных и бумажных носителях. Особое внимание уделяется рискам хранения информации в государственных информационных системах, проблемам в данной сфере, а также деликтной ответственности, составу юридических фактов, которые служат основанием для возникновения обязательств в результате причинения вреда.*

В заключении автор предлагает пути решения проблем, связанных с рисками хранения информации в государственных информационных системах, ответственностью за утрату или искажение информации, содержащейся в государственных информационных системах.

***Ключевые слова:** персональные данные, государственные информационные системы, утрата, искажение, хранение*

**LEGAL CONSEQUENCES OF THE LOSS OR DISTORTION OF INFORMATION
CONTAINED IN STATE INFORMATION SYSTEMS**

**Zubkov I.B., Postgraduate,
Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation**

***Abstract:** the article is devoted to the consideration of issues related to the legal consequences of the loss or distortion of information contained in state information systems. The article describes the advantages and disadvantages of state information systems that are actively used in the Russian Federation, summarizes the practical experience of processing and protecting personal data, considers the problem of increasing the volume of confidential information about citizens and legal entities, describes the need to apply legal, organizational and technical measures to protect information contained in electronic and paper media.*

Special attention is paid to the risks of storing information in GIS, problems in this area, as well as tort liability, the composition of legal facts that serve as the basis for the emergence of obligations as a result of harm. In conclusion, the author suggests ways to solve problems associated with the risks of storing information in state information systems, liability for loss or distortion of information contained in state information systems.

***Keywords:** personal data, state information systems, loss, distortion, storage*

Нынешний век тесно связан со стремительным развитием информационно-телекоммуникационных технологий, в связи с этим его принято считать «веком цифровизации». Электронный документооборот начинает постепенно охватывать все сферы функционирования общественных отношений. Исключением не стала и сфера деятельности государственных органов. Показательным примером будут государственные информационные системы (далее – ГИС). Однако нельзя не отметить, что определенные проблемы, связанные с переходом на электронный документооборот, зачастую возникают на практике. Так, приходится говорить не только о положительных аспектах (простоте, удобстве, скорости от использования информационно-телекоммуникационных технологий), но и об отрицательных, например, это может быть связано с утратой или искажением информации, которая содержится в ГИС. В таком случае особую актуальность приобретает вопрос о возможных последствиях.

В современных условиях актуальной является проблема, которая связана с риском утраты информации или её несанкционированным распространением, которая была аккумулирована в различных информационных базах государственных структур. В ГИС может храниться информация конфиденциального характера

ра не только отдельных граждан, но и организаций. Объединение баз данных различных государственных структур в единую информационную систему может быть связано с дополнительным риском несанкционированной утечки персональной информации. Также существующий риск утечки персональных данных, которые хранятся в ГИС, создает определённую вероятность ущемление прав и свобод тех граждан, данные которых попали в руки злоумышленников. Данные проблемы требуют своего разрешения. Акцентируем внимание на них в рамках настоящего исследования более подробно и предложим пути, которые позволят минимизировать возможность утраты или искажения информации, содержащейся в ГИС.

Так называемые ГИС, которые активно используются в государственном управлении, как уже ранее было сказано, имеют не только преимущества, но и имеют некоторые риски. В частности, это утрата или искажение информации, которая в них содержится.

В нынешнее время в ГИС накоплен большой объем информации (преимущественно конфиденциального характера). К примеру, источниками такой информации выступают ЕГРЮЛ/ЕГРИП, Росреестр, Федресурс. Так, из Росреестра можно получить данные о владельцах того или иного недвижимого имущества, а также о нем самом. Частично данная информация представлена и в общем доступе. Получить ее может любой желающий, достаточно ввести адрес недвижимости. Однако более расширенные сведения можно получить только идентифицировав такое имущество и заказав за определенный денежный эквивалент выписку. Такую же характеристику можно дать и об иных перечисленных выше ресурсах. Вместе с тем такие системы хранят в себе достаточно большой объем конфиденциальной информации. При этом, в том случае, если происходит утечка информации, третьи лица одновременно могут получить большой объем информации и данных о субъекте, что в свою очередь может привести к правонарушениям в отношении субъекта и ущемлению его законных прав.

Необходимо отметить, что процесс утечки информации и данных является объективным, который характерен не только для государственных структур и учреждений, но и для коммерческих организаций. С правовой точки зрения наибольшую опасность оставляет не утечка данных, а сам процесс объединения баз данных ГИС в одном месте [9, с. 163].

По мнению С.Е. Чаннова, ключевая проблема заключается не только в том, что информация, которая находится у третьих лиц, полученная из государственных баз данных, может нанести определённый ущерб, а также в том, что это приносит значительные неудобства. В качестве примера приводится информация из Росреестра о владении неким гражданином определённым объектам недвижимости. Отмечается, что данная информация чаще всего не может нанести конкретный вред, однако наличие её у третьих лиц приносит соответствующему гражданину определённое неудобство. Однако, ситуация кардинальным образом меняется, когда третьи лица получают доступ к информации из объединенной базы данных (ГИС), где хранится информация не только о недвижимости определённого гражданина, но и информация о его доходах, болезнях, которые он перенёс, правонарушениях, штрафах и т.д. Полученный объем данных и разносторонней информации из государственных баз данных может позволить не только сформировать общую картину о субъекте, но и благодаря аналитическим мероприятием выяснить косвенную информацию. Таким образом, полученная незаконным образом информация из ГИС может не только навредить субъекту, но и принести ему значительный дискомфорт и неудобства [9, с. 163].

Исходя из вышеописанного, следует отметить, что в современных условиях, которые характеризуются высокой степенью цифровизации общества, крайне важным становится необходимость защиты персональных данных и информации, которая аккумулируется в базах данных ГИС. Также следует отметить, что персональные данные каждого гражданина, которые содержатся в ГИС, являются частью его личной жизни и должны находиться под должным уровнем защиты, которая не всегда может быть обеспечена. Особо остро вопрос сохранности данных в ГИС стоит ввиду возможности быстрого распространения и потенциального доступа к ней третьих лиц, которые могут воспользоваться ею с целью причинения вреда гражданину.

В данном случае уместным будет упоминание о Стратегии развития информационного общества в РФ до 2030 года, в рамках которой одним из ключевых вопросов является защита персональных данных граждан и соблюдение баланса между цифровизацией общества, обработкой данных и соблюдением всех прав граждан, к которым также относится право на семейную и личную тайну [6].

Статистика обращений в адрес Роскомнадзора свидетельствует о росте незаконного распространения персональных данных граждан. В 2019 г. динамика роста составила 22,4% к предыдущему, со стороны граждан (90,5% от общего числа обращений) и юридических лиц поступило 50 394 обращения. С учетом того, что в последующие два года активно будет распространяться цифровизация в различные сферы деятельности и жизни, то вероятнее всего число обращений будет и дальше расти, вместе с ростом правонарушений из-за незаконного распространения персональных данных, полученных из ГИС.

Для общего понимания персональных данных следует обратиться к определению данного термина, которое дает законодатель. Так, согласно ст. 3 Федерального закона от 27.07.2006 «О персональных данных» персональные данные представляют собой любую информацию, относящуюся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных) [5].

Вопрос возрастания объемов информации частных лиц и организаций также имеет ещё одну острую проблему, которая заключается в объединении всей информации из различных баз данных ГИС. Ещё одной стороной, которая может воспользоваться персональными данными граждан и организаций, которые накоплены в ГИС, может быть государство, которое фактически имеет неограниченный доступ к любому рода информации. Накопленные в ГИС данные могут использоваться самим государством с целью оказания давления на лиц, которые являются неудобными власти или активно выражают свою неуютную позицию. Государство при этом может воспользоваться информацией из ГИС для дискриминации или давления на граждан. Все это приводит к дополнительным угрозам для частной жизни и сохранности прав граждан [9, с. 164].

В принципе эта опасность осознается уже довольно давно. Так, согласно еще Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных персональные данные, подвергающиеся автоматизированной обработке [1]:

1) хранятся для определенных и законных целей и не используются иным образом, несовместимым с этими целями;

2) являются адекватными, относящимися к делу и не чрезмерными для целей их хранения (ст. 5).

Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» содержит прямой запрет на объединение баз данных, содержащих персональные данные, обработка которых осуществляется в целях, несовместимых между собой (ч. 3 ст. 5).

На данный момент на законодательном уровне существует запрет на объединение баз данных, которые содержат какую-либо персональную информацию граждан. Несмотря на то, что существуют определённые нормы по защите персональных данных, в РФ предпринимались попытки объединить базы данных различных государственных ведомств, которые содержат личные данные. Вероятнее всего попытки объединения баз данных будут предприниматься и в дальнейшем в связи с текущим курсом цифровизации общества в Российской Федерации. Также следует отметить, что существенную угрозу может представлять объединение не только персональной информации граждан и различных организаций, но той, которая содержит коммерческую тайну или другую информацию, которая может оказаться полезной для третьих лиц и злоумышленников [9, с. 164].

Следует также отметить то, что информационные системы, используемые в государственном управлении, не только кодифицируют информацию о том или ином субъекте, но и зачастую становятся единственным источником таких данных. Ранее же, когда электронный документооборот только начинал свое развитие, документы в электронном виде считались второстепенным источником информации, а первостепенным являлись печатные документы. В настоящее же время принято говорить иначе. Традиционные печатные документы уходят на второй план и все они должны быть переведены в электронную форму и находиться в ГИС. Вполне возможна такая ситуация в будущем, что и существовать документы будут только в электронном виде, а не только переводиться в него. В связи с этим можно говорить не только об утечке информации, но и о ее искажении.

В том случае, если информация, которая представлена в электронном виде, подверглась искажению, в последующем её восстановить в исходном варианте крайне сложно. Также следует помнить о том, что ошибка может быть допущена везде, где присутствует человеческий фактор и информационная система не является исключением, так как она является продуктом деятельности человека. Согласно статистическим данным любая программа имеет ошибки в исходном коде (в среднем 1 ошибка на 1000 строк кода), исходя из чего можно сделать вывод, что в любом программном обеспечении содержатся ошибки, которые в определённой степени может влиять на его функционирование. Полностью избежать ошибок в информационной системе, в том числе и в ГИС, невозможно, можно лишь стремиться к сокращению числа критических ошибок. В том случае, если произошло искажение какой-либо информации или её удаление внутри базы данных ГИС, то может возникнуть существенная проблема с восстановлением первоначальной информации субъектов.

Существует несколько видов ответственности для виновных лиц, которая может наступить в случае искажении или полной утраты информации в ГИС: гражданская, дисциплинарная, административная, уголовная ответственность.

Ниже представлены статьи, которые регламентируются Уголовным кодексом Российской Федерации, в случае рассмотрения состава преступления в сфере искажении или полной утраты информации, содержащейся в ГИС [2]:

- нарушение неприкосновенности частной жизни (ст. 137);
- неправомерный отказ должностного лица в предоставлении гражданину документов и материалов, затрагивающих его права и свободы (ст. 140);
- неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации свободы (ст. 272).

Особое внимание следует уделить гражданской ответственности. Так, законодатель в рамках норм гражданского права предусмотрел возможность привлечения государственных органов к деликтной ответственности.

Свое правовое отражение данное положение нашло в содержании ныне действующего Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Так, в ст. 16 ГК РФ: в ней законодатель предусматривает возмещение убытков, которые были причинены изданием, например, несоответствующих нормативно-правовых актов [4]. Данного рода возмещение производится либо государством, либо муниципальным образованием. Также необходимо обратиться к ст. 1069 ГК РФ, в которой закрепляется право гражданина или же юридического лица на возмещение убытков, причиненных незаконными действиями органов государственной власти и их должностных лиц [3]. Возмещение в данном случае осуществляется казной Российской Федерации, а также казной субъекта Российской Федерации и казной муниципального образования.

На данный момент существует большое количество фактов, закреплённых в российском законодательстве, предусматривающих различную ответственность в связи с причинением вреда со стороны лиц, участвующих в процессе управления ГИС. Также важно понимать, что вред субъекту может быть нанесён как сознательно должностным лицом, обрабатывающим данные ГИС, так и по принуждению третьих лиц.

Для привлечения к гражданско-правовой ответственности в соответствии со ст. 1069 ГК РФ правоприменителю необходимо учитывать два условия. Первым условием будет являться наличие специального субъекта правонарушения, а именно должностного лица, который наделен законом властными полномочиями. Ко второму условию относится наличие так называемого деликтного состава, который содержит следующие элементы:

1. Наличие факта нарушения прав и законных интересов участников гражданских правоотношений (например, утрата информации, содержащейся в ГИС).
2. Наличие вреда (вне зависимости от его вида). Вред может быть как моральным, так и материальным.
3. Наличие причинно-следственной связи, которая выступает в качестве связующего звена между противоправным действием (бездействием) и последствием.
4. Наличие вины в действиях того или иного должностного лица. Однако по отметкам практикующих специалистов данный элемент в некоторых случаях является необязательным [8, с. 235].

Соответственно, информация, содержащаяся в ГИС должна находиться под особой защитой. Обеспечение защиты данных в ГИС должно соответствовать принципам соразмерности и гарантировать защиту всех персональных данных как от случайного утечки, так и от неправомерного доступа к ней. В том случае, если информация все же подверглась искажению или утечке, то виновные лица должны понести ответственность в соответствии с положениями, рассмотрены ранее.

Перечень мер, которые могут применяться к виновным лицам, зависит в первую очередь от того, в каком виде хранится информация. Сохранность информации в бумажном виде в основном обеспечивается с помощью сейфа, что не лишает доступа к ней третьим лицам. Вместе с тем информация, которая хранится в электронном виде в большей степени подвержена утечке. Каждый год наблюдается большое количество кибератак, которые приводят к получению персональной информации незаконным путём. С учётом того, что в последнее время государство реализует политику цифровизации общества, вопрос сохранности персональных данных в базах данных ГИС является актуальным и достаточно сложным.

Подводя итог, можно сделать вывод, что для организации должной сохранности данных и информации в базах данных ГИС необходимы не только меры, направленные на организацию хранения данных, но и детально регламентированная ответственность должностных лиц. Для недопущения противоправных действий в отношении граждан необходимо принять соответствующие меры по защите информации в ГИС, которые будут иметь разносторонний характер и учитывать все возможные аспекты.

Работа с данными сопровождается различными рисками, что в свою очередь вызывает необходимость реализации как организационных, так и технических мер, направленных на повышение уровня безопасности сохранности данных в ГИС. Также следует закрепить в законодательстве альтернативные способы хранения информации (получения государственных и муниципальных услуг) в качестве резерва, помимо использования ГИС.

Также следует отметить, что по вопросу защиты персональных данных, в частности тех, которые хранятся в ГИС, необходимо разъясняющее постановление Пленума ВС РФ, которое будет четко квалифицировать все виды нарушений в данной области. Также, по мнению автора, необходимо установить уголовную ответственность за утрату или искажение информации, содержащейся в ГИС, которая будет закреплена в советующей статье УК РФ. Помимо этого, представляется необходимым отдельно квалифицировать соответствующие нарушения в области защиты информации, совершенные специальным субъектом, и определять их как преступное деяние.

Литература

1. Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (Заключена в г. Страсбурге 28.01.1981) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 5. Ст. 419.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 09.03.2021, с изм. от 08.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 08.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
5. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «О персональных данных» // Российская газета. № 165. 2006.
6. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 15.05.2017. № 20. ст. 2901.
7. Отчет о деятельности Уполномоченного органа по защите прав субъектов персональных данных за 2019 год [Электронный ресурс]. URL: https://rkn.gov.ru/docs/Otchet_UO-2019_new.pdf (дата обращения: 07.08.2021).
8. Немченко В.А., Снежко А.А. Содержание гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный государственными органами и их должностными лицами // Эпомен. 2020. № 47. С. 233 – 239.
9. Чаннов С.Е. Государственные информационные системы: риски и угрозы использования // В сборнике: Взаимодействие власти, бизнеса и общества в развитии цифровой экономики: Материалы XI Международной научно-практической конференции. 2018. С. 163 – 166.

References

1. Konvenciya o zashchite fizicheskikh lic pri avtomatizirovannoj obrabotke personal'nyh dannyh (Zaklyuchena v g. Strasburge 28.01.1981). Sobranie zakonodatel'stva RF. 2014. № 5. St. 419.
2. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 01.07.2021). Sobranie zakonodatel'stva RF. 1996. № 25. St. 2954.
3. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraya) ot 26.01.1996 № 14-FZ (red. ot 09.03.2021, s izm. ot 08.07.2021). Sobranie zakonodatel'stva RF. 1996. № 5. St. 410.
4. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 28.06.2021, s izm. ot 08.07.2021). Sobranie zakonodatel'stva RF. 1994. № 32. St. 3301.
5. Federal'nyj zakon ot 27.07.2006 № 152-FZ (red. ot 30.12.2020) «O personal'nyh dannyh». Rossijskaya gazeta. № 165. 2006.
6. Ukaz Prezidenta RF ot 09.05.2017 № 203 «O Strategii razvitiya informacionnogo obshchestva v Rossijskoj Federacii na 2017-2030 gody». Sobranie zakonodatel'stva RF. 15.05.2017. № 20. st. 2901.
7. Otchet o deyatel'nosti Upolnomochennogo organa po zashchite prav sub"ektov personal'nyh dannyh za 2019 god [Elektronnyj resurs]. URL: https://rkn.gov.ru/docs/Otchet_UO-2019_new.pdf (data obrashcheniya: 07.08.2021).
8. Nemchenko V.A., Snezhko A.A. Soderzhanie grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti za vred, prichinennyj gosudarstvennymi organami i ih dolzhnostnymi licami. Epomen. 2020. № 47. S. 233 – 239.
9. Channov S.E. Gosudarstvennye informacionnye sistemy: riski i ugrozy ispol'zovaniya. V sbornike: Vzaimodejstvie vlasti, biznesa i obshchestva v razvitii cifrovoj ekonomiki: Materialy XI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2018. S. 163 – 166.

**ИСТОРИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ
И РАЗВИТИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ
ЗАКОНОВ ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН**

**Рахмон Каландаршохи, аспирант,
Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации**

***Аннотация:** рассмотрение становления и развития прокурорского надзора за исполнением законов органами государственной власти в Российской Федерации и Республике Таджикистан представляет исследовательскую ценность и, несмотря на многочисленный теоретический материал, наработанный учеными и практиками, остается актуальной и сейчас. Генезис нормативного регулирования уголовной процессуальной деятельности прокурора в досудебном расследовании прошёл несколько непростых исторических этапов трансформации. Однако, такое количество изменений процессуального статуса прокурора привело на сегодня до обретения им полномочий нового качества, обеспечивающие возможность решения задач уголовного производства.*

Целью статьи является анализ тенденций модернизации института прокуратуры в контексте трансформации в форм правления и систем разделения государственной власти. Отмечено, что на данный момент в поиск оптимальной модели прокуратуры не завершено.

***Ключевые слова:** развитие, эволюция, надзор, прокурор, Российская Федерация, Республика Таджикистан*

**HISTORICAL AND THEORETICAL ASPECTS OF THE FORMATION
AND DEVELOPMENT OF PROSECUTOR'S SUPERVISION OVER THE
EXECUTION OF LAWS BY STATE AUTHORITIES IN THE RUSSIAN
FEDERATION AND THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN**

**Rakhmon Kalandarshokhi, Postgraduate,
Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration**

***Abstract:** the determination of the historical prerequisites for the formation and development of the human rights activities of prosecutors as subjects of criminal proceedings on the territory of the modern Russian Federation and the Republic of Tajikistan is inextricably linked with the processes of transformation of the state apparatus system. This problem is of research value and, despite the numerous theoretical material accumulated by scientists and practitioners, it remains relevant even now. A retrospective analysis of the processes of formation and development of any procedural institution, including the prosecutor, helps to form an objective idea of its historical purpose, role and place in the criminal justice system, as well as to assess the expediency of the functions performed by it. So, the genesis of the regulatory regulation of the criminal procedural activity of the prosecutor in the pre-trial investigation has passed several difficult historical stages of transformation. However, such a number of changes in the procedural status of the prosecutor has led to the acquisition of new quality powers by him, providing the possibility of solving the tasks of criminal proceedings.*

The purpose of the article is to analyze the trends of modernization of the institution of the prosecutor's office in the context of transformation into forms of government and systems of separation of state power. It is noted that at the moment the search for the optimal model of the prosecutor's office has not been completed.

***Keywords:** development, evolution, supervision, prosecutor, Russian Federation, Republic of Tajikistan*

Согласно словарю иностранных слов, слово «прокуратура» происходит от латинского глагола «прокуго» – заботиться, обеспечивать, предотвращать, заведовать, управлять, откуда и образовался производный существительное «procurator» – управляющий, распорядитель, тот, кто беспокоится о чем-то.

Среди ученых прежде всего советских школ права распространилась мысль, что «точкой отсчета» прокуратуры на территории Российской Федерации и Республики Таджикистан есть первая половина XVIII века. Соответственно, историю становления прокурорского надзора начинают освещать со времен Петра 1.

Развитие регулирования прокурорского надзора в России прошло несколько этапов:

1. 12 января 1722 г. – 8 сентября 1802 г.;

2. 8 сентября 1802 г. – 4 ноября 1864 г.;
3. 4 ноября 1864 г. – 24 ноября 1917 г.;
4. 28 мая 1922 г. – 30 ноября 1979 г.;
5. 30 ноября 1979 г. – 17 января 1992 г.

Первый период. Представляется, что в Российской империи прокурор в роли института национального управления возник в 1722 г. В то время его полномочия еще не были четко регламентированы. Деятельность прокурора регламентировали три указа Петра I «Быть при Сенате Генерал-прокурору и обер-прокурору, а также в любой коллегии по прокурору, которые должны рапортовать Генерал-прокурору» от 12 января 1722 г., «Об установлении должности прокуроров в надворных судах и о пределах компетенции надворных судов в делах фискальных и прочих людей» от 18 января 1722 г., а также «О должности Генерал-прокурора» от 27 апреля 1722 г. [12].

Следующие существенные изменения в нормативно-правовом регулировании организации и деятельности прокуратуры России, произошли в времена правления Екатерины II и Александра II.

В 1764 г. в рамках с реформы Сената развивается должность обер-прокуроров. В рамках указа 1775 г. прокуроры работали при судах [1].

Важным этапом развития процессуального статуса прокурора стала губернская реформа 1775 г. До этого времени прокурор в России существовал исключительно как орган надзора в не криминальной сфере, а с 1775 г., согласно положениям «Учреждения для управления губерний Всероссийской Империи», создано так называемую «судебную прокуратуру» путем введения должности прокуроров и губернских стряпчих судебных органов.

Следующий период развития законодательных основ прокуратуры России наступает при правлении Александра I (1801-1825). В 1802 году в результате реформы появляется полноправное взаимодействие прокуратуры России с государственными органами.

В 1832 г. произошла кодификация системы права в Своде Законов Российской империи [4], однако в данный период принят важный для проблематики, которая рассматривается, нормативно правовой акт, а именно циркулярный ордер, подписанный 22 сентября 1802 г. первым Министром юстиции Российской Империи Г. Державиным.

Третий период. Во время судебной реформы 1864 г. было принято так называемые «Судебные уставы», которые состояли из четырех законов: «Учреждение судебных установлений», «Устав уголовного судопроизводства», «Устав гражданского судопроизводства» и «Устав о наказании, налагаемые мировыми судьями», из которых именно в первых двух закреплялись основополагающие в то время основы уголовной процессуальной деятельности прокурора [3].

В результате судебной реформы 1864 г. впервые введена новая для Российской империи модель досудебного расследования, подобную современной европейской, с четким разграничением административной (полицейской) власти и судебной, с возложением на первую функций преследования и розыска, а на вторую – расследования и сбора доказательств. В уголовном судопроизводстве появились два новых участника: публичный обвинитель (в лице прокурора или его представителя) и защитник (в лице присяжных поверенных). Защита, наконец, стал делом не только разрешенным, но и обязательным.

Четвертый этап перманентных изменений процессуального статуса прокурора и нормативной модели уголовного процессуальной деятельности, нельзя назвать эволюцией развития (первая половина – середина XX века). В результате Октябрьской революции 1917 г. старый государственный аппарат был сломан и вместе с ним ликвидирована и существующая в то время судебная система. Впрочем, еще до принятия законодательства о суде, по инициативе революционно настроенных народных масс, стали образовываться и функционировать новые судебные органы «переходного периода», имевшие разные названия, структуру и численный состав.

Советский период развития прокуратуры в основном был возвращением в прокуратуру времен Петра I, к формату «Ока государева». После Октябрьского переворота 1917 года прокуратуру сначала ликвидировали по Декрету №1 «О суде», но 28 июня 1922 года восстановили как единую централизованную систему, назначением которой был высший надзор за соблюдением законов. Одновременно было утверждено Положение о прокурорском надзоре. Государственная прокуратура входила в состава Минюста. Руководителем прокуратуры республики был народный комиссар юстиции.

В период с 1922 г. до 1933 г. органы прокуратуры в основном играли карательно-репрессивную роль в жизни общества, ее правозащитный потенциал был направлен прежде всего на защиту государственных интересов тоталитарной системы, а деятельность в этой сфере получила классическую общенародную форму.

Прокуратура осуществляла надзор от имени государства за законностью всех органов власти, хозяйственных учреждений, общественных и городских организаций и частных лиц.

Очередной этап функционирования советской прокуратуры в России начался с создания в июне 1933 г. Прокуратуры СССР, на которую возлагалось общее руководство деятельностью республиканских прокуратур.

Новый этап в становлении прокуратуры во времена Советского Союза начался с принятия Центральным Исполнительным Комитетом и Совнаркомом СССР Постановление «Об утверждении положения о прокуратуре СССР» от 17 декабря 1933 г. Правозащитная деятельность прокуратуры 30-х годов XX века. использовалась для защиты собственности государства за хозяйственно-отраслевому принципу. Такая практика не оправдала себя и поэтому в 1936 г. была отменена Постановлением Совнаркома СССР «О структуре прокуратуры СССР». С тех пор фактически произошла централизация органов прокуратуры СССР, которая была полностью завершена в июле 1936 г. после образования Наркомата юстиции СССР. Прокурорско-следственные органы выделились из системы НКЮ союзных республик и были подчинены прокуратуре СССР. В таком состоянии органы прокуратуры действовали до начала и во время войны. В послевоенные годы общенадзорная деятельность прокуратуры уже регулировалась на ведомственном уровне «Инструкцией по общему надзору» от 27 февраля 1946 г., утвержденной заместителем Генерального прокурора СССР. Согласно ст. 7 Инструкции, в центре внимания прокурора должны сосредоточиваться наиболее актуальные вопросы укрепления законности, что имеет сходство с приоритетными направлениями правозащитной деятельности органов прокуратуры уже современной РФ.

В связи с принятием 7 октября 1977 г. Конституции СССР был принят Закон СССР «О прокуратуре СССР», которым полномочия органов прокуратуры по защите интересов государства и прав граждан было значительно расширено.

Далее, предлагаем выделить такие этапы формирования и развития органов прокуратуры в Республике Таджикистан:

- первая стадия – формирование органов прокуратуры в Таджикской ССР и КНР 1918-1924 гг.;
- второй этап – формирование органов прокуратуры в Таджикской ССР 1924-1929;
- третий этап-формирование и развитие органов прокуратуры в Таджикской ССР в 1929-1991 гг.;
- четвертый этап-формирование компетентных органов прокуратуры в Таджикистане с 1991 по сегодняшний день.

Теперь мы подробно рассмотрим каждый из упомянутых этапов.

Первый этап формирования органов прокуратуры имеет связи с процессами, происходящими в начале XX века в пределах Средней Азии. Революционные течения, окружающие Российскую империю, не могли повлиять на эту зону. В результате возникающих политических изменений, происходящих на территории нынешней Таджикской ССР, в состав двух турецких ССР привел к замене генерала-правителя Туркестана и проживающего на территории Бухарского эмирата. Однако, указывается, что этот процесс в Туркестане имеет свою специфику, которая в деятельности органов прокуратуры был реально до 1919 года, а в некоторых районах до 1920 года [6].

В начале 20-х годов возник вопрос о создании органов прокуратуры. В результате, 26 мая 1922 года на третьей сессии всенародной Кима было принято Положение о прокурорском надзоре. 28 мая Положение было подписано всенародным председателем ЦИК и вступил в законную силу с 1 августа 1922 года.

Исходя из вышеназванных высказываний, можно высказать, что в южных районах Таджикистана, являющихся подчинением турецкой ССР, органы прокуратуры в 1922 году были образованы на базе законодательства РСФСР.

23 ноября 1923 года для усиления законности, для обеспечения всестороннего соблюдения законов со стороны граждан, должностных лиц и государственных органов, а также в целях укрепления связи аппарата управления с массой, прокуратуры Республики Таджикистан был создан Совет Бухары [6].

Как указывалось ранее, образование органов прокуратуры состоялось только через четыре года со дня принятия решения (Декрет) о суде за №1 от 24 ноября 1917 года, на базе которого органы прокуратуры были впоследствии ликвидированы после этого правонарушения [11].

С этим основанием было принято решение о создании органов прокуратуры в Таджикской ССР. 28 мая 1922 года на III-й сессии Всекитайской Кима было принято Положение о прокурорском надзоре, прокуратура республики была помещена в состав исполнительного комиссариата юстиции.

Органы прокуратуры возглавляли народный комиссар юстиции, а также помощник.

Принимая во внимание все предыдущие замечания мы пришли к выводу, что на данном этапе, то есть 1924-1929 года в Таджикской ССР, произошел активный процесс поиска оптимальной формы организации органов прокуратуры.

Третий этап формирования и развития органов прокуратуры в Таджикистане. Большинство отечественных ученых считает, что создание независимой Республики Таджикистан заложило основы формирования современной государственности Таджикистана.

В данный период была принята Декларация и решение об организации Таджикской ССР. 5 декабря 1929 года-й сессии Совета Кима Таджикской ССР утверждена решением III-го совета о создании Таджикской ССР, осуществив реализацию его в Таджикской ССР. В марте 1931 года в IV сессии Совета арендной платы было утверждено постановление ЦИК Таджикской ССР в составе исполнительной ССР.

25 февраля 1931 года в IV сессии Совета была принята Конституция Таджикской ССР.

Конституция Таджикской ССР в 1931 году впервые основала создание национального государства Советской Социалистической основы права. На этом этапе республика добилась значительных достижений во всех сферах (экономической, социальной, политической и культурной) [9].

Для дальнейшего изменения государственной структуры и обеспечения потребностей органов юстиции возникла необходимость реформирования, в связи с чем было принято 9 апреля 1932 года под №125 новое Положение о НКЮ, КИМ и ОКах Таджикской ССР. Таджикская ССР одобрила решение «об утверждении Положения о народном комиссариате юстиции».

Центральный офис прокуратуры подразделялся на следующие группы: а) общий надзор; б) судебный надзор; в) контроль над следственными органами; г) контроль над местами хранения; д) охрана труда и производство.

Чуть позже, 28 июня 1930 года было подписано постановление ЦИК и ОВД Таджикской ССР, предусматривающее Положение «об органах юстиции Таджикской ССР». Глава VI настоящего закона посвящена государственной прокуратуре и дополнял положение О прокуратуре Верховного Суда Республики Таджикистан [8].

Основные изменения, связанные с правовым статусом органов прокуратуры и их места в системе управления разрешением ССР произошли в 1933 году. 20 июня 1933 года было подписано постановление ЦИК и ОВД «об образовании прокуратуры Таджикской ССР». С этого момента прокуратура приобрела самостоятельный статус и не являлась другим подчинением НКЮ и Верховному суду Таджикской ССР. А.Б. Калма-тов отметил, что «большевики потратили 16 лет на возвращение независимой позиции прокуратуры как государственных органов» [9].

В 1936 году Конституцией Таджикской ССР принята Глава третья которая посвящена судебным органам и прокуратуре. В ней предусматривались принципы организационной структуры прокуратуры как единая централизованная система, управляемая генеральным прокурором Таджикской ССР, на которую возложена обязанность надзора за соблюдением законности и организацией борьбы с преступностью, независимо от местных органов власти [8].

IV внеочередная лицензия Совета Таджикской ССР состоялась 1 марта 1937 года, в которой была принята Конституция Таджикской ССР, Глава VIII была посвящена органам прокуратуры и суду. Все принципы деятельности органов прокуратуры, освещенные Конституцией Таджикской ССР, также закреплены в Конституции Таджикской ССР. Во многом Конституция Таджикской ССР была возложена на прокуратуру обеспечение защиты личных прав и свобод. В статье 52 предусмотрено: «никто не может быть арестован, за исключением решения суда или с разрешения прокуратуры».

На основании принятого закона с 15 марта 1946 года прокурор синдиката учредил в Конституционный прокурор Синьцзян-ул.

24 мая 1955 года было утверждено Положение о прокурорском контроле в Таджикской ССР, в котором определены порядок осуществления контрольной деятельности [6].

Данные положения действовали до 30-го ноября 1979 года, когда их было заменено законом О прокуратуре деятельности в Таджикской ССР, принятым на основании главы 21 Конституции арендной платы с 1977 года [5].

На основе Конституции Таджикской ССР и Конституции Таджикской ССР (1977 г.) для работников прокуратуры была возложена высокая ответственность за обеспечение соблюдения законности. Закон считался основным принципом советского общества и был обеспечен политической системой. В статье 4 Конституции Таджикской ССР и Таджикской ССР предусматривается, что советское государство и все его органы функционируют на основе социальной законности, обеспечения правопорядка, общественных интересов, прав и свобод граждан.

Процедура создания и деятельности прокуратуры была установлена в главе 21 Конституции Таджикской ССР и главе 19 Конституции Таджикской ССР. Разработан в них принцип организации прокурорского надзора и в дальнейшем функционировал [6].

На базе статьи 165 Конституции Таджикской ССР и Таджикской ССР был расширен объект прокурорского надзора, было расширено количество органов и учреждений, которые прокурор имел право осуществлять контроль за соблюдением точности и единообразным исполнением законов.

В истории прокуратуры была предоставлена важная роль закону «О прокуратуре деятельности», принят 30-го ноября 1979 года. В законе изложены вопросы обеспечения законности и правопорядка. Задачи прокуратуры предусмотрены в статье 2 Закона «О прокуратуре деятельности АССР».

Итак, генезис нормативного регулирования уголовной процессуальной деятельности прокурора в досудебном расследовании прошёл несколько непростых исторических этапов трансформации. Однако, такое количество изменений процессуального статуса прокурора привела на сегодня до обретения им полномочий нового качества, обеспечивающие возможность решения задач уголовного производства.

Литература

1. Басков В.И. История прокуратуры Российской империи // Вестник Московского государственного университета. Серия 11. 1997. № 2. С. 3
2. Казанцев С.М. История царской прокуратуры. Санкт-Петербург: Санкт-петербург. гос. ун-т, 1993. С. 44.
3. Коротких М.Г. Сорокина Ю. В. Реформа следственного аппарата в России 1860-1864 гг. // Советское государство и право. 1991. № 10. С. 122 – 129.
4. Бриль Г. Г., Корняков А. А. Правовое регулирование прокурорского надзора в пореформенной России (вторая половина XIX века) // История государства и права. 2008. № 2. С. 28.
5. Жмакин А.С. Место и роль прокуратуры в конституционной системе государственных органов Российской Федерации: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2011. С. 136 – 158.
6. Имомов А.И. Конституционное право Республики Таджикистан. (на тадж. яз.). Душанбе, 2017.
7. Искандаров З.Х. Прокурорский надзор в Республике Таджикистан. Душанбе, 2013.
8. Искандаров З.Х. Роль прокуратуры в обеспечении прав и свобод человека в досудебной стадии уголовного процесса Республики Таджикистан: история и современность // Правовая жизнь. 2017. № 4. С. 65.
9. Калматов А. Б. Конституционно-правовой статус прокуратуры в системе органов государственной власти Кыргызской Республики: дис. ... канд. юрид. наук. Бишкек, 2011. С. 20.
10. Попович А. Становление института процессуального руководства прокурора в уголовном производстве в XIX веке // Вестник прокуратуры. 2012. № 6. С. 119 – 125
11. Свод Установлений РСФСР. 1917. № 4. С. 50.
12. Шобухин В.Ю. Тенденции развития прокуратуры России в период 1722-1864 гг. // История государства и права. 2007. № 14. С. 15 – 17.

References

1. Baskov V.I. Istoriya prokuratury Rossijskoj imperii. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 11. 1997. № 2. S. 3
2. Kazancev S.M. Istoriya carskoj prokuratury. Sankt-Peterburg: Sankt-peterburg. gos. un-t, 1993. S. 44.
3. Korotkih M.G. Sorokina YU. V. Reforma sledstvennogo apparata v Rossii 1860-1864 gg. Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1991. № 10. S. 122 – 129.
4. Bril' G. G., Kornjakov A. A. Pravovoe regulirovanie prokurorskogo nadzora v poreformennoj Rossii (vtoraya polovina XIX veka). Istoriya gosudarstva i prava. 2008. № 2. S. 28.
5. ZHmakin A.S. Mesto i rol' prokuratury v konstitucionnoj sisteme gosudarstvennyh organov Rossijskoj Federacii: dis. ...kand. jurid. nauk. M., 2011. S. 136 – 158.
6. Imomov A.I. Konstitucionnoe pravo Respubliki Tadzhiqistan. (na tadzh. yaz.). Dushanbe, 2017.
7. Iskandarov Z.H. Prokurorskiĭ nadzor v Respublike Tadzhiqistan. Dushanbe, 2013.
8. Iskandarov Z.H. Rol' prokuratury v obespechenii prav i svobod cheloveka v dosudebnoj stadii ugovnogo processa Respubliki Tadzhiqistan: istoriya i sovremennost'. Pravovaya zhizn'. 2017. № 4. S. 65.
9. Kalmatov A B. Konstitucionno-pravovoi status prokuratury v sisteme organov gosudarstvennoj vlasti Kyrgyzskoj Respubliki: dis. ... kand. jurid. nauk. Bishkek, 2011. S. 20.
10. Popovich A. Stanovlenie instituta processual'nogo rukovodstva prokurora v ugovnom proizvodstve v XIX veke. Vestnik prokuratury. 2012. № 6. S. 119 – 125
11. Svod Ustanovlenii RSFSR. 1917. № 4. S. 50.
12. Shobuhin V.Yu. Tendencii razvitiya prokuratury Rossii v period 1722-1864 gg. Istoriya gosudarstva i prava. 2007. № 14. C. 15 – 17.

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО)
В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ
НАПРАВЛЕННОСТИ ЗАКЛЮЧИВШЕГО ДОСУДЕБНОЕ
СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ**

**Гатауллин З.Ш., кандидат юридических наук, доцент,
Елабужский институт (филиал)
Казанского (Приволжского) федерального университета**

***Аннотация:** данная статья посвящена исследованию некоторых проблемных аспектов по обеспечению безопасности подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления террористической направленности заключившего соглашение о сотрудничестве. В условиях сохранения тенденции роста совершения преступлений террористической направленности, причем снижении раскрываемости этой категории преступлений. С учетом того, что преступления террористической направленности совершаются в условиях латентности, им предшествует тщательная подготовка, привлекаются значительное количество лиц, как правило, террористы являются конфликтными, проявляют агрессию, дают ложные показания. Раскрытие и расследование данной категории преступлений представляют особую сложность. Поэтому исследование проблемных аспектов по обеспечению безопасности подозреваемого (обвиняемого) заключившего соглашение о сотрудничестве со следствием обретает чрезвычайную актуальность.*

Автор данной статьи на основе изучения статистических данных полученных из официальных источников приходит к выводу о том, что одна из основных причин незначительного количества лиц совершивших преступления террористической направленности изъявивших сотрудничать со следствием путём заключения соглашения о сотрудничестве боязнь мести со стороны подельников.

Безусловно, законодателем приняты востребованные нормативно-правовые акты, направленные на создание условий по обеспечению безопасности подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления террористической направленности заключившего соглашение о сотрудничестве, однако в практической реализации этих актов возникают определенные сложности.

***Ключевые слова:** преступление, безопасность, соглашение, прокурор, сделка, подозреваемый, обвиняемый*

**ENSURING THE SECURITY OF THE SUSPECT (ACCUSED)
IN THE COMMISSION OF A TERRORIST CRIME THAT
CONCLUDED A PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT**

**Gataullin Z.Sh., Candidate of Juridical
Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Yelabuga Institute (branch)
Kazan (Volga region) Federal University**

***Abstract:** this article is devoted to the study of some problematic aspects of ensuring the security of a suspect (accused) of committing a terrorist crime who has concluded a cooperation agreement. In the conditions of the continuing trend of growth in the commission of terrorist crimes, and the decrease in the detection of this category of crimes. Taking into account the fact that terrorist crimes are committed in conditions of latency, they are preceded by careful preparation, a significant number of persons are involved, as a rule, terrorists are conflictual, show aggression, give false testimony. The disclosure and investigation of this category of crimes are particularly difficult. Therefore, the study of problematic aspects of ensuring the safety of a suspect (accused) who has concluded a cooperation agreement with the investigation is becoming extremely relevant.*

The author of this article, based on the study of statistical data obtained from official sources, comes to the conclusion that one of the main reasons for the small number of persons who have committed terrorist crimes who have expressed cooperation with the investigation by concluding a cooperation agreement is the fear of revenge on the part of accomplices.

Of course, the legislator has adopted the required regulatory legal acts aimed at creating conditions for ensuring the safety of a suspect (accused) of committing a terrorist crime who has concluded a cooperation agreement, but certain difficulties arise in the practical implementation of these acts.

***Keywords:** crime, security, agreement, prosecutor, transaction, suspect, accused*

Отечественный законодатель находится в постоянном поиске и закреплении в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве поощрительных мер в отношении лиц, оказывающих содействие органам осуществляющих уголовное преследование. Принятие российским парламентом 29.06.2009 г. Закона № 141-ФЗ [10] является результатом такой деятельности.

В соответствии с этим законом подозреваемый (обвиняемый) вправе ходатайствовать желание сотрудничать со следствием на любом этапе досудебного производства, с момента его начала и до завершения расследования уголовного дела.

Безусловно, следователь также заинтересован в подобном сотрудничестве, поскольку получение показаний подозреваемого (обвиняемого), с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве - есть основная форма такого сотрудничества, способствует сокращения сроков раскрытия и расследования преступления.

Правом заключения сделки со следствием в 2020 г. воспользовались 2 763 лица, совершившие преступления, в их число входят 31 лицо подозреваемые (обвиняемые) в совершении преступлений террористической направленности. Для сравнения в 2019 г. в целом в отношении 3 009 лица, в том числе в отношении 25 лица причастных к совершению преступлений террористической направленности [8].

Проведенный анализ причин незначительного количества сделок со следствием свидетельствует, основными причинами препятствующими заключить соглашение о сотрудничестве подозреваемыми (обвиняемыми) являются боязнь мести со стороны соучастников и сомнения эффективности государственной защиты.

С учетом того, что по уголовно-процессуальному законодательству сделка со следствием возможно только по сложным уголовным делам и в соучастии, дела о преступлениях террористической направленности относятся именно этой категории, наличие данного института более чем значима.

Поэтому в условиях сохранения тенденции роста и снижении раскрываемости преступлений террористической направленности [2], наличии угрозы расправой со стороны самих террористов, соучастников, и их близких в отношении лиц давших согласие на сотрудничество со следствием, возникает острая необходимость обеспечения безопасности самих таких лиц и их родственников.

Изучение материалов следственной и судебной практики свидетельствует, преступления террористической направленности предшествует тщательная подготовка, привлекаются значительные материальные и людские ресурсы, соучастники, совершаются латентно, раскрытие и расследование этих сложных, запутанных преступлений создает массу проблем органам уголовного преследования.

Отрадно, что находятся лица изъявившие желание оказать содействие в раскрытии и расследовании подобных преступлений, прежде всего, из числа подозреваемых (обвиняемых). Эти лица до задержания сами являлись членами террористической организации, принимали участие в планировании и совершении терактов, получив статус «досудебника», оказывая содействие органам следствия, рассчитывают на снижение меры наказания за свои преступные деяния.

Так, подозреваемый «Х» привлеченный к уголовной ответственности за совершение преступления террористической направленности по ст.205 УК РФ заключил досудебное соглашение о сотрудничестве. Оказал содействие в установлении иных участников, в производстве следственных действий [5].

Обеспечение безопасности таких лиц, как подозреваемый «Х», и иных участников изъявивших желание оказать содействие следствию, прямая обязанность сотрудников правоохранительных органов имеющих непосредственное отношение заключению соглашения (ст. 317.9 УПК РФ) [9].

Федеральным законом 20.08.2004 г. N 119-ФЗ предусмотрены различные виды государственной защиты, начиная с замены документов личности, до изменения внешнего вида подзащитного (ст. 14) [11].

Безусловно, для предоставления государственной защиты угроза безопасности должна быть не мнимой, а реальной, наличие заявления или согласие на установление защиты обязательно. Наличие реальной угрозы безопасности подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве со стороны иных лиц, следует рассматривать как один из вариантов противодействия расследованию преступления.

Не случайно, В.Н. Карагодин ещё в 90-е годы предлагает рассматривать противодействие предварительному расследованию, как воспрепятствование установлению объективной истины [4, с. 35], следовательно, возникает необходимость разработки комплекса следственных, иных процессуальных, оперативно-розыскных, других действий направленные на его предупреждение и преодоление, прежде всего, на обеспечение безопасности подозреваемого (обвиняемого), заключившего сделку со следствием.

Одним вариантов разрешения воспрепятствования установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, может служить то, что подозреваемый (обвиняемый) заключивший соглашение о сотрудничестве в случае наличия угрозы безопасности в условиях сохранения конфиденциальности свиде-

ний помещается в иное место содержания под стражей, исключая угрозы насилия исходящих от подельников. Напомним, что за разглашение конфиденциальности сведений о защищаемом лице предусмотрена ответственность.

В случае наличия угрозы жизни, здоровья или имущества, действующее уголовно-процессуальное законодательство позволяет уголовное дело в отношении подозреваемого (обвиняемого) заключившего соглашение о сотрудничестве выделить в отдельное производство (ст. 154 УПК РФ).

При этом выделение в отдельное производство, как указано в Определении Конституционного Суда РФ от 14.01.2016 г. [6] не должно отразиться на всесторонности, объективности расследования и разрешения уголовного дела. Позиция, занятая Пленумом Верховного Суда РФ изложенная в постановлении от 28.06.2012 г. [7] по рассматриваемому вопросу более категорична, если в суд поступает уголовное дело в отношении подозреваемого (обвиняемого) заключившего соглашение о сотрудничестве без выделения в отдельное производство, указано, суд обязан возвращать уголовное дело прокурору для устранения нарушений закона, предварительно рассмотрев дело в предварительном слушании.

Анализ следственной и судебной практики показывает, не редки случаи отказа подозреваемого (обвиняемого) от исполнения условий соглашения о сотрудничестве. Н.Н. Гусева считает, что главная причина подобного шага, отсутствия должного уровня безопасности для него и его близких родственников [3, с. 14].

По данному вопросу следует согласиться позицией высказанной Л.В. Брусницыным, по его мнению, в полной мере не представляется возможным скрыть от соучастников его роль в раскрытии преступления [1, с. 17]. Производство отдельных следственных действий, например, опознание может проводиться в условиях исключая визуальное наблюдение, однако в случае расхождения показаний производства очной ставки с участием подельников подозреваемого (обвиняемого) не избежать. Помимо этого в производстве допроса лицо, сотрудничающее со следствием, изобличает соучастников и это становится известным его подельникам.

Инициатива прекращения досудебного соглашения о сотрудничестве может исходить и от прокурора, например, в случае отказа подозреваемого (обвиняемого) в изобличении соучастников, поскольку по условиям сделки со следствием подозреваемый (обвиняемый) должен «сдать» соучастников, если преступление совершено без соучастников, заключение сделки не предусмотрено.

Проведенные исследования позволяют нам делать следующие выводы:

- прокурор и следователь обязаны принять исчерпывающие меры для содержания лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, от его подельников в разных изоляторах, в случае невозможности в отдельных камерах, добиваться раздельного конвоирования;
- с учетом права прописанного в УПК РФ материалы уголовного дела, идентифицирующие личность подвергающегося к защите следователю необходимо выделить в отдельное производство;
- засекречивание в процессуальных документах данные о его личности;
- хранение заявительных и разрешительных документов о заключении соглашения по сотрудничеству в опечатанном конверте на основании постановления следователя;
- в перспективе целесообразно рассмотреть возможность создания отдельного учреждения ФСИН для отбывания наказания лиц, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве.

Литература

1. Брусницын Л.В. Сотрудничество со следствием: какие трудности в реализации новых норм УПК РФ ожидают правоприменителя // Уголовный процесс. 2009. № 12. С. 17.
2. В 2016 г. было органами внутренних дел зарегистрировано 2227 преступлений террористической направленности, в 2017 г. – 1871 преступление, в 2018 г. – 1679 преступлений, в 2019 г. – 1806 преступлений, в 2020 г. – 2342 преступления. В 2016 г. раскрываемость составила 33%, в 2017 г. – 45%, в 2018 г. – 44,6%, в 2019 г. – 46,7%, в 2020 г. – 39%. Официальный сайт МВД России // <https://мвд.рф/reports/item/22678184/>
3. Гусева Н.Н. Процессуальное обеспечение безопасности лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 14.
4. Карагодин В.Н. Основы криминалистического учения о преодолении противодействия предварительному расследованию: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород. 1992. С. 35.
5. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 31 июля 2012 г. N 22-О12-4 // <http://www.consultant.ru>

6. Определение Конституционного Суда РФ от 14.01.2016 N 96-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сугрובה Дениса Александровича на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 154 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // <http://www.consultant.ru>

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 N 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» // <http://www.consultant.ru>

8. Судебный департамент при Верховном суде РФ // <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3832>

9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ // Российская газета. 2001. 22 декабря

10. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 29.06.2009 N 141-ФЗ // <http://www.consultant.ru>

11. Федеральный закон "О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства" от 20.08.2004 N 119-ФЗ // <http://www.consultant.ru>

References

1. Brusnicyn L.V. Sotrudnichestvo so sledstviem: kakie trudnosti v realizacii novyh norm UPK RF ozhidayut pravoprimenitelya. Uголовnyj process. 2009. № 12. S. 17.

2. V 2016 g. bylo organami vnutrennih del zaregistrovano 2227 prestuplenij terroristiche-skoj napravlenosti, v 2017 g. – 1871 prestuplenie, v 2018 g. – 1679 prestuplenij, v 2019 g. 1806 prestuplenij, v 2020 g. – 2342 prestupleniya. V 2016 g. raskryvaemost' sostavila 33%, v 2017 g. – 45%, v 2018 g. – 44,6%, v 2019 g. – 46,7%, v 2020 g. 39%. Oficial'nyj sajt MVD Rossii // <https://mvd.rf/reports/item/22678184/>

3. Guseva N.N. Processual'noe obespechenie bezopasnosti lica, zaklyuchivshogo dosudebnoe soglasenie o sotrudnichestve: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2018. S. 14.

4. Karagodin V.N. Osnovy kriminalisticheskogo ucheniya o preodolenii protivodejstviya predvaritel'nomu rassledovaniyu: dis. ... d-ra yurid nauk. N. Novgorod. 1992. S. 35.

5. Kassacionnoe opredelenie Sudebnoj kollegii po ugovolnym delam Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 31 iyulya 2012 g. N 22-O12-4 // <http://www.consultant.ru>

6. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 14.01.2016 N 96-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Sugrobova Denisa Aleksandrovicha na narushenie ego konstitucionnyh prav chastyami pervoj i vtoroj stat'i 154 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // <http://www.consultant.ru>

7. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 28.06.2012 N 16 «O praktike primeneniya sudami osobogo poryadka sudebnogo razbiratel'stva ugovolnyh del pri zaklyuchenii dosudebnogo so-glasheniya o sotrudnichestve» // <http://www.consultant.ru>

8. Sudebnyj departament pri Verhovnom sude RF // <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3832>

9. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 N 174-FZ. Rossijskaya gazeta. 2001. 22 dekabrya

10. Federal'nyj zakon «O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii» ot 29.06.2009 N 141-FZ // <http://www.consultant.ru>

11. Federal'nyj zakon "O gosudarstvennoj zashchite poterpevshih, svidetelej i inyh uchastnikov ugovolnogo sudoproizvodstva" ot 20.08.2004 N 119-FZ // <http://www.consultant.ru>

К ВОПРОСУ О НАЗНАЧЕНИИ ПЕНСИИ НЕКОТОРЫМ КАТЕГОРИЯМ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ

Коноплева Ю.А., аспирант,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет

***Аннотация:** в статье рассмотрены особенности назначения пенсии некоторым категориям педагогических работников. Автор приходит к выводу, что финансирование оплаты труда педагогических работников, их социальная поддержка должны являться одним из приоритетных направлений деятельности любого государства. Однако анализ существующей ситуации с назначением и выплатой пенсий педагогам показал, что в современных условиях досрочный выход на пенсию педагогических работников по выслуге лет сохранен, однако условия назначения пенсионного обеспечения для данной категории работников существенно изменены.*

Пенсионное обеспечение некоторых категорий педагогических работников, в частности, тех, которые имеют определенную выслугу лет, фактически не соответствует принципу досрочного назначения: пятилетнее ожидание начала выплат увеличивает срок фактического педагогического стажа с 25 до 30 лет, а для тех, кто завершил свою трудовую деятельность, имея за плечами 25 лет педагогического стажа, пятилетнее существование без поддержки государства просто не возможно. Данная ситуация противоречит всем декларируемым принципам в области развития образовательной среды, творческого отношения к педагогической профессии, совершенствования методик преподавания и обучения, обращения к инновационным методам и принципам обучения, поскольку роль стимула, который до недавнего времени формировал ценность педагогической профессии в глазах ее носителей, на сегодня существенно снижена. В этой связи государству необходимо принять меры для пересмотра пенсионного законодательства в отношении педагогических работников в принципе, так как подобная ситуация может снизить востребованность педагогических специальностей выпускниками школ, преждевременный уход педагогов из профессии, дефицит педагогических кадров и как следствие, снижение качества образования на всех уровнях.

***Ключевые слова:** педагогические работники, пенсионное обеспечение, особенности назначения пенсии*

ON THE ISSUE OF ASSIGNING PENSIONS TO CERTAIN CATEGORIES OF TEACHING STAFF

Konopleva Yu.A., postgraduate,
Perm State National Research University

***Abstract:** the article discusses the features of pension assignment to certain categories of teaching staff. The author comes to the conclusion that the financing of the remuneration of teaching staff, their social support should be one of the priorities of any state. However, an analysis of the existing situation with the appointment and payment of pensions to teachers showed that in modern conditions, the early retirement of teaching staff by seniority has been preserved, but the conditions for the appointment of pension provision for this category of employees have been significantly changed.*

Pension provision for some categories of teaching staff, in particular, those who have a certain length of service, does not actually correspond to the principle of early appointment: a five-year wait for the start of payments increases the period of actual teaching experience from 25 to 30 years, and for those who have completed their career, having 25 years of teaching experience behind them, a five-year existence without state support is simply not possible. This situation contradicts all the declared principles in the field of development of the educational environment, creative attitude to the teaching profession, improvement of teaching and learning methods, appeal to innovative methods and principles of teaching, since the role of the incentive, which until recently formed the value of the teaching profession in the eyes of its bearers, has been significantly reduced today. In this regard, the state needs to take measures to revise the pension legislation in relation to teaching staff in principle, since such a situation can reduce the demand for pedagogical specialties by school graduates, premature departure of teachers from the profession, shortage of teaching staff and, as a consequence, a decrease in the quality of education at all levels.

***Keywords:** teaching staff, pension provision, features of pension assignment*

Роль педагогических работников в любой стране мира достаточно значительна, поскольку именно они осуществляют воспитание и образование подрастающего поколения, таким образом, напрямую участвуя в повышении благосостояния страны: выпускники детских садов, школ и вузов впоследствии осуществляют трудовую деятельность в различных производственных и непроизводственных отраслях экономики, способствуя росту ВВП.

В этой связи финансирование оплаты труда педагогических работников, их социальная поддержка должны являться одним из приоритетных направлений деятельности любого государства. В рамках данного вопроса следует остановиться на особенностях пенсионного обеспечения некоторых категорий педагогических работников и рассмотреть, насколько результативна данная деятельность государственных органов на современном этапе.

В рамках пенсионного обеспечения педагогических работников особую роль играет пенсия за выслугу лет. Указанное пенсионное обеспечение предоставляется педагогическим работникам, имеющим на момент обращения за пенсией определенный профессиональный стаж, срок которого составляет не менее 25 лет.

Размер данного стажа, который предполагает возможность осуществить досрочный выход на заслуженный отдых и назначение пенсионного обеспечения, был закреплен еще в 20-х годах XX века и регламентирован Постановлением ЦИК и СНК СССР от 15 января 1925 г. «О пенсионном обеспечении учителей школ 1-й ступени сельских и городских и др. работников просвещения в деревне» [2]. Особенностью данного документа явилось то, что педагог, претендующий на досрочное назначение пенсии, должен был иметь в активе не менее 25 лет педагогического стажа, при этом, пять лет стажа должны были выработаны именно на советской службе.

Как отмечается в данном документе, изначально пенсия по выслуге лет могла быть назначена только узкому кругу лиц: учителям школ первой ступени, то есть работающим в городских и сельских школах, школьным библиотекарям, педагогическому персоналу детских домов и пр. Причина включения в группу приоритетности по пенсионному обеспечению именно данных педагогических работников была обусловлена политикой государства на момент издания Постановления: ликвидация безграмотности, снижение уровня беспризорности и всеобщий охват начальным образованием. Примечательным для данного документа явилось то, что в педагогический стаж могло быть засчитано время пребывания в рядах Красной армии и флота и работа на выборных должностях.

Выплачивать досрочно назначенные пенсии государство начало уже с 1925 года. Но при этом составленные списки педагогов, претендующих на назначение пенсии по выслуге лет, изначально тщательно проверялись сотрудниками губисполкомов, которые, после проверки возможности назначения такого пенсионного обеспечения. Принимали положительное решение только по некоторым кандидатурам. Таким образом, назначение досрочной пенсии за выслугу лет педагогическим работникам на заре выхода нормативных документов о таком обеспечении в России не было массовым.

Согласно принятому документу, размер пенсионного обеспечения педагогических работников по выслуге лет в том случае, если педагогическая деятельность не осуществлялась, составлял 240 руб. в год или 20 руб. в месяц. Если же педагог продолжал осуществлять педагогическую деятельность, то сумма пенсионного обеспечения сокращалась вдвое и составляла 10 руб. в месяц [4].

Кроме того, что пенсионное обеспечение по выслуге лет педагогам назначалось избирательно и в принципе зависело от выработки им советского стажа в размере полных пяти лет, существовали и другие препятствия, связанные с назначением такой пенсии. Так, в Украинской ССР, например, в нормативных документах, регулирующих образование, отсутствовало понятие «школа первой ступени», в результате чего украинские педагоги не имели права претендовать на получение пенсии по выслуге лет.

Кроме того, педагоги, работающие в первых четырех классах семилетних школ, то есть на начальной ступени общего образования, были в лучшем положении, нежели их коллеги, которые работали в последних трех классах. В частности, если педагог, осуществляя деятельность на начальном этапе образовательного процесса, получал право на получение пенсии по выслуге лет, то он получал дополнительно к заработной плате еще 120 руб. пенсионного обеспечения как работающий пенсионер. Как только эти же педагоги переходил к обучению учащихся в последующих трех группах, то государство лишало их такого обеспечения.

Также в органы образования стали поступать письма от педагогов, работающих в детских садах, внешкольных учреждениях и других педагогических организациях с вопросами о том, почему они не могут стать участниками системы пенсионного обеспечения по выслуге лет, если, как и их коллеги, они работают в системе образования и имеют соответствующий педагогический стаж.

По этой причине, была разработана и принята Инструкция НКТ СССР от 11 октября 1929 г. №331, согласно которой, в педагогический стаж, учитываемый для назначения пенсий, уже засчитывалась работа педагогических работников, которые осуществляли свою педагогическую деятельность в [4]:

- во всех начальных школах, в том числе в бывших министерских, земских, народных, церковно-приходских, городских и высших начальных училищах, в гимназиях, прогимназиях, реальных училищах;
- в школах для взрослых, в профессионально-технических школах, техникумах, учительских семинариях и иных учебных заведениях как дореволюционного, так и послереволюционного периода, по своей программе и типу соответствующих низшим и средним учебным заведениям, независимо от источников средств, за счет которых они содержались.

Соответственно, спектр педагогических работников, которым могла бы быть предоставлена пенсия, был расширен, что позволило реализовать права на досрочное пенсионное обеспечение более широкому кругу педагогов.

Длительное время досрочный выход на пенсию педагогических работников регулировался нормативными актами современного пенсионного законодательства. 25 лет фактического педагогического стажа позволяли педагогическим работникам досрочно получить пенсионное обеспечение в полном объеме. Пенсионная реформа, которая была проведена в 2019 году, внесла определенные коррективы в данный процесс.

Повышение пенсионного возраста жителей России при выходе на пенсию негативно отразилось и на пенсионном обеспечении пенсионеров, которые имели право на досрочное его назначение. При этом не была принята во внимание важная роль педагогов в воспитании подрастающего поколения, в обучении будущих кадров для различных отраслей экономики страны и, в конечном счете, та позиция, которую образование занимает в жизни общества вообще.

Можно отметить, что государство фактически оставило без внимания и приоритета ту группу своих граждан, труд которых играет одну из ведущих ролей в становлении государственной образовательной политики, формировании нравственных ценностей, развитие культурных традиций и пр. При этом, указанное противоречие нашло закрепление в правовом поле и было оставлено без внимания парламентариями, принимавшими данный закон и возмещающими с трибун о необходимости повышения роли образования в обществе и совершенствовании методических инструментов в сфере образования на основе творческого подхода и повышения педагогического профессионализма. В результате можно заключить, что экономия пенсионных средств выступило в рассматриваемом контексте для государства наиболее приоритетным направлением деятельности, нежели реализация в действии провозглашаемых ранее лозунгов о важности и нужности образования для общества [6].

В современных условиях досрочный выход на пенсию педагогических работников по выслуге лет сохранен, однако условия назначения пенсионного обеспечения для данной категории работников существенно изменены. Ранее, в рамках п. 19 ст. 30 ФЗ от 28.12.2013 №400-ФЗ «О страховых пенсиях» [1] педагоги имели право на назначение пенсии по старости ранее достижения пенсионного возраста (55 лет для женщин и 60 лет для мужчин), если они в течение не менее, чем 25 лет осуществляли педагогическую деятельность в учреждениях для детей, независимо от их возраста. Обязательным условием также была величина пенсионного коэффициента для таких граждан, размер которого не должен был быть менее 30. Таким образом, педагоги, которые отработали в образовательных организациях не менее 25 лет и пенсионный коэффициент которых составил не менее 30 баллов, имели возможность обратиться в территориальные органы ПФ РФ за назначением пенсии. При этом, если ранее страховая пенсия должна была быть назначена со дня возникновения права на данную пенсию, то с принятием ФЗ 03.10.2018 №350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» ситуация существенно изменилась. В соответствии с внесенными в пенсионное законодательство изменениями, страховая пенсия по старости лицам, имеющим право на ее получение независимо от возраста в соответствии с пунктом 19 этой статьи, назначается не ранее сроков, указанных в приложении 7 к Федеральному закону. Иначе говоря, в отношении педагогов, уходящих на пенсию по выслуге лет, также действуют условия, касающиеся сроков назначения такой пенсии. Если в 2019 году, при возникновении права на указанную пенсию сроки ее назначения сдвигались на 12 месяцев, то в 2023 и последующие годы педагоги, имеющие за плечами 25 лет педагогического стажа, смогут получить пенсионное обеспечение не ранее, чем через 60 месяцев. Таким образом, государство к 2023 году практически увеличит обязательный стаж для назначения льготной пенсии педагогам с 25 до 30 лет.

В законе также не указано, должен или педагогический работник продолжать осуществлять свою профессиональную деятельность и какими гарантиями государство планирует защитить его трудовые права. Дело в том, что с учетом повышения пенсионного возраста, в законодательстве возник такой термин, как «предпенсионер», права которого заключены в возможности защиты от незаконного увольнения, получе-

ния двух оплачиваемых выходных дней в год на диспансеризацию и пр. Но, получив право на досрочный выход на пенсию, педагог, отработавший 25 лет стажа, уже фактически не является предпенсионером: государство позиционирует его как «пенсионера с отсрочкой выплаты пенсии» на определенное количество месяцев по закону. Соответственно, гарантии защиты прав предпенсионеров на педагогов не распространяются, и их увольнение может остаться безнаказанным для работодателя. Считаем, что в законодательство о пенсионном обеспечении следует внести изменения, регулирующие гарантии защиты прав пенсионеров, которые по выслуге лет имеют право на пенсионное обеспечение.

Таким образом, пенсионное обеспечение некоторых категорий педагогических работников, в частности, тех, которые имеют определенную выслугу лет, фактически, не соответствует принципу досрочного назначения: пятилетнее ожидание начала выплат увеличивает срок педагогического стажа с 25 до 30 лет, а для тех, кто завершил свою трудовую деятельность, имея 25 лет педагогического стажа, пятилетнее существование без поддержки государства просто не возможно [7]. Данная ситуация противоречит всем декларируемым принципам в области развития образовательной среды, творческого отношения к педагогической профессии, совершенствования методик преподавания и обучения, обращения к инновационным методам и принципам обучения, поскольку роль стимула, который до недавнего времени формировал ценность педагогической профессии в глазах ее носителей, на сегодня существенно снижена. В этой связи государству необходимо принять меры для пересмотра пенсионного законодательства в отношении педагогических работников в принципе, так как подобная ситуация может снизить востребованность педагогических специальностей выпускниками школ, режественный уход педагогов из профессии, дефицит педагогических кадров и как следствие, снижение качества образования на всех уровнях.

Литература

1. Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ (ред. от 27.06.2018) «О страховых пенсиях» // «Российская газета», № 296, 31.12.2013.
2. О пенсионном обеспечении учителей школ 1-й ступени сельских и городских и др. работников просвещения в деревне: постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 15 января 1925 г. // Собрание законов СССР. 1925. № 3. Ст. 32.
3. Бородин Н.О. Альтернативные стратегии реформирования пенсионной системы российской Федерации // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 6-1.
4. Капустина О.В. К вопросу о пенсионном обеспечении советских педагогов в 1920-х г.г. (пенсии за выслугу лет и персональные) // Интеллигенция и мир. 2020. № 2.
5. Миниханов Р.С., Афанасьева С.А. Пенсионное обеспечение педагогических работников в современной России // Инновационная наука. 2019. № 9.
6. Трестина А.П., Ситдииков Ф.Ф. Охрана труда работников предпенсионного и пенсионного возраста в образовании // StudNet. 2020. № 8.
7. Широких С.В. Обзор изменений законодательства, регулирующего пенсионное обеспечение в российской Федерации // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2019. № 1 (11).

References

1. Federal'nyj zakon ot 28.12.2013 № 400-FZ (red. ot 27.06.2018) «O strahovyh pensiyah». «Rossijskaya gazeta», № 296, 31.12.2013.
2. O pensionnom obespechenii uchitelej shkol 1-j stupeni sel'skih i gorodskih i dr. rabotnikov prosveshcheniya v derevne: postanovlenie CIK SSSR, SNK SSSR ot 15 yanvary 1925 g. Sobranie zakonov SSSR. 1925. № 3. St. 32.
3. Borodin N.O. Al'ternativnye strategii reformirovaniya pensionnoj sistemy rossijskoj Federacii. Ekonomika i biznes: teoriya i praktika. 2019. № 6-1.
4. Kapustina O.V. K voprosu o pensionnom obespechenii sovetskih pedagogov v 1920-h g.g. (pensii za vyslugu let i personal'nye). Intelligenciya i mir. 2020. № 2.
5. Minihanov R.S., Afanas'eva S.A. Pensionnoe obespechenie pedagogicheskikh rabotnikov v sovremennoj Ros-sii. Innovacionnaya nauka. 2019. № 9.
6. Trestina A.P., Sitdikov F.F. Ohrana truda rabotnikov predpensionnogo i pensionnogo vozrasta v obrazovanii. StudNet. 2020. № 8.
7. Shirokih S.V. Obzor izmenenij zakonodatel'stva, reguliruyushchego pensionnoe obespechenie v rossijskoj Federacii. Social'no-ekonomicheskij i gumanitarnyj zhurnal Krasnoyarskogo GAU. 2019. № 1 (11).

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ПРАВА И НРАВОВ В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ

Кужеков А.Ю., кандидат юридических наук, доцент,
Юридический институт им. М.М. Сперанского,
Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых,
Абражеева Д.В., старший преподаватель,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы исполнения наказаний

***Аннотация:** криминальная субкультура является особой угрозой для культуры человека в обществе. Элементы преступной субкультуры, внедряются в повседневную жизнь через асоциальное поведение представителей криминального мира в обществе, предпринимаются попытки регулирования складывающихся отношений в социуме, используя нравы присущие преступному обществу. В пенитенциарной системе, нравственные и правовые нормы, постоянно находятся в тесном взаимодействии и регулируют общественные отношения, складывающиеся между субъектами уголовно-исполнительной системы. Целью данного исследования является рассмотреть соотношение нравственных и правовых норм в криминальном мире. В статье описываются система норм присущая преступному обществу. Представлена классификация норм криминального мира, по отличительным признакам и свойствам на различные категории. В заключении сделан вывод о специфическом содержании норм преступного сообщества, имеющих антисоциальный характер и противостоящих государственным правовым регуляторам.*

***Ключевые слова:** право, нравы, преступное общество, криминальный мир, общественные отношения*

ON THE QUESTION OF THE INTERACTION OF LAW AND MORALS IN THE PENITENTIARY SYSTEM

Kuzhekov A.Yu., Candidate of Juridical
Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
M.M. Speransky Law Institute,
Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov,
Abrazheeva D.V., Senior Lecturer,
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service

***Abstract:** the criminal subculture is a particular threat to human culture in society. Elements of the criminal subculture are introduced into everyday life through the antisocial behavior of representatives of the criminal world in society, attempts are being made to regulate the emerging relations in society using the mores inherent in criminal society. In the penitentiary system, moral and legal norms are constantly in close interaction and regulate the social relations that develop between the subjects of the penal system. The purpose of this study is to consider the correlation of moral and legal norms in the criminal world. The article describes the system of norms inherent in criminal society. The classification of the norms of the criminal world, according to distinctive features and properties, into various categories is presented. To sum up, the conclusion is made about the specific content of the norms of the criminal community, which have an antisocial character and are opposed to state legal regulators.*

***Keywords:** law, morals, criminal society, criminal world, public relations*

Внутреннее содержание права и нравов заключается в обеспечении здоровых условий жизнедеятельности человека – всеобщности, справедливости, свободы, тем самым признавая значимость человеческой личности. Право и нравы осуществляют защиту человеческих прав и свобод – жизнь, личную неприкосновенность, честь, достоинство, вероисповедание, собственность и др. [2]. Учитывая конфликтность права и нравов, эта защита осуществляется на различных уровнях. При урегулировании социальных отношений складывающихся в различных нормативно-ценностных системах, право и нравы, конфликтуя, имеют разные направления [6].

В современной юридической науке, ученые много раз уделяли внимание непростой и порой даже противоречивой структуре нравственного явления, к тому же оно осуществляет воздействие на другие нормативные системы. Складывающаяся взаимосвязь между правом и нравственными устоями сложна и многогранна, требуя более скрупулезного изучения. В настоящее время исследователи рассматривают различные

взгляды на нравы, противоречивость, образующуюся между составляющими элементами их полиструктурной системы, обостряя противоречия во взаимодействии между правом и нравами [4].

Внутренний конфликт нравов связан с противоречиями, возникающими в их внутренних подсистемах. Современная жизнь включает в себя различные сферы жизнедеятельности и каждая из них осуществляет внутрисистемное нравственное и моральное регулирование, при помощи вырабатываемых внутренних правил и «кодексов» [8]. В них нравственные устои выражаются конкретно, отклоняясь от общепринятой нормы для более эффективного применения их, и достижения поставленной цели. Примером могут послужить, отношения, возникающие в пенитенциарной системе и регулируемые нравами преступного мира. Именно в этих отношениях, существуют сложные противоречия между правом и нравами.

Нравы присущие преступному обществу, характеризуются жесткими и жестокими правилами. За нарушение правил поведения принятых в преступном мире, следуют санкции, основанные на физическом воздействии – убийство, членовредительство, побои. Правила поведения и нормы в криминальном обществе, направлены на сохранение авторитета лидера преступной группировки, характеризующиеся на первый взгляд привлекательными ценностями: «честность», «справедливость», «смелость», «уважение старших», но имея извращенный смысл, прежде всего, искажает общественное сознание, криминализируя общность [3]. В молодежной среде активно ведется целенаправленная работа опытными преступными элементами, вербуемыми в свои группировки новых членов. Пропагандируя аморальные устои в криминальном мире, включающие в себя самые сильные и эффективные нормы права, морали, религии.

Находясь в пенитенциарном учреждении, преступники-рецидивисты ведут довольно сплоченный образ жизни, но выйдя на свободу, могут представлять цинично настроенную личность, готовую пойти на любые меры поведения, результатом которых будет являться личная выгода [1]. Рецидивист готов совершить любые действия для самосохранения и выгодных результатов, вплоть до убийства друга [5].

Криминальное сообщество состоит из нескольких группировок, управляемых «авторитетами», каждый из которых преследует свою цель, прежде всего, захват власти в преступном мире. Жизнедеятельность осужденных, в местах лишения свободы, регулируются особыми строгими правилами поведения, основанных на аморальных нравственных нормах, начавших свое формирование с момента существования криминогенной среды [9]. В криминальной субкультуре существуют специфические, жесткие нравы, выражающиеся в виде «тюремных» и «воровских» обычаев и традиций, именуемые на воровском жаргоне «понятиями» и «законами».

По мнению ученых в сфере пенитенциарных исследований воровские «понятия» и «законы» – это неписанные правила и нормы поведения в криминальном сообществе, регулирующих бытие в преступном мире и являющихся барьером крайней степени беззакония «беспредела». Все действия совершаемые человеком, прежде всего, направлены на удовлетворение своих потребностей: витальных, социальных и духовных [7].

Все участники преступного сообщества должны придерживаться системы норм криминального мира, т.е. «жить по понятиям». Эти нормы можно классифицировать по отличительным признакам и свойствам на следующие категории:

- нормы-ценности необходимого поведения членов преступного сообщества (запрещающие и позволяющие нормы в криминальном мире);
- коммуникативные нормы (нормы непосредственного контактного общения, употребление в процессе общения «кличек» и воровского жаргона);
- нормы, регулирующие время отдыха (принятие спиртных напитков, участие в азартных играх, употребление наркотиков и др.);
- нормы урегулирующие внутренние разногласия (порядок проведения разборов, воровских сходок);
- нормы – санкции за отступления от принятых норм и правил поведения (приговоры могут быть различными, от избияния до убийства).

Таким образом, в основе нравственного неформального регулирования общественных отношений в преступном мире находятся обычаи и традиции, сформированные в результате исторического развития криминальной субкультуры, неприемлемые в гражданском обществе. Специфическое содержание норм преступного сообщества заключается в воссоздании криминальных субкультурных установок, принципов действия и идеалов, определяющих антисоциальный характер, противостоящих государственным правовым регуляторам.

Литература

1. Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Личность преступника: криминолого-психологическое исследование. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2010. 366 с.
2. Берковский В.А., Брагина Е.А. Проблемы соотношения морали и права: аксиологический аспект // Журнал КАНТ. Ставрополь, 2018. № 2 (27). С. 161 – 164.
3. Головкин Р.Б. Правовое и моральное регулирование частной жизни в современной России: автореферат дис. ... докт. юрид. наук / Нижегород. акад. МВД России. Нижний Новгород, 2005. 57 с.
4. Головкин Р.Б. Специфика взаимоотношений права и морали в регулировании общественных отношений в условиях пенитенциарных системы // Журнал Российский следователь / ООО Издательская группа Юрист, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД РФ, Московская академия следственного комитета. Москва, 2005. № 1. С. 56 – 62.
5. Карпец И.И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. М., 1973. С. 20.
6. Лезьер В. Коллизии права и морали в западной правовой традиции // Журнал Вестник Московского государственного областного университета. Серия: юриспруденция / Московский государственный областной университет. Москва, 2018 № 4. С. 25 – 36.
7. Мяготин А.В. К вопросу об определении профессиональной этики // Журнал Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета / Саратовский социально-экономический институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова». Саратов, 2006. № 1 (12). С. 108 – 111.
8. Савелова Н., Юрьев Д. Первое лицо, единственное число // Новый мир. 2000. № 10. С. 129.
9. Сучкова Е.А. Влияние криминогенной среды в местах лишения свободы на правосознание осужденных // Журнал Прикладная юридическая психология / Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний. Рязань, 2011. № 2. С. 99 – 106.

References

1. Antonyan Yu.M., Eminov V.E. Lichnost' prestupnika: kriminologo-psihologicheskoe issledovanie. Moskva: Norma: INFRA-M, 2010. 366 s.
2. Berkovskij V.A., Bragina E.A. Problemy sootnosheniya morali i prava: aksiologicheskij aspekt. ZHurnal KANT. Stavropol', 2018. № 2 (27). S. 161 – 164.
3. Golovkin R.B. Pravovoe i moral'noe regulirovanie chastnoj zhizni v sovremennoj Rossii: avtoreferat dis. ... dokt. jurid. nauk. Nizhegor. akad. MVD Rossii. Nizhnij Novgorod, 2005. 57 s.
4. Golovkin R.B. Specifika vzaimootnoshenij prava i morali v regulirovanii obshchestvennyh otnoshenij v usloviyah penitenciarnyh sistemy. ZHurnal Rossijskij sledovatel'. ООО Izdatel'skaya gruppa Yurist, Vserossijskij nauchno-issledovatel'skij institut MVD RF, Moskovskaya akademiya sledstvennogo komiteta. Moskva, 2005. № 1. S. 56 – 62.
5. Karpec I.I. Nakazanie. Social'nye, pravovye i kriminologicheskie problemy. M., 1973. S. 20.
6. Lez'er V. Kollizii prava i morali v zapadnoj pravovoj tradicii. ZHurnal Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: yurisprudenciya. Moskovskij gosudarstvennyj oblastnoj universitet. Moskva, 2018 № 4. S. 25 – 36.
7. Myagotin A.V. K voprosu ob opredelenii professional'noj etiki. ZHurnal Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-ekonomicheskogo universiteta. Saratovskij social'no-ekonomicheskij institut (filial) federal'nogo gosudarstvennogo byudzhethnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego obrazovaniya «Rossijskij ekonomicheskij universitet im. G.V. Plekhanova». Saratov, 2006. № 1 (12). S. 108 – 111.
8. Savelova N., Yur'ev D. Pervoe lico, edinstvennoe chislo. Novyj mir. 2000. № 10. S. 129.
9. Suchkova E.A. Vliyanie kriminogennoj sredy v mestah lisheniya svobody na pravosoznanie osuzhdennyh. ZHurnal Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya. Akademiya prava i upravleniya Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazanij. Ryazan', 2011. № 2. S. 99 – 106.

ОСНОВАНИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ДОБЫЧИ ОБЩЕРАСПРОСТРАНЕННЫХ ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ

Николаев Д.А.,
Казанский федеральный университет

Аннотация: в настоящей статье автором обозначены основания возникновения предпринимательских правоотношений в сфере добычи общераспространенных полезных ископаемых. Автором отмечается то, что предоставление права пользования недрами как основания возникновения правоотношений в целях добычи общераспространенных полезных ископаемых предоставляется не только согласно оформленной лицензии, но и по разрешениям в соответствии с нормативными актами некоторых субъектов федерации. Также в статье определены юридические процедуры и условия недропользования, регламентированные региональным законодательством. В рамках оптимизации предпринимательских правоотношений в области пользования недрами использовать соглашения о разделе продукции, в том числе в целях добычи общераспространенных полезных ископаемых.

Ключевые слова: недропользование, право недропользования, предпринимательские правоотношения, возникновение предпринимательских правоотношений, разработка месторождений, полезные ископаемые

REASONS FOR THE EMERGENCE OF BUSINESS LEGAL RELATIONS IN THE FIELD OF EXTRACTION OF COMMON MINERALS

Nikolaev D.A.,
Kazan Federal University

Abstract: in this article, the author identifies the grounds for the emergence of entrepreneurial legal relations in the field of extraction of common minerals. The author notes that the right to use subsoil as a basis for legal relations for the extraction of common minerals is granted not only in accordance with the issued license, but also by permits in accordance with the regulatory acts of some subjects of the federation. The article also defines legal procedures and conditions for subsoil use, regulated by regional legislation. As part of the optimization of business relations in the field of subsoil use, use product sharing agreements, including for the extraction of common minerals.

Keywords: subsoil use, subsoil use right, business legal relations, emergence of business legal relations, development of deposits, minerals

Основанием возникновения предпринимательских правоотношений в сфере пользования недрами, как одного из видов специального природопользования, определены условиями полученного разрешения (лицензии) на осуществление такого вида деятельности хозяйствующими субъектами в соответствии с нормами соответствующего законодательства, в частности Законом «О недрах» (далее – Закон) в диспозиции статьи 16 [1].

Многие нормативные акты субъектов РФ также предусматривают, что право пользования недрами оформляется *лицензией* (например, Закон Архангельской области «О порядке пользования недрами на территории Архангельской области» [2]). При этом предоставление права пользования недрами в целях добычи общераспространенных полезных ископаемых на основании не только оформленной лицензии, но и разрешений обозначено в нормативных актах некоторых субъектов РФ.

Так, в Законе Пермской области от 6 июня 2005 г. №2262-499 предусмотрено, что для разработки месторождений ОПИ регионального значения требуется лицензия, а для разработки месторождений ОПИ местного значения – только разрешение [3].

Вышеуказанная норма федерального закона также касается государственной регистрации и выдачи лицензий на разработку участков недр, содержащих месторождения общераспространенных полезных ископаемых (далее – ОПИ). В качестве примечания отметим, что в тексте нормативного акта до 22 августа 2004 года Законом не было предусмотрено, что требуется лицензия на право пользования участками недр, содержащими месторождения ОПИ.

В настоящее время юридическая процедура и условия недропользования самостоятельно устанавливаются отдельным регионом (субъектом федерации), а функция выдачи разрешительных документов возлагается на орган, удостоверяющий право пользования недрами, которые определены федеральным законом.

Необходимо также указать на тот факт, что право выдачи государственного разрешения на разработку месторождений ОПИ возложено на органы МСУ, которые не входят в систему органов государственной власти [4].

На наш взгляд, в целях разграничения правового статуса разрешений на разработку недр, содержащих месторождения ОПИ, полномочия по их выдаче необходимо предоставить государственным органам, а органы МСУ наделить правом выдачи разрешений на добычу ОПИ определенной группе участников данных правоотношений. В данном случае это собственники земельных участков, предоставленных для собственных нужд, а также владельцы и арендаторы. Соответствующие изменения предлагается внести в действующий Закон, направленный на оптимизацию полномочий органов МСУ по выдаче разрешений на разработку общераспространенных полезных ископаемых для собственных нужд.

Далее, Закон Ульяновской области от 4 июля 2005 г. №057-ЗО также определил, что решением Правительства данной области должны предоставляться участки недр (содержащие месторождения ОПИ) только во временное пользование предпринимательским структурам, у которых *оформлено разрешение на соответствующую разработку*, выданное органом МСУ. Данный порядок соблюдается при наличии предварительно полученного согласия территориального органа управления земельными ресурсами (УЗР) либо собственника земли на отвод соответствующего земельного участка для целей недропользования [5].

Из текста вышеназванного закона также мы видим, что порядок недропользования в целях разработки месторождений и добычи ОПИ устанавливается органом власти субъекта. При этом не определено: порядок предоставления прав пользования соответствует ли порядку оформления прав недропользования с целью разработки месторождений и проведению работ по добыче общераспространенных полезных ископаемых; не противоречит ли это основным принципам природоресурсных правоотношений, закрепленных на федеральном уровне.

Факт возникновения прав пользования недрами в сфере недропользования обусловлен проведением конкурса. Выносимый на конкурс перечень объектов, определяется по результатам рассмотрения заявок, полученных: а) от вероятных недропользователей; б) по предложениям органов местного самоуправления; в) местных администраций; г) администраций субъектов федерации, а также иных органов власти субъектов РФ, для которых предполагаемая разработка месторождений и добыча ОПИ имеет институциональное значение [6].

Отметим, что в рамках конкурсной системы предоставления вышеуказанных прав могут проявляться злоупотребления со стороны «бюрократической системы».

Так, Н.М.Сергеев отмечает, что в процессе распределения участков недр стоит проводить аукционы. В ином случае при проведении конкурсов выбор претендента – будущего недропользователя, будет основываться на субъективных началах, а реальные производственные возможности, техническое оснащение, инвестиционный потенциал не будут учтены в полной мере [7].

Автор настоящей статьи, соглашаясь с мнением некоторых ученых [8, 9], также полагает, что, принимая во внимание такое свойство участка недр как исчерпаемость его запасов, целесообразно использовать аукционную систему. В таком случае государственные институты смогут наиболее выгодно компенсировать предоставление участков недр в пользование субъектам предпринимательских правоотношений.

О естественной взаимосвязи земли и недр говорит порядок регулирования указанных правоотношений нормами и горного, и земельного права (подотрасли природоресурсного права). Невозможно использовать полезные богатства недр без использования земельного участка (частично или полностью). Данное утверждение соответствует направлению развития правоотношений в сфере окружающей среды как единого объекта.

При этом предоставление земельных участков, относящихся к государственной и (или) муниципальной собственности, в целях недропользования возможно по договорам аренды, определяющего комплекс прав и обязанностей сторон и заключаемого без проведения торгов. Данная процедура обозначена в Земельном кодексе РФ (далее – Кодекс) в качестве льготного режима для использования недропользователем земельного участка, на котором планируется проведение работ, связанных с разработкой и добычей (подп. 20 п. 2 ст. 39.6 Кодекса).

Землепользование в целях разработки месторождений ОПИ на участках недр вместе с арендными отношениями могут осуществляться на земельном участке, на который получено право собственности в порядке государственной регистрации. Такое право пользования по сравнению с арендой для большинства предпринимательских структур менее интересно, при этом существуют определенные достоинства – повышенный уровень защиты от злоупотреблений со стороны третьих лиц.

Проведение работ в целях пользования недрами может являться основанием для возникновения сервитута (ограниченное использование), который регулируется нормами гражданского, земельного законода-

тельства в отношении участка земли, на которое распространено публичное или частное право собственности [10, 11].

Таким образом, на условиях ограниченного использования, отвечающих требованиям минимальных обременений (п. 8 ст. 23 Кодекса), могут использоваться на ранних стадиях освоения недр земельные участки, не требующие их изъятия у собственника (например, в целях проведения поисковых, разведочных и специальных работ, а также исследований).

Лицензионные соглашения могут быть заменены на условия пользования недрами при выдаче лицензий, что лишает судебные органы возможности применять положения ст. 11 Закона и ст. 153 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) к отношениям пользователя недрами и государства.

Следует отметить то, что в отношениях между предпринимательскими структурами и государством по поводу использования участков недр прослеживается обоюдный экономический интерес сторон.

В связи с этим, по нашему мнению, в отношении каждой из сторон необходимо:

1) расширить возможность свободного распоряжения правами в отношении предприниматель – государство;

2) на законодательном уровне вернуть модель лицензионного соглашения, которым предлагается заменить существующий комплекс условий недропользования;

3) на законодательном уровне установить возможность применить принцип субсидиарности к лицензионным соглашениям, соответствующих норм гражданского законодательства, включая ответственность в виде неустойки за неисполнение.

До настоящего времени, в Федеральном законе от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» (ст. 4) [12] какие-либо участки недр в перечне недвижимого имущества, входящего в состав объектов концессионного соглашения, отсутствуют. К таким объектам концессионных соглашений вышеуказанный закон относит построенные (искусственно возведенные) объекты недвижимости, что исключает для хозяйствующего субъекта возможность самостоятельного основания возникновения права пользования недрами.

Однако законодатель, по существу, не исключает возможность предоставления участка недр в пользование на основании концессионного соглашения, в том числе в целях добычи ОПИ.

Тем не менее, на наш взгляд, наиболее полноценным предпринимательским договором в области пользования недрами в целях добычи ОПИ можно назвать Соглашение о разделе продукции (далее – СРП). Согласно ст. 2 Федерального закона «О соглашениях о разделе продукции» [13], в соответствии с данным договором, государство предоставляет субъекту предпринимательских правоотношений права на поиски, разведку, добычу минерального сырья на участке недр на возмездной основе и на определенный срок, указанный в соглашении. Данный гражданско-правовой договор должен включать все необходимые условия, связанные с использованием недр, в том числе порядок и условия раздела между сторонами соглашения произведенной продукции в рамках соблюдения норм вышеназванного закона.

Соглашение о разделе продукции как основание возникновения предпринимательских правоотношений в сфере добычи общераспространенных полезных ископаемых является бесспорно предпринимательским договором, по которому стороны определили своей целью получение прибыли, а инвестор – профессиональный предприниматель. Но размеры участка недр, правовой статус объектов Соглашения, сложности, с которыми могут столкнуться стороны при заключении, все это указывает на то, что он может быть применен только на определенных участках федерального значения.

Таким образом, основанием возникновения предпринимательских правоотношений в сфере недропользования, как одного из видов специального природопользования, определяются условиями предварительно полученного в установленном законом порядке лицензии (разрешения) на осуществление такого вида деятельности. При этом в гражданско-правовой доктрине прослеживаются достаточно четкие границы существенных условий договора на право пользования недрами и договорных конструкций, что является толчком к их закреплению на законодательном уровне, в том числе в системе предпринимательских правоотношений по добыче общераспространенных полезных ископаемых.

Необходимо также отметить, что договорной режим недропользования направлен на увеличение степени финансовой свободы субъектов данных отношений, устраняет коллизии, связанные с лицензионным режимом недропользования и уплатой лицензионных платежей.

Литература

1. Закон РФ от 21.02.1992 № 2395-1 (ред. от 08.12.2020) «О недрах» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:<http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 15.09.2021)
2. Закон Архангельской области от 22 июня 2005 г. № 48-4-ОЗ «О предоставлении недр и пользовании недрами на территории Архангельской области» (с изменениями и дополнениями) // Ведомости Архангельского областного Собрания депутатов. 2005. № 4 (часть I).
3. Закон Пермской области от 6 июня 2005 г. № 2262-499 «О порядке предоставления недр для разработки месторождений общераспространенных полезных ископаемых на территории Пермской области» (с изменениями и дополнениями) // Российская газета (Региональный выпуск «Прикамье»). 2005. 9 июня. № 122.
4. Закон Ульяновской области от 4 июля 2005 г. № 057-30 «О порядке получения права пользования участками недр, содержащими месторождения общераспространенных полезных ископаемых, на территории Ульяновской области» // Ульяновская правда. 2005. 12 июля. № 69.
5. Левочки В.В. Объекты гражданских прав в недропользовании: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2019. 32 с.
6. Сергеева Н.М. Укреплять государственное управление недрами // Нефть. Газ Право. 2003. № 3. С. 13 – 14.
7. Квитко Р.В. Совершенствование условий привлечения инвесторов в недропользовании // Закон. 2015. № 12. С. 41 – 47.
8. Герасимов А.О. Частноправовые средства обеспечения эффективности правового регулирования предпринимательской деятельности в добывающей промышленности // Власть Закона. 2019. № 1. С. 72 – 81.
9. Липски С.А. Земельные сервитуты в отечественном законодательстве проблемы и перспективы // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2015. № 3 (162). С. 88 – 95.
10. Мисник Г.А. Сервитут как основание застройки земельного участка // Российское правосудие. 2017. № 1 (129). С. 68 – 74.
11. Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О концессионных соглашениях» (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.12.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:<http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 15.09.2021)
12. Федеральный закон от 30.12.1995 N 225-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О соглашениях о разделе продукции» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:<http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 15.09.2021)

References

1. Zakon RF ot 21.02.1992 № 2395-1 (red. ot 08.12.2020) «O nedrah». Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii [Elektronnyj resurs]. URL:<http://www.pravo.gov.ru/> (data obrashcheniya: 15.09.2021)
2. Zakon Arhangel'skoj oblasti ot 22 iyunya 2005 g. № 48-4-OZ «O predostavlenii nedr i pol'zovanii nedrami na territorii Arhangel'skoj oblasti» (s izmeneniyami i dopolnениyami). Vedomosti Arhangel'skogo oblastnogo Sobraniya deputatov. 2005. № 4 (chast' I).
3. Zakon Permskoj oblasti ot 6 iyunya 2005 g. № 2262-499 «O poryadke predostavleniya nedr dlya razrabotki mestorozhdenij obshcherasprostranennyh poleznyh iskopaemyh na territorii Permskoj oblasti» (s izmeneniyami i dopolnениyami). Rossijskaya gazeta (Regional'nyj vypusk «Prikam'e»). 2005. 9 iyunya. № 122.
4. Zakon Ul'yanovskoj oblasti ot 4 iyulya 2005 g. № 057-ZO «O poryadke polucheniya prava pol'zovaniya uchastkami nedr, soderzhashchimi mestorozhdeniya obshcherasprostranennyh poleznyh iskopaemyh, na territorii Ul'yanovskoj oblasti». Ul'yanovskaya pravda. 2005. 12 iyulya. № 69.
5. Levochko V.V. Ob"ekty grazhdanskih prav v nedropol'zovanii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Vladivostok, 2019. 32 s.
6. Sergeeva N.M. Ukrepyat' gosudarstvennoj upravlenie nedrami. Neft'. Gaz Pravo. 2003. № 3. S. 13 – 14.
7. Kvitko R.V. Sovershenstvovanie uslovij privlecheniya investorov v nedropol'zovanii. Zakon. 2015. № 12. S. 41 – 47.
8. Gerasimov A.O. CHastnopravovye sredstva obespecheniya effektivnosti pravovogo regulirovaniya predprinimatel'skoj deyatel'nosti v dobyvayushchej promyshlennosti. Vlast' Zakona. 2019. № 1. S. 72 – 81.
9. Lipski S.A. Zemel'nye servituty v otechestvennom zakonodatel'stve problemy i perspektivy. Imushchestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federacii. 2015. № 3 (162). S. 88 – 95.
10. Misnik G.A. Servitut kak osnovanie zastrojki zemel'nogo uchastka. Rossijskoe pravosudie. 2017. № 1 (129). S. 68 – 74.

11. Federal'nyj zakon ot 21.07.2005 № 115-FZ (red. ot 08.12.2020) «O koncessionnyh soglasheniyah» (s izm. i dop., vstup. v silu s 19.12.2020). Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii [Elektronnyj resurs]. URL:<http://www.pravo.gov.ru/> (data obrashcheniya: 15.09.2021)

12. Federal'nyj zakon ot 30.12.1995 N 225-FZ (red. ot 08.12.2020) «O soglasheniyah o razdele produkcii». Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii [Elektronnyj resurs]. URL:<http://www.pravo.gov.ru/> (data obrashcheniya: 15.09.2021)

**К ВОПРОСУ ВЛИЯНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ И ЦИФРОВИЗАЦИИ
ПРОЦЕССА РЕГИСТРАЦИИ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА
НА СИСТЕМУ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА
В СФЕРЕ ОБОРОТА НЕДВИЖИМОСТИ**

**Парфенов М.Р., заместитель начальника управления
судебной деятельности по массовым видам страхования,
ООО «СК «Согласие», г. Москва**

***Аннотация:** в статье затрагивается проблематика влияния процесса масштабной реформы отрасли регистрации недвижимости, направленной на модернизацию и цифровизацию регистрационных процедур на систему предупреждения совершения мошенничества в сфере оборота недвижимости. Внедряя функционал электронного сервиса правообладателя, а также расширяя полномочия электронного документооборота, законодатель декларирует исключение риска ошибок при совершении гражданско-правовых сделок и повышения их безопасности. Организация правового регулирования правоотношений, связанных с переходом права собственности на недвижимое имущество, является одной из важнейших правоохранительных задач государства, ключевое из направлений которого заключается в эффективной системе предупреждения преступности, однако формируемый законодателем процесс образует самостоятельные криминогенные факторы, а меры, направленные на диджитализацию и внедрение новых технологий в сферу правоотношений в сфере недвижимого имущества с точки зрения контроля соблюдения прав и законных интересов их участников, совершенно не интегрированы в систему общего предупреждения совершения преступности. Функция регулятора должна заключаться не только в регламентации, расширении полномочий и нормативном закреплении легитимного процесса перехода прав на недвижимость от одного собственника или иного титульного владельца к другому, сколько в полном исключении криминогенных факторов, формируемого процесса виктимности, и тем самым исключению всего детерминантного комплекса совершения мошенничества.*

***Ключевые слова:** мошенничество, оборот недвижимости, система предупреждения, диджитализация*

**ON THE ISSUE OF THE IMPACT OF MODERNIZATION
AND DIGITALIZATION OF THE REAL ESTATE REGISTRATION
PROCESS ON THE FRAUD PREVENTION SYSTEM
IN THE SPHERE OF REAL ESTATE TURNOVER**

**Parfenov M.R., Deputy Head of the Judicial Activity
Department for Mass Types of Insurance,
LLC “SK “Soglasie”, Moscow**

***Abstract:** the article touches upon the problems of the impact of the process of large-scale reform of the real estate registration industry aimed at the modernization and digitalization of registration procedures on the system of preventing fraud in the sphere of real estate turnover. By introducing the functionality of the copyright holder's electronic service, as well as expanding the powers of electronic document management, the legislator declares the exclusion of the risk of errors when making civil transactions and increasing their security. The organization of legal regulation of legal relations related to the transfer of ownership of immovable property is one of the most important law enforcement tasks of the state, the key of which is an effective system of crime prevention, however, the process formed by the legislator forms independent criminogenic factors, and measures aimed at digitalization and introduction of new technologies in the sphere of legal relations in the field of immovable property from the point of view of monitoring compliance with the rights and legitimate interests of their participants, they are completely not integrated into the system of general crime prevention. The function of the regulator should consist not only in regulating, expanding the powers and normative consolidation of the legitimate process of transferring rights to real estate from one owner or another titular owner to another, but in the complete exclusion of criminogenic factors, the process of victimization being formed, and thereby excluding the entire determinant complex of fraud.*

***Keywords:** fraud, real estate turnover, prevention system, special criminological measure, digitalization*

Как известно, важнейшим направлением развития любого общества является общественный прогресс, как процесс, направленный на качественное изменение ключевых сторон общественной жизни. Тенденции информационной революции, общая цифровизация и диджитализация повлияли на абсолютное большинство общественных отношений, при этом, изменения коснулись не только ранее сложившихся привычных подходов и методов, составляющих способ коммуникации в контексте юридически значимых действий, образующих правоотношение, но и криминогенных факторов, в реалиях появления и формирования которых действует государственный регулятор, гарантирующий принцип защиты имущественных прав граждан и обеспечивающий его практическую реализацию. Отношения в сфере оборота недвижимого имущества, представляя собой один из гарантов экономической стабильности, не стали исключением в этом общем процессе. Недвижимость, являясь сама по себе сложным гражданско-правовым объектом, товаром особого рода, обладающим уникальным статусом объекта права собственности с одной стороны, установленным порядком совершения сделок в отношении него с другой стороны оказалась объектом совершения особенного вида преступности – мошенничества. Неправомерное завладение недвижимым имуществом в данном случае возможно лишь в результате обращения имущества в пользу другого лица путем приобретения соответствующих прав на него – то есть надлежащего, предусмотренного законодательством, правового оформления факта смены собственника, совершенные путем обмана или злоупотребления доверием право-владельца.

Так, организация и контроль оборота недвижимости, заключающийся в правовом регулировании отношений, связанных с переходом права собственности, является одной из важнейших задач в области правовой политики государства. Провозглашая в своем основном законе защиту прав и законны интересов граждан, гарантии их обеспечения, государство возлагает на себя важнейшую задачу противодействия преступности, в реализации которой заключается одновременно показатель и социальной ответственности, и анализа криминогенной ситуации на определенном этапе развития. При этом, наиболее эффективным способом противодействия (с точки зрения определения и признания приоритета прав и имущественных интересов граждан в первую очередь) мошенничеству в сфере оборота недвижимости является именно предупреждение их совершения. Формирование эффективной системы предупреждения совершения преступлений – есть первостепенная задача правового и социального государства. Безусловно, задача предупреждения преступности, с точки зрения рассмотрения ее и как определенного макро процесса, влияющего на общественные и частные правоотношения, является глобальным элементом процесса формирования государством системы защитного механизма, при котором совершение преступлений будет фактически невозможно. Исходя из специфики мошенничества – это деятельность, заключающаяся в создании эффективной системы мер воздействия на детерминанты ее возникновения с целью их нивелирования в общей перспективе на методологическом уровне и формировании конкретного правового механизма контроля общественных отношений, направленного на исключение правовой возможности совершения преступлений в конкретном случае. Как деятельность, направленная на нивелирование детерминантного комплекса преступности, предупреждение преступлений в сфере оборота недвижимости, учитывая основополагающий принцип регистрации перехода права собственности в государственном органе, должно заключаться в формировании механизма, исключающего как криминогенные факторы совершения мошенничества в принципе, так и процесс виктимности в частности.

Таким образом, изменения законодательства, направленные на упрощение и сокращение сроков административной процедуры регистрации прав на недвижимое имущество, заключающиеся в модернизации и цифровизации общего процесса, существенным образом влияют на криминогенные факторы указанного вида мошенничества. Так, необходимо отметить, что законодатель в современных реалиях планомерно трансформирует достаточно архаичный механизм регистрации прав на недвижимое имущество, при этом указывая, что внедряя функционал электронного сервиса правообладателя, а также расширяя полномочия электронного документооборота, в том числе с использованием простой цифровой подписи (стоит отметить, с сохранением обязанности применения усиленной электронной цифровой подписи для заключения самих сделок), отмечая, что подобные целевые мероприятия исключат риск ошибок при их совершении и повысит безопасность самих сделок. В действительности же, вопрос контроля и обеспечения легитимности смены правообладателя остается не только открытым, но и, как видится, образует самостоятельный детерминантный комплекс, в связи с чем кроме как обозначенного результата внешнего упрощения самой процедуры, задача недопущения нарушения прав правообладателя, то есть предупреждения совершения преступления, не может быть решена. Функция регулятора должна заключаться не только в регламентации, расширении полномочий и нормативном закреплении легитимного процесса перехода прав на недвижимость от одного собственника или иного титульного владельца к другому, сколько в полном исключении

криминогенных факторов, процесса виктимности, и тем самым исключению всего детерминантного комплекса совершения мошенничества.

В частности, одним из нововведений в процессе регистрации прав на недвижимое имущество является сфера развития электронных сервисов, в частности закрепление возможности совершения сделки правообладателем через «Личный кабинет» и описание функций такого сервиса. Как следует из нормы [1] посредством использования личного кабинета правообладатель вправе представить в форме электронного документа в орган регистрации прав заявление о государственной регистрации прав, возникающих, изменяющихся, прекращающихся или переходящих к другому лицу на основании сделки, заключенной в отношении объекта недвижимости, принадлежащего данному правообладателю. При этом, что касается самой сделки – основания перехода права собственности, ее правовая форма предусмотрена общим положением гражданского законодательства, а именно, необходимости или соблюдения простой письменной формы сделки, или же посредством представления электронного документа, подписанного усиленными квалифицированными электронными подписями заявителей в соответствии с законодательством РФ [8].

Таким образом, отмечаем, что нотариальное удостоверение сделки с недвижимостью как инструмент проверки легитимности – по-прежнему не требуется, при этом, максимально упрощена процедура подачи документов с использованием электронных сервисов, фактически, исключая «элемент присутствия» правообладателя. Между тем, необходимость нотариального удостоверения сделки – как обязательно условие – при осуществлении процедуры государственной регистрации права собственности, осуществляемое посредством почтового отправления. Иными словами, сама сделка правообладателя в отношении объекта недвижимости должна быть нотариально удостоверена – только в случае направления документов в орган Росреестра почтовым направлением. Законодатель тем самым презюмирует возможное отсутствие действительного волеизъявления правообладателя, указывая, что необходим дополнительный контрольный механизм в виде нотариальной проверки, только в случае дистанционного направления документов, всех остальных же случаях – следуя указанной логике, сомнений в волеизъявлении правообладателя, понимании им всех последствий совершения значимых действий, а также иных существенных обстоятельств – не имеется только потому, что осуществлена регистрация в личном кабинете. Между тем, мошенничество в сфере оборота недвижимости, как явление имеет ряд отличительных и существенных особенностей, в частности, исключительное влияние виктимогенного фактора, который является важнейшим условием детерминирующим совершение преступления. Преступные посягательства на недвижимое имущество, совершаемые в форме обмана или злоупотребления доверием всегда совершаются при непосредственном участии потерпевшего, который, будучи введенным в заблуждение обманными действиями преступника, или вследствие субъективной ошибки относительно его намерений, сам передает права на недвижимость. Социальные взаимоотношения, безусловно, учитываются мошенником при формировании преступного замысла и планировании преступления, становятся реальным фактором, а в самом механизме совершения мошенничества в сфере оборота недвижимости виктимное поведение потерпевшего играет особо важную роль, в связи с чем мошенник получает тем или иным образом (в зависимости от конкретного способа совершения преступления) доступ к персональным данным, вследствие чего условие использования электронного сервиса и личного кабинета – фактически не может являться тем инструментом, исключаящим реализацию преступного умысла, и предупреждающим совершение преступления. Кроме того, учитывая специфику виктимологической характеристика жертв мошенничества в сфере оборота недвижимости, в частности, социально-демографические характеристики, совершение процедуры регистрации дистанционно путем использования электронных сервисов только увеличит криминогенные факторы мошенничества.

Одновременно с этим, Законодатель также предусматривает процедуру внесения в Единый государственный реестр недвижимости записей о невозможности государственной регистрации права без личного участия правообладателя [11] Указанный институт применяется только в заявительном порядке, в частности, при представлении лицом, указанным в Едином государственном реестре недвижимости в качестве собственника объекта недвижимости, или его законным представителем заявления о невозможности государственной регистрации перехода, прекращения, ограничения права и обременения такого объекта недвижимости без его личного участия.

Поразительно, что законодатель, реализуя такой механизм в общем процессе регистрации перехода прав на недвижимое имущество, не стремится сделать акцент именно на обеспечении правовой безопасности и проверки легитимности гражданско – правовой сделки, а преследует исключительно цель упрощения и доступности самой процедуры. Между тем, закрепление в указанной норме обратного процесса – установление обязательности личного участия при регистрации перехода прав на недвижимое имущество, позволило бы существенным образом нивелировать общую виктимность, изменив существенным образом криминогенную обстановку. При этом, необходимо предоставить правообладателю реализацию права – на возмож-

ность регистрации без личного участия, при этом, такое уведомление должно быть нотариальным образом заверено и направлено в государственный орган, путем использования личного кабинета или через уведомление нотариусом, который утоняет и разъясняет правовые последствия совершаемого действия, направленного на заключение сделки.

Резюмируя вышеизложенное, необходимо отметить, что меры динамичного правового регулирования, направленные на устранение пробелов в развивающихся правоотношениях в сфере оборота недвижимого имущества, а также меры, направленные на диджитализацию и внедрение новых технологий в сферу правоотношений в сфере недвижимого имущества с точки зрения контроля соблюдения прав и законных интересов их участников, должны быть интегрированы в системы общего предупреждения совершения преступности, иначе эти все указанные меры могут являться катализатором образования новых криминогенных факторов, дискредитируя общие направления деятельности государства, направленные на декриминализацию общественных отношений. Выявление недостатков в государственной системе контроля правоотношений в сфере оборота недвижимого имущества, в системе мер государственного регулирования рынка недвижимости, безусловно, будет являться одним из основных направлений общей формируемой системы, дальнейшая реализация которого будет способствовать предупреждению рассматриваемой разновидности преступлений. Существующая в настоящий момент тенденция акцента уголовно-правового направления противодействия мошенничеству, выраженная в совершенствовании только отдельных институтов уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, не может должным образом выполнить поставленную социальную охранительную задачу, в первую очередь вследствие многогранности и специфики рассматриваемого вида преступности. Необходим исключительно комплексный подход, учитывающий криминологический анализ и специфику мошенничества в сфере оборота недвижимого имущества. Сформулированная позиция Законодателя, согласно которой государство в лице регулятора не несет ответственности за легитимность перехода права собственности, отвечая лишь за его административную часть (проверка, осуществляемая регистрирующим органом сводится лишь к формальному установлению законности представленных на регистрацию документов и не касается ни предыдущей юридической истории объекта недвижимости, ни анализа каких-то сопутствующих совершению сделки обстоятельств) [10] предполагает функционирование системы, максимально учитывающий все риски и исключаящие образование детерминирующих преступность условий.

Проблематика предупреждения преступлений в сфере оборота недвижимого имущества значительно выходит за пределы общей модели предупреждения преступлений других видов. Хочется отметить, что система контроля государственной регистрации недвижимого имущества, при котором профиль деятельности и ответственность государственного регулятора при регистрации сделок должен быть акцентирован с административного акта на проведение полноценной правовой экспертизы, результат которой должен являться ключевым звеном механизма системы специального предупреждения совершения преступления.

Литература

1. Борзенков Г.Н. Преступления против собственности в новом Уголовном кодексе РФ // Юридический мир. 1997. № 6.
2. Гумаров И. Понятие вещи в современном гражданском праве России // Хозяйство и право. 2000. № 3. С. 78.
3. Клепицкий И.А. Недвижимость как предмет хищений и вымогательства // Государство и право. 2000. № 12.
4. Козаченко И.Я. Проблемы разграничения вымогательства со смежными корыстно-насильственными преступлениями // Актуальные проблемы правового регулирования общественных отношений в условиях перехода к рыночной экономике. 1991.
5. Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность: монография «Норма», «Инфра-М», 2012.
6. Уголовное право. Часть Общая. Часть Особенная. Вопросы и ответы (Серия: «Подготовка к экзамену») / под ред. д.ю.н. проф. А.С. Михлина. М.: Юриспруденция, 2016.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 24.02.2001) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
8. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 N 51-ФЗ) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. N 51/ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1685377/>.

10. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июля 2021 г. N 35-П «по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В. Мокеева»

11. Федеральный закон от 29.11.2012 N 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные

12. Федеральный закон от 13.07.2015 N 218-ФЗ (ред. от 02.07.2021) "О государственной регистрации недвижимости" (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.10.2021)

13. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации [Электронный ресурс] <https://мвд.рф/reports/item/22501861/> (дата обращения 20.10.2021)

14. Мошенничества в сфере недвижимости [Электронный ресурс] <https://63.мвд.рф/news/item/11021990> (дата обращения 20.10.2021)

References

1. Borzenkov G.N. Prestupleniya protiv sobstvennosti v novom Ugolovnom kodekse RF. Yuridicheskij mir. 1997. № 6.

2. Gumarov I. Ponyatie veshchi v sovremennom grazhdanskom prave Rossii. Hozyajstvo i pravo. 2000. № 3. S. 78.

3. Klepickij I.A. Nedvizhimost' kak predmet hishchenij i vymogatel'stva. Gosudarstvo i pravo. 2000. № 12.

4. Kozachenko I.Ya. Problemy razgranicheniya vymogatel'stva so smezhnymi korystno-nasil'stvennymi prestupleniyami. Aktual'nye problemy pravovogo regulirovaniya obshchestvennyh otnoshenij v usloviyah perekhoda k rynochnoj ekonomike. 1991.

5. Lopashenko N.A. Posyagatel'stva na sobstvennost': monografiya «Norma», «Infra-M», 2012.

6. Ugolovnoe pravo. Chast' Obshchaya. CHast' Osobennaya. Voprosy i otvety (Seriya: «Podgotovka k ek-zamenu»). pod red. d.yu.n. prof. A.S. Mihlina. M.: YUrisprudence, 2016.

7. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 N 63-FZ (red. ot 24.02.2001) [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

8. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii ot 30.11.1994 N 51-FZ) [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/

9. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 27 dekabrya 2007 g. N 51/ [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1685377/>.

10. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 13 iyulya 2021 g. N 35-P «po delu o proverke konstitucionnosti punkta 1 stat'i 302 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federa-cii v svyazi s zhaloboj grazhdanina E.V. Mokeeva»

11. Federal'nyj zakon ot 29.11.2012 N 207-FZ «O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i ot del'nye zakonodatel'nye

12. Federal'nyj zakon ot 13.07.2015 N 218-FZ (red. ot 02.07.2021) "O gosudarstvennoj registracii nedvizhimosti" (s izm. i dop., vstup. v silu s 28.10.2021)

13. Kratkaya harakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs] <https://мвд.рф/reports/item/22501861/> (data obrashcheniya 20.10.2021)

14. Moshennichestva v sfere nedvizhimosti [Elektronnyj resurs] <https://63.mvd.rf/news/item/11021990> (data obrashcheniya 20.10.2021)

СИСТЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА

**Шубников Ю.Б., доктор юридических наук, профессор,
Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена,
Кузин Н.Н., кандидат технических наук, доцент,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена,
Рашидова А.И.,
Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена**

***Аннотация:** в статье проведён обзор функционирования общей и особенной части системы предпринимательского права по существующим направлениям и институтам, сформированным в логической последовательности и с учётом внутреннего согласования норм. Рассмотрены все необходимые специфические особенности системы, базирующиеся на специфических особенностях общественных отношений, приоритетными из которых являются экономические отношения, сформированные в процессе предпринимательской деятельности. Уделено внимание источникам предпринимательского права как элементам системы, формирующим право на осуществление предпринимательской деятельности физическим и юридическим лицам как субъектам предпринимательской деятельности и интегрированным в правовые основы несостоятельности (банкротства) субъектов в зависимости от правового режима имущества, используемого в данной деятельности. Опосредованно, через институт предпринимательских договоров и на основании договорных конструкций приведены характеристики некоторых видов предпринимательских договоров, содержащих принципы и условия надлежащего их исполнения с учётом юридической ответственности субъектов предпринимательской деятельности. На основе изложенного в статье подведён итог о соотношении предпринимательского и хозяйственного права, выраженный в позиции авторов как восприятие предпринимательского права частным случаем хозяйственного права, функционирующего в социалистической формации с социалистическими общественными отношениями; и наоборот, хозяйственное право, с известной долей условности идентифицируется как частный случай предпринимательского права, функционирующего в капиталистической формации с капиталистическими отношениями. Доминирование понятий «хозяйственное право» и «предпринимательское право» является зависимым от ситуации.*

***Ключевые слова:** предпринимательское право, хозяйственное право, система предпринимательского права, физические лица, юридические лица, несостоятельность (банкротство), правовой режим имущества, имущественные права, частные и публичные интересы*

SYSTEMIC ASPECTS OF BUSINESS LAW

**Shubnikov Yu.B., Doctor of Juridical Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Herzen State Pedagogical University of Russia,
Kuzin N.N., Candidate of Engineering Sciences (Ph.D.), Associate professor,
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Herzen State Pedagogical University of Russia,
Rashidova A.I.,
Herzen State Pedagogical University of Russia**

***Abstract:** the article reviews the functioning of the general and special part of the business law system in existing areas and institutions formed in a logical sequence and taking into account internal coordination of norms. All necessary specific features of the system based on specific features of public relations are considered, priority of which are economic relations formed in the process of entrepreneurial activity. Attention is paid to sources of entrepreneurial law as elements of the system that form the right to conduct entrepreneurial activities to individuals and legal entities as entities of entrepreneurial activity and are integrated into the legal foundations of insolvency (bankruptcy) of entities depending on the legal regime of property used in this activity. Indirectly, through the institution of entrepreneurial contracts and on the basis of contractual designs, the characteristics of some types of entrepreneurial contracts are given, containing the principles and conditions for their proper execution, taking into*

account the legal responsibility of business entities. Based on the article, the summary of the relationship between entrepreneurial and economic law is summarized, expressed in the authors' position as a perception of entrepreneurial law in a special case of economic law, which functions in a socialist formation with socialist social relations; and indirectly, through the institution of entrepreneurial contracts and on the basis of contractual designs, the characteristics of some types of entrepreneurial contracts are given, containing the principles and conditions for their proper execution, taking into account the legal responsibility of business entities. Based on the article, the summary of the relationship between entrepreneurial and economic law is summarized, expressed in the authors' position as a perception of entrepreneurial law in a special case of economic law, which functions in a socialist formation with socialist social relations; conversely, economic law, with a certain degree of conventionality, is identified as a special case of entrepreneurial law, functioning in a capitalist formation with capitalist relations. The dominance of the concepts of "economic law" and "business law" is dependent on the situation.

Keywords: *business law, economic law, business law system, individuals, legal entities, insolvency (bankruptcy), legal regime of property, property rights, private and public interests*

Несмотря на разницу в представлениях, большинство юристов, специализирующихся в сфере предпринимательского права, основывается на том, что само по себе предпринимательское право является самостоятельной комплексной или обособленной отраслью права. Действительно, предпринимательское право имеет своё предметное единство в виде отношений, связанных с предпринимательской деятельностью, а также сочетает в себе различные обособленные юридические режимы, исходящие из методов правового регулирования. Однако указанные отношения являются также частноправовыми и регулируются гражданским законодательством с учётом подхода гражданского права к понятию «имущество». В аспекте предпринимательского права под имуществом принято понимать объекты гражданских прав, которые в свою очередь предусмотрены гражданским законодательством и также являются объектами предпринимательских отношений.

Объекты предпринимательских отношений можно определить с учётом особенностей системы российского предпринимательского права, состоящей из двух частей, построенных в логической последовательности предпринимательско-правовых норм и институтов и базирующейся на специфических особенностях общественных отношений. Данный подход к идентификации объектов предпринимательского права исходит из подходов и методов частного права, в основе которого лежат отношения между частными лицами по поводу частной собственности.

Развитие системы предпринимательского права также выступает как основной фактор улучшения состояния предпринимательской деятельности. В своём развитии система предпринимательского права приобрела значительные функциональные части, систематизирующие основные слагаемые элемента предмета предпринимательского права, входящие в него со всеми специфическими особенностями, и складывается объективно.

Динамичное развитие двух частей системы предпринимательского права способствует формированию современных тенденций, призванных значительно улучшить состояние предпринимательской деятельности. Общий смысл и содержание общей части формирует правильное понимание развития предпринимательской деятельности через рациональное формирование источников российского предпринимательского права в сочетании с понятием предпринимательской деятельности. Являясь главным функционалом предпринимательской деятельности, субъекты предпринимательского права формируют систему требований, предъявляемых к её осуществлению на базе правовых основ управления организацией и правового режима имущества предпринимателей. Данное утверждение не является новым подходом, но его содержание должно совершенствоваться и развиваться.

Правовой режим имущества, который используется в предпринимательской деятельности, зависит от права собственности, которое рассматривается в виде основы осуществления предпринимательской деятельности. Предпринимательское право рассматривает собственность исходя из её понимания как экономической категории, в которую вмещается само понятие «содержание права собственности», включающее владение, пользование, распоряжение. В этом смысле «классическая триада» полностью отражает правомочия по каждому виду прав исходя из форм собственности, которые регулируются соответствующими нормами гражданского права. Отдельными видами производных от права собственности выступают право хозяйственного ведения и право оперативного управления, которые в свою очередь характеризуют имущество унитарного предприятия и имущество казённого предприятия как особенность правового режима имущества, находящегося в оперативном управлении, и проекцию распоряжения имуществом собственника.

Вместе с тем сторонники дуалистической концепции рассматривают предпринимательское право как отрасль права, т.е. совокупность норм, регулирующих частноправовые и публично-правовые начала экономических отношений, возникающих в процессе организации, планирования и контроля предпринимательской деятельности. Данный подход не отделяет взгляды, изложенные выше, а, наоборот, способствует обособлению понятия имущества, используемого в предпринимательской деятельности, учитывая юридический статус объектов предпринимательских отношений. Учитывая неравнозначность данных объектов в различных государственных формациях, в которых функционируют субъекты предпринимательства, наиболее значимыми остаются два основных вида – это вещи и деньги. Однако перечень объектов может быть существенно расширен, и наряду с имущественными правами, работами и услугами как объектами предпринимательской деятельности в «новый свет» вышли нематериальные блага, форма которых совершенствуется и изменяется в зависимости от привлекательности для потребителя. Основное содержание для нематериальных благ как объектов предпринимательских отношений имеют нематериальные активы, которые можно идентифицировать как имущество в целом, но не как вещь. В свою очередь имущественные права в своём развитии также успешно сочетаются с правом требования кредитора к должнику по обязательствам и обязательственными правами, основанными на участии.

Развивая понимание общей классификации вещей, используемых в предпринимательской деятельности, ценных бумаг как объектов предпринимательской деятельности, денег и их функций, система предпринимательского права моделирует правовые режимы основных и оборотных средств, а также нематериальных активов исходя из методов частного права. Основой функционирования организации в этом случае выступает стремление к достижению основного финансового результата – прибыли, а предпринимателей – стремление к заключению предпринимательских договоров.

Развитие особенной части системы предпринимательского права даёт возможность совершенствовать два этих стремления на основе понимания и интерпретации понятия «предпринимательский договор», основой которого является соглашение лиц, квалифицирующих это понятие в связи с предпринимательской деятельностью и субъектным составом договора, имеющим возмездный характер. Учитывая содержание особенной части предпринимательского права, которая регулирует вопросы правового обеспечения различных видов предпринимательской деятельности, необходимо правильно идентифицировать эти виды, учитывая их правовые основы. Развитие аудита, рынка ценных бумаг, инвестиционной деятельности, кредитования предпринимателей, инноваций, ценообразования, внешнеэкономической деятельности моделирует система предпринимательского права с её особенной частью. Данный подход должен иметь непрерывное развитие в связи с тем, что правовое регулирование отдельных видов предпринимательской деятельности динамично меняется, имеет свои достоинства и недостатки, а также требует учета интересов различных лиц, имеющих прямое и опосредованное отношение к предпринимательской деятельности.

Исходя из принципов свободы предпринимательского договора, заключённых в выражении определённых свобод (выбор контрагента, определение условий договора), система предпринимательского права предполагает и наличие ограничений принципа свободы договора. Соотношение свобод и ограничений в своём развитии должно балансировать при условии выполнения морально-нравственных принципов, а также обычая делового оборота и являться проекцией для дальнейшей интерпретации разновидностей предпринимательских договоров по юридической направленности и по степени свободы волеизъявления сторон. Статья 426 ГК РФ [1] указывает на определённую значимость публичного договора как разновидности обязательных договоров и характеризует его через характерные черты, к которым относятся: особый субъектный состав, характер деятельности, невозможность отказа от заключения договора и др. Учитывая содержание указанной статьи и гражданского законодательства в целом, система предпринимательского права формирует и развивает различные договорные конструкции [2, 3], дающие положительный эффект для улучшения состояния предпринимательской деятельности. Характеризуя виды договоров, применяемых в предпринимательской деятельности, система предпринимательского права устанавливает общий порядок заключения предпринимательского договора на стадиях оферты и акцепта на основе соответствующих норм, предусмотренных гражданским законодательством. Данный подход является полностью обоснованным, так как гражданское законодательство является одним из основных регуляторов предпринимательской деятельности. Вместе с тем, имеющиеся федеральные законы, регулирующие заключение предпринимательского договора через аукционы и конкурсы по принципам состязательной формы и призванные обеспечить равенство в конкурентной среде, предполагают возможность заключения договора только в результате победы одной из соревнующихся сторон. Такой подход воспринимается юристами неоднозначно. Нам представляется, что организация конкурсной процедуры через снижение начальной максимальной цены контракта (НМЦК) приводит к существенному снижению качества выполняемых впоследствии товаров, работ и услуг (ТРУ). Система предпринимательского права в общей части учитывает влияние всех источ-

ников, но строго их дифференцирует и выявляет возможные системные ошибки или коллизии. В нашем понимании 44-ФЗ так и не смог реально противостоять сговору во время тендера (конкурса). Не решает этот вопрос и угроза попадания подрядчика в реестр недобросовестных поставщиков. Система предпринимательского права, в основном, исходит из понимания значения надёжного подрядчика для качества ТРУ, а не только значения организации, способной выиграть конкурс и за минимальную цену провести все виды обеспечения предпринимательского договора.

В этом смысле существующие принципы и условия надлежащего исполнения обязательств по договору регламентируются запретом на одностороннее изменение условий договора, нарушение которого приводит к гражданско-правовой ответственности. Реакция системы трудового права на изменение и расторжение предпринимательского договора является определяющей и сводится к тому, что соглашение сторон является единственным поводом к пересмотру его существенных условий. Одностороннее требование также может быть удовлетворено, но только по решению суда в определённых законом случаях и при нанесённом существенном ущербе.

Развивая данный подход, система предпринимательского права в своём развитии достигает интерпретации различных видов юридической ответственности субъектов предпринимательской деятельности. Сфера предпринимательской деятельности предполагает систематическое получение прибыли, основанное на риске, а также ответственность за нарушение договорных обязательств и существующего законодательства, включая условия и основания юридической ответственности. Система предпринимательского права в соподчинении с гражданским правом устанавливает виды юридической ответственности, связанные с лишением или ограничением правосубъектности субъектов предпринимательской деятельности. В развитии данного направления находятся методы санкций имущественного характера (изъятие имущества в доход государства) или меры ответственности в виде ограничения или лишения иных прав. Данные методы и меры всем известны, однако и они требуют своего развития, интерпретации и совершенства в части касающейся ликвидации юридического лица, реорганизации, лицензирования, лишения права, ограничения и дисквалификации. В данном случае, гражданско-правовая ответственность в виде санкции за гражданское правонарушение, является проекцией мер ответственности, которая выражается в виде лишения субъективных гражданских прав или возможности возложения новых гражданско-правовых обязанностей со своими отличительными признаками в своих формах (возмещение, взыскание, удержание).

С учётом того, что гражданско-правовая ответственность в сфере предпринимательской деятельности подразделяется на договорную и внедоговорную по определённым основаниям, то в зависимости от характера распределения ответственности между несколькими ответственными лицами она приобретает виды долевой, солидарной и субсидиарной ответственности. Как следствие указанных преобразований и по содержанию неблагоприятных последствий она также выступает в виде имущественной и личной предпринимательской ответственности. Система предпринимательского права рассматривает также административную ответственность субъектов предпринимательской деятельности (нарушение правил) и уголовную ответственность за преступления в сфере предпринимательской деятельности (фальсификация, незаконная деятельность, отмывание, злоупотребления и т.д.).

Рассматривая вопросы, связанные с физическими и юридическими лицами как субъектами предпринимательской деятельности, система предпринимательского права формирует в целом признаки и свойства этих лиц как участников предпринимательских отношений, где первые наделены гражданской правоспособностью и дееспособностью.

Признаки и свойства гражданина как участника предпринимательских отношений содержат в себе общепринятые признаки индивидуализации физического лица по соответствующим параметрам (имя, гражданство, возраст и т.д.) как основных средств индивидуализации, так и имеющих определяющее значение при определении дееспособности физического лица как главной возможности для совершения сделок и привлечения к гражданско-правовой ответственности. Учитывая особенности гражданской правоспособности физического лица, российские граждане могут обладать имущественными и личными неимущественными правами и по её содержанию получают возможность иметь права в момент рождения гражданина и прекратить такую возможность со смертью. В условиях отсутствия в ограничениях правоспособности исключением из данного правила будут являться различные лишения гражданина права и специального права в аспекте уголовной и административной ответственности, а также некоторых запретах. Определение гражданской дееспособности как основного термина, характеризующего возможность приобретать и осуществлять гражданские права в целях исполнения гражданских обязанностей, даёт возможность идентифицировать её составные части в различных видах способности. Данные виды способности содержат определённые условия в виде действий (приобретать гражданские права), самостоятельности (осуществлять и исполнять гражданские права) и ответственности (нести ответственность). В совокупности своей составные

части гражданской дееспособности определяют разновидности дееспособности несовершеннолетних в различных возрастных категориях и формируют представления по интерпретации различных сделок по возрастным категориям в условиях существующих ограничений.

Рассматривая способность гражданина к предпринимательской деятельности, система предпринимательского права учитывает право гражданина заниматься ею в формате предпринимателя без образования юридического лица. Однако, неотъемлемым атрибутом требований в этом случае является государственная регистрация [4] лица именно в качестве индивидуального предпринимателя, предусмотренная гражданским законодательством, которое в свою очередь выступает основным регулятором предпринимательских отношений. Вместе с тем, в условиях неопределённости, то есть осуществляя предпринимательскую деятельность без государственной регистрации и получая прибыль, гражданин не вправе ссылаться на то, что он не является предпринимателем. При таком подходе гражданин может быть наделён обязательствами в судебном порядке согласно действующему гражданскому законодательству. В другом смысле гражданин может оказаться неспособным удовлетворять требования кредитора, не отвечать по обязательствам, а также оказаться несостоятельным в уплате обязательных платежей. Формулируя банкротство гражданина как системный аспект предпринимательского права, необходимо указать на неразрывность понятий «банкрот» и «должник», которые формируют условия признания гражданина банкротом. Содержание условий отвечает требованиям Федерального закона от 26.09.2002 №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и выражаются: в судебном признании гражданина должником (банкротом), регламентированной суммой долга (не менее 500 тыс. руб.), регламентированным сроком неисполнения обязательств (3 месяца от даты окончательного исполнения), процедурах (стадиях) банкротства [5]. Общепринятые процедуры, применяемые арбитражным судом для юридических лиц при рассмотрении дела о банкротстве, существенно отличаются от процедур (стадий), применяемых для физических лиц. На этом этапе системные аспекты предпринимательского права формируются по направлениям реструктуризации долгов гражданина, реализации его имущества и мирового соглашения, и адаптируются в системе в виде реабилитационных процедур. Реабилитационные процедуры являются основными параметрическими данными для дальнейшего формирования системных взглядов предпринимательского права по неспособности должника. Однако гуманный подход в виде мирового соглашения и реструктуризации долгов должен стать наиболее приоритетным в отношении физических лиц, не справившихся с рисками предпринимательской деятельности, но способных осуществлять обязательные платежи государству. Система предпринимательского права в этом смысле должна учитывать перекредитование и списание долга должника с учётом мнения кредитора, но без жёстких инициатив в случае, если должник является добросовестным предпринимателем, потерпевшим убытки.

Аналогичным образом система предпринимательского права развивается в отношении изучения юридических лиц как субъектов предпринимательской деятельности, выстраивая свои подходы, основываясь на их общеизвестных признаках, таких как имущественная обособленность и организационное единство. Однако приоритетным является также способность юридического лица отвечать по своим обязательствам, то есть нести самостоятельную имущественную ответственность. Данные условия и признаки формируют понимание правоспособности юридического лица и интегрируют в систему предпринимательского права нормы, связанные с моментом внесения сведений о юридическом лице в соответствующий реестр на основании порядка, предусмотренного гражданским законодательством и завершающегося государственной регистрацией. Вариации видов порядка отражают в системе предпринимательского права многоаспектный подход к созданию юридического лица. По сути, вариации исходят из воли лиц, создающих юридическое лицо, и имеют в целом однотипный подход к процедуре государственной регистрации, несмотря на наличие или отсутствие разрешения или распоряжения. Классифицируя юридические лица по форме собственности, по соотношению прав их распорядителей и участников, а также по цели их деятельности, система предпринимательского права акцентирует внимание на том, что всё-таки наиболее приемлемой классификацией является их деление на коммерческие и некоммерческие юридические лица. Данное понимание исходит из особенностей экономических отношений в сфере предпринимательства и правильного понимания термина «основной финансовый результат». Содержание объекта предпринимательского права даёт основание выделить в качестве основной цели деятельности такой показатель, как прибыль, который по сути своей относится к указанному выше термину. Решение вопроса о способности той или иной организации не только генерировать прибыль, но и распределять её между своими участниками явилось основным подходом при делении юридических лиц на коммерческие и некоммерческие. Как следствие, некоммерческие организации не имеют в своей деятельности цели, указанной выше.

Общая часть системы предпринимательского права включает в себя такой важный элемент, как правовой режим имущества предпринимателей, основанный на праве собственности с подробной классификацией вещей и ценных бумаг как объектов предпринимательской деятельности. Сам правовой режим также

имеет свою внутреннюю классификацию, которая отражает правовой режим основных, оборотных средств и нематериальных активов, то есть тех ресурсов, которые с экономической точки зрения являются основным условием для ценообразования, реализации и получения прибыли. Учитывая содержание права собственности, являющейся проекцией понятия собственности как экономической категории, отражающей экономические отношения между людьми по поводу вещей, система предпринимательского права формирует в себе подходы к осуществлению прав и правомочий только в сфере предпринимательской деятельности и на основе существующих форм собственности. Содержание понятия «имущество», изложенное выше, является основным идентификатором объектов предпринимательской деятельности. Рассматривая ценные бумаги как объекты предпринимательской деятельности, система предпринимательского права отражает подходы к различиям между документарными и бездокументарными ценными бумагами на основе их признаков.

Что касается предпринимательских договоров, то необходимо отметить их особую значимость в системных аспектах предпринимательского права, так как понятие «предпринимательский договор» является базовым для рассмотрения принципа свободы предпринимательского договора, а также конкретизации их разновидностей и особенностей конструкций договоров, применяемых в предпринимательской деятельности. Определяя и систематизируя характеристики некоторых видов договоров, применяемых в предпринимательской деятельности, система предпринимательского права, учитывая содержание главы 27 ГК РФ, формирует виды договоров, к которым относит предварительный, рамочный, опционный и абонентский договоры. Систематизируя виды договоров, можно отметить, что они являются классической формой развития института предпринимательского договора. Складывающаяся тенденция указывает на то, что, учитывая особенности предпринимательской деятельности, договоры такого рода дают возможность представлений сферы их применения к конкретной предпринимательской среде. Как следствие, рамочные договоры находят своё применение в коммерческой деятельности по поводу продаж товаров разных сортов и номенклатуры на условиях, являющихся общими по отношению к сторонам сделки. Опционные договоры, исходя из своих признаков, имеют значительный удельный вес в системе арендных отношений, так как прекращение данных договоров регламентируется отсутствием требований в указанный срок управомоченной стороной. Вместе с тем, абонентский договор (исполнение по требованию) адаптирован во всей сфере услуг и имеет принципиальное значение для абонентов, обязанных вносить платежи независимо от требования исполнения от исполнителя. В целом институт предпринимательского договора устанавливает указанные виды договоров в качестве самостоятельной разновидности. Данный подход придаёт гибкость в системе гражданских правоотношений и позволяет избегать споры в определении их правовой природы. Учитывая стадии оферты и акцепта в процессе заключения договора, предпринимательские договоры, заключённые в письменном виде при совершении сделок с недвижимостью, требуют государственной регистрации и считаются заключёнными именно с этого момента. Отличительной особенностью пользуются предпринимательские договоры, заключённые в процессе торгов, то есть по состязательной процедуре формы закупки ТРУ на аукционах и конкурсах открытого и закрытого типа с учётом наиболее высокой цены или лучших условий выполнения соответственно. Совокупность принципов и условий надлежащего исполнения по предпринимательскому договору влияет на все виды перечисленных выше договоров исходя из смысла, разумности, добросовестности, реального исполнения обязательств, а также недопустимости одностороннего отказа от их исполнения.

Учитывая особое значение юридической ответственности субъектов предпринимательской деятельности, система предпринимательского права также формирует в себе подходы к условиям и основаниям юридической ответственности в сфере предпринимательской деятельности, подразделяя её на виды, связанные с лишением или ограничением правосубъектности, и основываясь на нормах гражданского, административного и уголовного права. Принимая во внимание данный подход, система формирует понятие предпринимательской ответственности исходя из норм хозяйственного права на основании существующего общепринятого понятия юридической ответственности с незначительным его дифференцированием и интерпретацией. Обеспечение восстановления нарушенных прав лиц, предотвращение нарушений предпринимателями, их стимулирование и наказание даёт возможность осознать цели установления и применения государством мер ответственности в сфере предпринимательства. В свою очередь совокупность принципов равенства, справедливости, соразмерности со степенью вины и недопустимости подавления экономической самостоятельности даёт возможность также классифицировать юридическую ответственность в сфере предпринимательской деятельности. Применительно к условиям и основаниям юридической ответственности в сфере предпринимательства системные аспекты предпринимательского права в целом сводятся к составу правонарушения, обусловленного противоправностью действий, их вредоносным результатом, причинной связью (поведение – вред) и наличием вины. В контексте видов юридической ответственности, свя-

занных с лишением или ограничением правосубъектности субъектов предпринимательской деятельности, система предпринимательского права адекватно отражает в себе представления других самостоятельных отраслей права (гражданского, административного и уголовного права), сочетая в себе применение санкций и мер ответственности в виде ограничения или лишения прав. Наиболее значимыми на сегодняшний день мерами в данном аспекте являются меры гражданско-правовой ответственности, отражающие специфический порядок возмещения (убытки, вред, моральный вред, неустойка), взыскания (проценты) и удержания (денежные суммы). Данные меры формируются на основе существующих видов гражданско-правовой ответственности в зависимости от оснований её возникновения (договорная, внедоговорная). Учитывая характер распределения гражданско-правовой ответственности между лицами с учётом их организационно-правовых форм, система предпринимательского права сочетает и разделяет в себе понятия долевой, солидарной и субсидиарной ответственности, а с учётом неблагоприятных последствий правонарушения – имущественной и личной предпринимательской ответственности. Немаловажное значение для системы предпринимательского права имеют также административная ответственность и уголовная ответственность субъектов предпринимательской деятельности исходя из видов правонарушений и преступлений в сфере экономической деятельности. В этом аспекте интерес предпринимательского права формируется по всем видам обмана, безлицензионной деятельности, осуществления деятельности без государственной регистрации, фиктивного и преднамеренного банкротства, фальсификации ЕГРЮЛ и ЕГРИП, незаконного предпринимательства и т.д. В этом смысле надо учитывать, что «чрезвычайное обогащение в нереально короткие сроки определенного слоя населения одними оценивается как высочайший уровень менеджмента и предпринимательства, другими – как результат преступной деятельности» [6].

Подводя итог всему изложенному выше, необходимо отметить тот факт, что соотношение систем предпринимательского и хозяйственного права в своём единстве зависит от конкретной государственной формации, в которой функционирует этот вид права. По нашему мнению, предпринимательское право можно считать частным случаем хозяйственного права, функционирующего в социалистической формации с социалистическими общественными отношениями. И наоборот, хозяйственное право с известной долей условности можно идентифицировать как частный случай предпринимательского права, функционирующего в капиталистической формации с капиталистическими отношениями. Доминирование понятий «хозяйственное право» и «предпринимательское право» является зависимым от ситуации.

Литература

1. Гражданский Кодекс Российской Федерации.
2. Корякин В.М. Гражданское и торговое право зарубежных стран в схемах и таблицах: учеб. пособие. М.: Проспект, 2016. С. 99 – 100.
3. Андреева Л.В., Андреева Т.А., Апросова Н.Г. и др. Российское предпринимательское право: учебник / отв. ред. И.В. Ершова, Г.Д. Отнюкова. 4-е изд. М.: Проспект, 2014. С. 367 – 372.
4. Федеральный закон от 08.08.2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», ст. 8, ст. 22.1.
5. Федеральный закон от 26.09.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», ст. 2, 312.2, 312.3.
6. Балахонский В.В. Соотношение понятий «право» и «преступление» в философско-правовом дискурсе // ЮристЪ-Правовед. 2011. № 5 (48). С. 5 – 7.

References

1. Grazhdanskij Kodeks Rossijskoj Federacii.
2. Koryakin V.M. Grazhdanskoe i torgovoe pravo zarubezhnyh stran v skhemah i tablicah: ucheb. posobie. M.: Prospekt, 2016. S. 99 – 100.
3. Andreeva L.V., Andronova T.A., Apresova N.G. i dr. Rossijskoe predprinimatel'skoe pravo: uchebnik. отв. ред. I.V. Ershova, G.D. Otnyukova. 4-e izd. M.: Prospekt, 2014. S. 367 – 372.
4. Federal'nyj zakon ot 08.08.2001 g. № 129-FZ «O gosudarstvennoj registracii yuridicheskikh lic i individual'nyh predprinimatelej», st. 8, st. 22.1.
5. Federal'nyj zakon ot 26.09.2002 № 127-FZ «O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)», st. 2, 312.2, 312.3.
6. Balahonskij V.V. Sootnoshenie ponyatij «pravo» i «prestuplenie» v filosofsko-pravovom diskurse. Yurist"-Pravoved. 2011. № 5 (48). S. 5 – 7.

**ПРЕКРАЩЕНИЕ ДОГОВОРА ПОДРЯДА В СЛУЧАЕ ВВЕДЕНИЯ
ПРОЦЕДУРЫ КОНКУРСНОГО ПРОИЗВОДСТВА
В ОТНОШЕНИИ ОДНОЙ ИЗ СТОРОН ДОГОВОРА**

**Репин А.В., аспирант,
Московский государственный юридический
университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)**

Аннотация: в статье анализируется проблема, связанная с погашением взаимных обязательств сторон по договору подряда в случае введения процедуры конкурсного производства в отношении одной из его сторон. Определены возможные риски для подрядчика и заказчика в случае введения указанной процедуры несостоятельности (банкротства) на примере сложившейся судебной практики.

При написании этой статьи применяется аналитический метод исследования. Практическая применимость заключается в анализе возможного поведения участников гражданских правоотношений при введении процедуры конкурсного производства одного из них. Также автор предлагает рассмотреть вопрос реформирования положений Гражданского кодекса РФ и Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 №127-ФЗ в части необходимости заключения соглашения о прекращении обязательств сторон по правилам пункта 3 статьи 407 Гражданского кодекса РФ.

Ключевые слова: прекращение обязательств, договор подряда, конкурсное производство

**TERMINATION OF THE CONTRACT IN THE EVENT
OF THE INTRODUCTION OF A BANKRUPTCY PROCEDURE
IN RESPECT OF ONE OF THE PARTIES TO THE CONTRACT**

**Repin A.V., Postgraduate,
O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA)**

Abstract: the article analyzes the problem associated with the repayment of mutual obligations of the parties under the contract in the event of the introduction of the procedure of bankruptcy proceedings against one of its parties. The possible risks for the contractor and the customer in the event of the introduction of the specified insolvency (bankruptcy) procedure are determined by the example of the established judicial practice.

When writing this article, an analytical research method is used. The practical applicability lies in the analysis of the possible behavior of participants in civil legal relations when introducing the procedure of bankruptcy proceedings of one of them. The author also suggests considering the issue of reforming the provisions of the Civil Code of the Russian Federation and the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" dated 26.10.2002 No. 127-FZ" regarding the need to conclude an agreement on the termination of the obligations of the parties under the rules of paragraph 3 of Article 407 of the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: termination of obligations, contract, bankruptcy proceedings

Согласно статистике последних лет количество процессов о несостоятельности (банкротстве) юридических лиц и граждан в России продолжает увеличиваться. В начале 2021 года количество несостоятельности юридических лиц возросло на примерно 9% в сравнении с тем же периодом 2020 года – до 5000 шт., но снизилось на 19,2% к аналогичному периоду доковидного 2019 года.

Среди регионов лидировала по числу компаний-банкротов Москва (969 шт. в первой половине 2021 года; +13,7% к такому же периоду 2020), в сравнении с тем же периодом в 2020 году в Санкт-Петербурге количество процессов о несостоятельности компаний оценивается около 400, что составляет прирост порядка 37%, в Московской области, согласно опубликованной статистике, 358 случаев несостоятельности, которые составили прирост в 16%, не отстают в негативной статистике Свердловская область и Республика Татарстан: 171 и 167 организаций-банкроты соответственно [1]. Данные процессы связаны с различными факторами: политическими, экономическими, социальными и т.д. Необходимо учитывать, что в случае невозможности финансового оздоровления должника, возникают множество проблем, связанные с исполнением таким должником обязательств, в том числе, по гражданско-правовым договорам.

Банкротством, в соответствии со ст. 2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 №127-ФЗ» (далее – Закон о банкротстве), является признанная арбитражным судом, или наступившая в результате завершения процедуры внесудебного банкротства гражданина, неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате вы-

ходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей [2].

В вышеуказанной статье Закона о банкротстве содержится определение конкурсного производства, согласно которому – это процедура, применяемая в деле о банкротстве к должнику, признанному банкротом, в целях соразмерного удовлетворения требований кредиторов [2].

Положения, которые определяют цель, порядок введения вышеуказанной процедуры, а также последствия для должника определены в Главе 7 Закона о банкротстве.

Исходя из содержания п. 1 ст. 126 Закона о банкротстве, с даты принятия арбитражным судом решения о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства срок исполнения всех обязательств должника является наступившим. Следовательно, можно сделать вывод, что должник – банкрот обязан исполнить все принятые на себя обязательства с контрагентами в порядке очередности, установленной Законом о банкротстве.

Однако, в вышеуказанной статье отсутствуют положения, позволяющие однозначно трактовать последствия для уже заключенных до введения процедур банкротства, договоров. Т.е. введение процедуры конкурсного производства не предполагает прекращение договорных обязательств должника.

Ст. 419 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) предусмотрено, что обязательство может быть прекращено ликвидацией юридического лица вне зависимости от положения – должника или кредитора, кроме случаев, когда законом или иными правовыми актами исполнение обязательства ликвидированного юридического лица возлагается на другое лицо (по обязательствам о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью и т.п.) [3].

Необходимо отметить, что иные законодательные положения, указывающие на безусловное прекращение договорных обязательств при введении процедуры конкурсного производства одной из сторон договора, отсутствуют.

Как указывает Плешанова О.П., в случае вынесения решения арбитражного суда о признании должника банкротом и введении в отношении такого должника процедуры конкурсного производства прекращение договоров не происходит, вместе с тем договорные обязательства должника трансформируются в ликвидационную стадию посредством их исполнения. [4].

По общим правилам заказчик вправе в любое время до сдачи ему результата работы отказаться от исполнения договора, уплатив подрядчику часть цены, установленной договором, пропорционально части работы, выполненной до получения уведомления об отказе заказчика от исполнения договора, если иное не предусмотрено договором подряда (ст. 717 ГК РФ). Следовательно, у заказчика отсутствует обязанность по прекращению договорных отношений с подрядчиком и наоборот, в случае введения в отношении одной из сторон процедуры конкурсного производства.

Следовательно, можно сделать вывод, что с даты принятия арбитражным судом решения о признании должника банкротом и открытии конкурсного производства обязательства по исполнению договорных обязанностей данного должника не прекращаются.

В Обзоре судебной практики Верховного суда РФ № 3 от 2018 года уделяется внимание казусу, по которому подрядчик в лице конкурсного управляющего требовал уплаты с заказчика гарантийного удержания в виде обеспечительного платежа за принятые заказчиком работы, ссылаясь на положение Закона о банкротстве, в соответствии с которым со дня открытия конкурсного производства считается наступившим срок исполнения возникших до этого денежных обязательств должника [5].

Судебная коллегия по экономическим спорам указала, что не может служить основанием для уплаты такого обеспечительного платежа со стороны заказчика в адрес подрядчика в случае возбуждения дела о банкротстве последнего. Т.е. осуществляется защита добросовестных контрагентов должника, на которых не распространяется обязанность по удержанию гарантийных платежей.

В первую очередь следует выяснить, исходя из условий договора, имеет ли заказчик обязанность по оплате выполненных подрядчиком работ. В случае, когда по условиям обязательства оплата за работы производится заказчиком по факту подписания акта приема-передачи результата работ, подрядчик до ликвидации вправе реализовать дебиторскую задолженность и требовать оплаты фактически выполненных для заказчика работ.

Также возникает проблема при банкротстве заказчика по договору подряда. В случае введения процедуры конкурсного производства в отношении заказчика, подрядчик обязан исполнять взятые на себя обязательства надлежащим образом и в срок, предусмотренный договором.

В данном случае положения ст. 719 ГК РФ, в соответствии с которым у подрядчика есть право на приостановление работ, ввиду неисполнения заказчиком встречных обязательств по договору подряда (например, оплаты) не будут работать, если договором подряда был предусмотрен авансовый платеж со стороны

заказчика и окончательный расчет только после окончания и подписания акта приема-передачи результата работ.

Необходимо также отметить, что согласно Закону о банкротстве, требования кредиторов об оплате выполненных работ, возникшие после возбуждения производства по делу о банкротстве, относятся к текущим платежам.

Арбитражный суд Московского округа в своем Постановлении по делу №А41-42398/2017 от 27.11.2019 г. указал, что так как заказчиком, несмотря на введенную процедуру банкротства, были подписаны акты КС-2 (Акт приема-передачи результата работ) и КС-3 (Справка о стоимости работ) указанные платежи относятся к текущим и являются обязательными для уплаты подрядчику [6].

По нашему мнению, вышеуказанное является исключением, так как при возбужденной процедуре конкурсного производства, акты выполненных работ подписаны не будут, так как у конкурсного управляющего есть цель сохранения всего имущества должника для погашения требований кредиторов, а подписание актов КС-2 и КС-3 ставит в обязанность должника оплату выполненных работ и, соответственно, возникает проблема оплаты подрядчику его затрат по договору. Возможность установления фактически выполненных подрядчиком работ возможна только в судебном порядке путем проведения экспертизы с целью определения потребительской ценности для заказчика результата выполненной работы.

В предмет доказывания могут быть включены обстоятельства встречного исполнения участников договорного правоотношения (объем выполненных подрядчиком работ, произведенной заказчиком оплаты, оказанных заказчиком услуг и т.д.) и определения обязанности одной из сторон в отношении другой, которым обязательства по договору обеих будут считаться исполненными [7].

Представляется возможным внести в Гражданский кодекс РФ, а также в Закон о банкротстве положения, предусматривающие обязательное заключение соглашения о прекращении обязательств в соответствии с пунктом 3 статьи 407 ГК РФ в случае введения процедуры конкурсного производства в отношении одной из сторон договора, условия которого должны учитывать сверку взаимных расчетов сторон и оценку уже выполненных подрядчиком работ, которая должна проводиться профессиональным оценщиком.

По мнению автора, вышеуказанное нововведение позволило бы снизить вероятность оспаривания требований кредитора со стороны других лиц. Однако, даже при наличии прекращенного обязательства, всегда возникает проблема, связанная с получением удовлетворения требований. Конечно, следует учитывать, что у кредитора остается возможность требовать оплаты с контролирующих лиц организации, в случае привлечения их к субсидиарной ответственности. Вместе с тем, в условиях существующей практики, не всегда интересы кредиторов и конкурсного управляющего совпадают, если учитывать количество контролируемых банкротств. Более того, возможен вариант, при котором на стороне должника может быть физическое лицо, выступающее в гражданско-правовом обороте в качестве индивидуального предпринимателя. В таком случае получение удовлетворения близится к нулю, даже в случае введения процедуры банкротства, схожей конкурсного производству – реализации имущества должника.

В заключении следует отметить, что несмотря на существующие инструменты защиты финансовых интересов субъектов гражданско-правового оборота в случае введения в отношении одной из сторон договора, в том числе договора подряда, процедуры конкурсного производства, заключение соглашения о прекращении обязательств между кредитором и должником может значительно укрепить позицию кредитора в деле о банкротстве должника.

Литература

1. Банкротства в России: итоги 1 полугодия 2021 года, статистический релиз Федресурса <https://fedresurs.ru/news/151817a5-4112-4ba0-8220-b099d5cee0f4> (дата обращения: 24.10.2021 г.)
2. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. 30.12.2020) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 1111.
4. Плешанова О.П. Судьба обеспечительных сделок при банкротстве участников: в поисках модели регулирования // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 8. С. 121 – 149.
5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.11.2018) (ред. от 26.12.2018) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 5.
6. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27.11.2019 № Ф05-20658/2019 по делу № А41-42398/2017.
7. Определение Верховного Суда РФ от 12 марта 2018 г. № 305-ЭС17-17564 по делу № А40-67546/2016.

References

1. Bankrotstva v Rossii: itogi 1 polugodiya 2021 goda, statisticheskij reliz Fedresursa <https://fedresurs.ru/news/151817a5-4112-4ba0-8220-b099d5cee0f4> (data obrashcheniya: 24.10.2021 g.)
2. Federal'nyj zakon ot 26.10.2002 № 127-FZ (red. 30.12.2020) «O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)». Sobranie zakonodatel'stva RF. 2002. № 43. St. 4190.
3. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' tret'ya) ot 26.11.2001 № 146-FZ (red. ot 18.03.2019). Sobranie zakonodatel'stva RF. 2001. № 49. St. 1111.
4. Pleshanova O.P. Sud'ba obespechitel'nyh sdelok pri bankrotstve uchastnikov: v poiskah modeli regulirovaniya. Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii. 2017. № 8. S. 121 – 149.
5. Obzor sudebnoj praktiki Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii № 3 (2018) (utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda RF 14.11.2018) (red. ot 26.12.2018). Byulleten' Verhovnogo Suda RF. 2019. № 5.
6. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 27.11.2019 № F05-20658/2019 po delu № A41-42398/2017.
7. Opreделение Verhovnogo Suda RF ot 12 marta 2018 g. № 305-ES17-17564 po delu № A40-67546/2016.

**ПРАВОСУДИЕ И ПАНДЕМИЯ КОРОНАВИРУСА:
ВЫНУЖДЕННАЯ ЦИФРОВИЗАЦИЯ**

**Сергеева К.А.,
Юртаев В.А.,
Дальневосточный федеральный университет**

Аннотация: в связи с пандемией COVID-19 и угрозой санитарно-эпидемиологической безопасности участников судебных процессов, правосудие активно переходит в онлайн-формат, используя в своей деятельности системы видео-конференц-связи. Авторами рассмотрен процесс цифровизации правосудия с целью определения его эффективности и востребованности. Отмечается его вынужденный характер и активное использование только в крайних случаях. В результате проведённого исследования были решены следующие задачи: выделены особенности этого процесса ввиду использования систем видео-конференц-связи в здании суда и проведения онлайн-заседаний; изучена судебная практика; сделаны выводы о наличии пробелов в законодательстве в вопросе процесса рассмотрения дел в условиях коронавирусной инфекции, а также предложены варианты их восполнения; обозначены основные проблемы и возможные способы их разрешения. Полученные авторами в процессе исследования действующего законодательства выводы и результаты имеют практическое значение – их можно использовать в целях оптимизации работы судов Российской Федерации с системами видео-конференц-связи, совершенствования законодательства в данной области. Материалы будут полезны при дальнейшем изучении и развитии избранной авторами темы, которая остаётся актуальной ввиду возрастающей опасности заражения COVID-19.

Ключевые слова: коронавирус, онлайн-судопроизводство, цифровизация деятельности судов, система ВКС в судах, современное правосудие, процессуальное законодательство

JUSTICE AND THE CORONAVIRUS PANDEMIC: FORCED DIGITALISATION

**Sergeeva K.A.,
Yurtaev V.A.,
Far Eastern Federal University**

Abstract: in view of the COVID-19 pandemic and the threat to the sanitary and epidemiological security of litigants, justice is actively moving to an online format, using video-conferencing systems in its activities. The authors examine the process of digitalisation of justice in order to determine its effectiveness and relevance. It is noted its forced nature and active use only in extreme cases. The following tasks were solved as a result of the conducted research: peculiarities of this process were highlighted due to the use of video-conferencing systems in the court building and online sessions; court practice was studied; conclusions were made on the presence of gaps in the legislation in the issue of coronavirus proceedings and options to fill them were proposed; main problems and possible ways to resolve them were identified. The conclusions and results of the study of the current legislation obtained by the authors have practical value - they can be used for optimization of work of courts of the Russian Federation with video-conferencing systems, improvement of legislation in this area. The materials will be useful for further study and development of the topic chosen by the authors, which remains topical due to the growing danger of COVID-19 infection.

Keywords: coronavirus, online litigation, digitalization of court operations, VCS in courts, modern justice, procedural law

Мир борется с пандемией COVID-19 – ограничительные меры, масочный режим, вакцинация. Коронавирус кардинально изменил многие сферы жизнедеятельности общества, в том числе и судебную систему. Ещё до введения ограничительных мер законодатель давал возможность проведения судебного заседания с использованием веб-конференции. Оснащение судов видео-конференц-связью (далее по тексту – система ВКС) было предусмотрено федеральной целевой программой «Развитие судебной системы России на 2013–2024 гг.», целевыми индикаторами и показателями которой являются доля федеральных судов общей юрисдикции, количество залов судебных заседаний, кабинетов судей федеральных судов, оснащенных комплектами ВКС [1] и др.

Анализ Приказа Судебного департамента при Верховном Суде РФ «Об утверждении Регламента организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний» подтвердил сложность проведения заседания ввиду занятости оборудования – программно-технические комплексы

ВКС, установленные в учреждениях ФСИН России субъекта Российской Федерации, используются тем или иным судом лишь по расписанию [2, п. 3.1].

По нашему мнению, данный судебный «цифровой нигилизм» к тому же объясняется отсутствием квалифицированных технических кадров в судебных департаментах и судах; отсутствием налаженной и стабильной интернет-связи; непригодностью судей, в силу отсутствия должной подготовки и возраста, к ведению судебных заседаний в таком формате.

Несмотря на то, что пандемия коронавируса стала частью общественной и правовой жизни более года назад, до сих пор законодательно не урегулированы важнейшие аспекты судебного процесса, что нарушает единообразие судебной системы и порождает другие проблемы, а также посягает, по нашему мнению, на принципы отправления правосудия, перечисленные в Федеральном конституционный закон «О судебной системе» [8].

Согласно процессуальному законодательству (например, ст. 153.1 АПК РФ, ст. 29.14 КоАП РФ, ст. 142 КАС РФ, ст. 155.1 ГПК РФ) возможность проведения судебного заседания с использованием системы видеоконференции, следовательно, возможность участия в судебном заседании «онлайн» при условии заявления ходатайства об этом существует с 2010 года [3, ст. 153.1]. Однако система ВКС является закрытой системой и законодательно предполагает обязательность нахождения участника процесса в здании суда [4], что в период пандемии коронавируса опасно и обременительно для участников судебного процесса.

В связи с этим субъектам судопроизводства предоставлена возможность участвовать в судебном заседании с личного компьютера или другого устройства, о чём говорил председатель Верховного Суда Вячеслав Лебедев [5]. Обращаясь к статистике, озвученной председателем Верховного Суда России, за время нерабочих дней, установленных Президентом РФ, судами было рассмотрено почти 3,5 миллиона дел и материалов. Количество обращений пользователей к государственной автоматизированной системе «Правосудие» превысило 3 млрд, а число документов, поданных в суды в электронном виде, составило более 2 млн [6]. Но законодательной процедуры участия граждан в судебном процессе «не выходя из дома» не установлено до сих пор. Ничего не сказано и о нестабильном интернет-соединении, которое может стать основанием пересмотра дела, его переноса. Не стоит отрицать и значение передачи данных по негарантированным каналам связи, так как в ходе судебного процесса происходит обмен конфиденциальной информацией, что ставит под сомнение безопасность этих данных.

На практике мы уже обратили внимание, что встречаются случаи подключения участников процесса к судебному заседанию из полиции, больницы в рамках уголовного судопроизводства. То есть в ситуации, когда субъект должен незамедлительно присутствовать на судебном заседании, применяются меры по «приближению» лица к суду. Примером может стать резонансное дело «Пермского стрелка», суд по избранию меры пресечения для которого проходил в больнице. Случаи подключения по системе ВКС в экстренных условиях нельзя отнести и к постоянному судебному присутствию – создаваемому в целях приближения правосудия к участвующим в деле лицам обособленному подразделению, расположенному вне места постоянного пребывания суда, осуществляющее его полномочия [9, ст. 33.11]. Подобного рода «суды вне здания суда» окрестили выездными заседаниями, однако возможность их проведения регламентирована лишь в АПК. [3, ст. 135]. Иными словами, прослеживается неопределённость в законодательном регулировании данного вопроса. Мы считаем целесообразным чётко определить случаи и условия применения систем ВКС, согласно которым однозначно бы определялась необходимость их использования.

Неопределённость условий применения системы ВКС можно проследить в процессуальном законодательстве. УПК РФ не раскрывает понятия необходимости, которое является главным условием для допроса свидетеля по видео-конференц-связи [10, ст. 278.1]. М.А. Царев также отметил «размытость» условий применения системы ВКС в уголовном процессе в статье 241 УПК – в исключительных случаях подсудимый может участвовать в судебном заседании путем использования системы ВКС. Однако перечень исключительных случаев отсутствует [11, с. 561]. В связи с этим целесообразно закрепить чёткий перечень оснований для использования систем ВКС и основных понятий (необходимость, исключительные условия).

Обратимся к Обзору по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению новой коронавирусной инфекции, где говорится о том, что ограничения свободного перемещения граждан, их нахождения в общественных местах, государственных и иных учреждениях могут являться основанием для отложения судебного разбирательства, приостановления производства по делу, продления срока его рассмотрения [12]. Положение об этом существует в законодательстве с 2013 года: отложение разбирательства дела допускается в случае, если суд признает невозможным рассмотрение дела в этом судебном заседании вследствие возникновения технических неполадок при использовании технических средств ведения судебного заседания, в том числе систем ВКС [13,

п. 1 ст. 169]. Справедливым будет отметить, что в новых условиях, которые создаёт коронавирусная инфекция, необходимы новые способы регулирования.

Обобщая содержание документа, также необходимо отметить, что в нём ничего не говорится о новом формате судебного заседания. Информация об использовании современных информационных технологий содержится только в указании на обстоятельства, ввиду которых граждане не могут обратиться в суд через интернет-приёмную суда. Есть основания утверждать, что в Обзоре Верховного Суда по отдельным вопросам судебной практики от 21 апреля 2020 года не говорится о переводе правосудия в онлайн-среду. К тому же, стоит обратить внимание, что Обзор № 1 достаточно противоречив ввиду того, что значительного количества судебной практики по применению законодательства, связанного с коронавирусной инфекцией, не было. Иными словами, Обзор Верховного суда лишь формально основан на практике. В документе содержатся рекомендации по принятию решения по спорам, на которые так или иначе повлиял COVID-19. Соответственно, практика формировалась со ссылкой на обзор, а не наоборот.

Перейдём к Обзору № 2 от 30 апреля 2020 года, согласно которому в целях недопущения распространения инфекции было принято решение о проведении всего судебного разбирательства с использованием систем ВКС [14]. Указано, что это позволит обеспечить личное участие и соблюдение процессуальных прав подозреваемого, обвиняемого, подсудимого и других лиц в судебном заседании. Анализируя положения документа, представляется важным подчеркнуть, что использование в ходе судебного разбирательства системы ВКС, в соответствии с правовыми позициями Европейского Суда по правам человека, не противоречит понятию справедливого и публичного слушания дела. Однако данное утверждение справедливо только при условии, что подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, находящийся под стражей и участвующий в судебном заседании, имеет возможность следить за ходом судебного процесса, видеть и слышать участников процесса, а также быть заслушанным сторонами и судьей беспрепятственно.

Однако мы считаем, что принцип гласности и открытости нарушается на практике. В судебный процесс в очном формате стали меньше допускать простых слушателей ввиду опасности заражения. С переходом в онлайн-формат этот вопрос, по определению, должен решиться в лучшую сторону. Однако, согласно Федеральному закону «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», трансляция открытого судебного заседания в сети «Интернет» допускается только с разрешения суда [15, ст. 15.1], что противоречит принципу гласности, который предполагает, что право на получение информации о деятельности суда и присутствие в судебном заседании имеет каждый.

Рассмотрим Обзор №3 от 17 февраля 2021 года, в котором поднимается вопрос об актуальности разъяснений Обзора по отдельным вопросам судебной практики, связанным с распространением коронавирусной инфекции (COVID-19) №2. Подчёркивается, что в целях обеспечения безопасности суд по-прежнему имеет право в случае необходимости безотлагательного рассмотрения уголовного дела или материала провести судебное разбирательство с использованием систем ВКС [16]. Полного перечня таких дел нет ни в одном из обзоров, лишь подчёркивается, что он не является исчерпывающим. С одной стороны, возникает проблема ввиду неопределённости – отсутствует фактическое основание для перевода заседания в онлайн-формат. Это может привести к тому, что действия судьи могут быть оспорены и производство дела передано в другую инстанцию. С другой стороны, это позволяет не останавливать производства по делу и ускоряет рассмотрение материалов в сложной эпидемиологической обстановке.

Интересно положение о том, что даже при наличии возражений сторон, суд может принять решение о рассмотрении уголовного дела или материала с использованием систем ВКС. Согласно Обзору выбор порядка проведения судебного разбирательства относится к исключительной компетенции суда. В действующем законодательстве не удалось найти дефиницию «исключительная компетенция суда», что ставит под сомнение подобную формулировку, так как нет определённого перечня действий, относящихся к исключительным полномочиям. Мы считаем уместным разъяснить этот момент в действующем законодательстве для обеспечения единообразия правоприменения и судебного процесса.

Стоит отметить, что отсутствие согласования порядка проведения разбирательства с интересами сторон мотивируется необходимостью обеспечения санитарно-эпидемиологической безопасности участников уголовного судопроизводства. По мнению авторов, при наличии весомых оснований для признания очного формата проведения рассмотрения дела или отдельных его материалов судом опасным для здоровья это положение можно признать справедливым.

В Обзоре №3 отмечается, что необходимость обеспечения санитарно-эпидемиологической безопасности участников судебного заседания не может являться основанием для проведения закрытого судебного заседания. Согласно процессуальному законодательству при угрозе безопасности личности суд вправе принять решение о проведении закрытого судебного разбирательства. Заражение коронавирусной инфекцией также может привести к тяжёлым последствиям, и, как ранее отмечалось, является угрозой для санитарно-

эпидемиологической безопасности. В данном случае цифровизация и онлайн-формат судебного процесса является прогрессивным и своевременным решением. Веб-конференция является закрытой, и ссылки на неё доступны только лицам, непосредственно участвующим в деле. Этим обеспечивается информационная и личная безопасность участников процесса, что несомненно делает цифровизацию правосудия важной и необходимой мерой в настоящее время.

Активное включение в судебный процесс новых технологий, которые не только ускоряют, но и упрощают взаимодействие между его участниками, в перспективе должно способствовать повышению эффективности правосудия, более быстрому и качественному достижению результата по рассмотрению и разрешению дела [17, с. 73].

Возникает достаточно дискуссионный вопрос о том, как в ходе рассмотрения дела суд знакомится с письменными доказательствами, осматривает вещественные доказательства, заслушивает объяснения лиц, участвующих в деле, показания свидетелей, заключения экспертов [18, с. 228]. В условиях цифровизации слушания дела затруднительно непосредственное исследование доказательств. Ни в законодательстве, ни на электронных ресурсах федеральных судов не удалось обнаружить указаний на то, что предусмотрена возможность сторон демонстрировать экран, документы, использовать для этого чат собрания.

Вследствие вышесказанного важно обратить внимание на мнение судьи Виктора Момотова. Он считает, что при осуществлении правосудия не обеспечен окончательно переход к цифровизации процессуальных документов, не полностью осуществлён отказ от бумажных носителей информации, не все информационные сервисы удобны и понятны для обычных пользователей [19]. Например, сервис «Правосудие онлайн». Интерфейс системы достаточно неудобный, обнаруживаются организационные и технические проблемы.

Таким образом, для успешного перевода правосудия в онлайн-формат судьям, сотрудникам аппарата судов и другим участникам судебного процесса необходимо прежде всего научиться пользоваться информационными сервисами; законодателю – предусмотреть возможность оцифровывания документации без бумажных носителей и небезопасных контактов.

Не стоит умалять значение автоматизации системы правосудия и ограничивать его только рамками существования пандемии и борьбы с коронавирусной инфекцией. Меры по предотвращению распространения коронавирусной инфекции «запустили» необратимый процесс, который повлияет на развитие судебной системы в будущем. Отказ от информационных технологий или использования в заседаниях ВКС, внедряемой в настоящее время, неминуемо приведёт к регрессу судебной системы. Бесспорно, полная механизация системы правосудия на настоящем этапе развития информационных технологий невозможна. Искусственный интеллект не может оценить сложные случаи, работать с категориями честности, необходимой обороны и т.д.). Информационные технологии будут «проникать» в систему правоприменения с большей силой с каждым днём. Может измениться роль судьи при решении проблемы ознакомления суда с письменными, вещественными доказательствами при использовании в заседании ВКС. Анализ фактов, норм, показаний также может быть автоматизирован. Но роль оценки фактов, ключевых моментов должна остаться за судьёй.

Пандемия коронавируса значительно повлияла на правовую систему; в частности – ускорила цифровизацию правосудия. Данный процесс имеет свои недостатки и преимущества, но применение информационных технологий в судопроизводстве в современных условиях необходимо и востребовано. К тому же современные условия, бесспорно, повлияли и на развитие правовой системы в перспективе. При совершенствовании и законодательном урегулировании существующих пробелов и недостатков законодательства в этом вопросе процесс цифровизации судопроизводства можно считать полностью эффективным. Однако нельзя отходить от основополагающих принципов правосудия, так как это может привести к деформации качества судебной системы и сущности судебной власти в целом.

Литература

1. Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 «О федеральной целевой программе "Развитие судебной системы России на 2013-2024 годы"» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Об утверждении Регламента организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний: приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2015 N 401: утвержден приказом Судебного департамента при Верховном Суде Рос. Федерации от 28 дек. 2015 г. N 401: согласован постановлением Президиума Совета судей Рос. Федерации от 30 ноября 2015 г. N 479 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации. От 24 июля 2002 г. N 95-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 14 июня 2002 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 10 июля 2002 г.: введ. Федер. Законом Рос. Федерации от 24 июля 2002 г. N 96-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Гарант // URL: <https://www.garant.ru/article/1416765/>.
5. Верховный суд Российской Федерации // URL: http://www.supcourt.ru/press_center/mass_media/30377
6. Право.ru // URL: <https://pravo.ru/story/228106>
7. Ведомости // URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2021/02/05/856775-sud-naznachil-navalnomu-po-delu-ob-oskorblenii-veterana>
8. О судебной системе Российской Федерации: Федер. конст. закон Рос. Федерации от 31 дек. 1996 г. N 1-ФКЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 23 окт. 1996 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 26 дек. 1996 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Об арбитражных судах в Российской Федерации: Федер. конст. закон Рос. Федерации от 28 апр. 1995 г. N 1-ФКЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 5 апр. 1995 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 12 апр. 1995 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. От 18 дек. 2001 г. N 174-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 ноября 2001 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 дек. 2001 г.: введ. Федер. Законом Рос. Федерации от 18 дек. 2001 г. N 174-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Царев М.А. Вопросы применения системы видео-конференц-связи в уголовном процессе // Вопросы российской юстиции. 2021. № 14. С. 559 – 566.
12. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации. От 14 нояб. 2002 г. N 138-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 23 окт. 2002 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 30 окт. 2002 г.: введ. Федер. Законом Рос. Федерации от 14 нояб. 2002 г. N 138-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
15. Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации: Федер. закон от 22 дек. 2008 г. N 262-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 10 дек. 2008 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 17 дек. 2008 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
16. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 3. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
17. Карасев А.Т., Савоськин А.В., Мещерягина В.А. Цифровизация правосудия в Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 2. С. 71 – 77.
18. Вильчик Ю.А. Электронное правосудие в арбитражном судопроизводстве в период распространения коронавирусной инфекции // Юриспруденция в теории и на практике: актуальные вопросы и современные аспекты: Сборник статей VII Международной научно-практической конференции. 2020. С. 227 – 229.
19. Legal.report // URL: <https://legal.report/vyacheslav-momotov-provedenie-jubilejnogo-sezda-sudej-rf-poka-nevozmozhno>

References

1. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 27.12.2012 № 1406 «O federal'noj celevoj programme "Razvitie sudebnoj sistemy Rossii na 2013-2024 gody"» [Elektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
2. Ob utverzhdenii Reglamenta organizacii primeneniya video-konferenc-svyazi pri podgotovke i provedenii sudebnyh zasedanij: prikaz Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude RF ot 28.12.2015 N 401: utverzhden prikazom Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude Ros. Federacii ot 28 dek. 2015 g. N 401: soglasovan postanovleniem Prezidiuma Soveta sudej Ros. Federacii ot 30 noyabrya 2015 g. N 479 [Elektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant-Plyus».
3. Arbitrazhnyj processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii. Ot 24 iyulya 2002 g. N 95-FZ: prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 14 iyunya 2002 g.: odobr. Sovetom Federacii Feder. Sobr. Ros. Federacii 10 iyulya 2002 g.: vvod. Feder. Zakonom Ros. Federacii ot 24 iyulya 2002 g. N 96-FZ [Elektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
4. Garant // URL: <https://www.garant.ru/article/1416765/>.
5. Verhovnyj sud Rossijskoj Federacii // URL: http://www.supcourt.ru/press_center/mass_media/30377
6. Pravo.ru // URL: <https://pravo.ru/story/228106>
7. Vedomosti // URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2021/02/05/856775-sud-naznachil-navalnomu-po-delu-ob-oskorblenii-veterana>
8. O sudebnoj sisteme Rossijskoj Federacii: Feder. konst. zakon Ros. Federacii ot 31 dek. 1996 g. N 1-FKZ: prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 23 okt. 1996 g.: odobr. Sovetom Federacii Feder. Sobr. Ros. Federacii 26 dek. 1996 g. [Elektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
9. Ob arbitrazhnyh sudah v Rossijskoj Federacii: Feder. konst. zakon Ros. Federacii ot 28 apr. 1995 g. N 1-FKZ: prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 5 apr. 1995 g.: odobr. Sovetom Federacii Feder. Sobr. Ros. Federacii 12 apr. 1995 g. [Elektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
10. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii. Ot 18 dek. 2001 g. N 174-FZ: prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 22 noyabrya 2001 g.: odobr. Sovetom Federacii Feder. Sobr. Ros. Federacii 5 dek. 2001 g.: vvod. Feder. Zakonom Ros. Federacii ot 18 dek. 2001 g. N 174-FZ [Elektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
11. Carev M.A. Voprosy primeneniya sistemy video-konferenc-svyazi v ugolovnom processe. Voprosy rossijskoj yusticii. 2021. № 14. S. 559 – 566.
12. Obzor po otdel'nyh voprosam sudebnoj praktiki, svyazannym s primeneniem zakonodatel'stva i mer po protivodejstviyu rasprostraneniyu na territorii Rossijskoj Federacii novoj koronavi-rusnoj infekcii (COVID-19) № 1. [Elektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
13. Grazhdanskij processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii. Ot 14 noyab. 2002 g. N 138-FZ: prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 23 okt. 2002 g.: odobr. Sovetom Federacii Feder. Sobr. Ros. Federacii 30 okt. 2002 g.: vvod. Feder. Zakonom Ros. Federacii ot 14 noyab. 2002 g. N 138-FZ [Elektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
14. Obzor po otdel'nyh voprosam sudebnoj praktiki, svyazannym s primeneniem zakonodatel'stva i mer po protivodejstviyu rasprostraneniyu na territorii Rossijskoj Federacii novoj koronavi-rusnoj infekcii (COVID-19) № 2. [Elektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
15. Ob obespechenii dostupa k informacii o deyatelnosti sudov v Rossijskoj Federacii: Feder. zakon ot 22 dek. 2008 g. N 262-FZ: prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 10 dek. 2008 g.: odobr. Sovetom Federacii Feder. Sobr. Ros. Federacii 17 dek. 2008 g. [Elektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
16. Obzor po otdel'nyh voprosam sudebnoj praktiki, svyazannym s primeneniem zakonodatel'stva i mer po protivodejstviyu rasprostraneniyu na territorii Rossijskoj Federacii novoj koronavi-rusnoj infekcii (COVID-19) № 3. [Elektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
17. Karasev A.T., Savos'kin A.V., Meshcheryagina V.A. Cifrovizaciya pravosudiya v Rossijskoj Federacii. Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. № 2. S. 71 – 77.
18. Vil'chik Yu.A. Elektronnoe pravosudie v arbitrazhnom sudoproizvodstve v period rasprostraneniya koronavirusnoj infekcii. Yurisprudenciya v teorii i na praktike: aktual'nye voprosy i sovremennye aspekty: Sbornik statej VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2020. S. 227 – 229.
19. Legal.report // URL: <https://legal.report/vyacheslav-momotov-provedenie-jubilejnogo-sezda-sudej-rf-poka-nevozmozhno>

**ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ СТАТЬИ
1079 ГК РФ К СИТУАЦИИ ОСТАНОВКИ И СТОЯНКИ ТРАНСПОРТНОГО
СРЕДСТВА В МОМЕНТ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ**

**Шакурова Н.К., соискатель,
Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова**

***Аннотация:** настоящая статья посвящена проблеме правовой оценки действий (бездействия) владельца транспортного средства, находящегося в неподвижном состоянии, применительно к ситуациям дорожно-транспортных происшествий. На основе анализа судебной практики дается оценка статуса такого лица, как участника дорожного движения. Автором статьи обосновывается необходимость выработки единообразной судебной практики в вопросе юридической оценки стоящего в нарушение Правил дорожного движения на проезжей части транспортного средства именно как источника повышенной опасности. Предлагается внесение дополнений в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 №1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина».*

***Ключевые слова:** нарушение Правил дорожного движения, возмещение вреда, источник повышенной опасности, деятельность, создающая повышенную опасность для окружающих, транспортное средство*

**THE POSSIBILITY OF APPLYING THE PROVISIONS OF ARTICLE
1079 OF THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION TO THE SITUATION
OF STOPPING AND PARKING A VEHICLE AT THE TIME OF A TRAFFIC ACCIDENT**

**Shakurova N.K., Applicant,
I.N. Ulyanov Chuvash State University**

***Abstract:** this article is devoted to the problem of legal assessment of the actions (inaction) of the owner of a vehicle that is not in motion in relation to situations of road accidents. Based on the analysis of judicial practice, an assessment of the status of such a person as a road user is given. The author of the article substantiates the need to develop uniform judicial practice in the issue of legal assessment of a vehicle standing in violation of traffic rules on the carriageway as a source of increased danger. Amendments are proposed to the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 dated 26.01.2010 "On the application by courts of civil legislation regulating relations on obligations due to harm to the life or health of a citizen".*

***Keywords:** violation of traffic rules, compensation for harm, a source of increased danger, activities that create increased danger to others, a vehicle*

Деятельность с использованием транспортных средств законодателем определена как создающая повышенную опасность для окружающих. Это объясняется опасными свойствами (признаками), присущими автомобилю, находящемуся в движении (большая масса, скорость), что обуславливает невозможность его мгновенного торможения. Поэтому возможности человеческого контроля над возникшей ситуацией ограничены, а в совокупности с погодными условиями и человеческим фактором, риск причинения вреда не только владельцам транспортных средств, явившимся участниками дорожно-транспортного происшествия, но и иным лицам (пассажирам транспортных средств, пешеходам) возрастает. Указанные обстоятельства обуславливают необходимость применения к отношениям, возникшим из причинения вреда деятельностью, связанной с использованием транспортных средств, в первую очередь положений ст. 1079 ГК РФ.

В то же время, повышенная опасность транспортного средства имеет место не только при его движении, но и нахождении в неподвижном состоянии. При этом судебная практика рассмотрения такой категории дел неоднозначна.

На этом основании, по всей видимости, нужны уточнения, касающиеся правовой оценки действий владельца не находящегося в движении транспортного средства (в частности, автомобиля) применительно к ситуациям дорожно-транспортных происшествий (иных случаев причинения вреда) с пассивным участием данного транспортного средства. В том случае, когда транспортное средство не находится в движении и при этом припарковано с соблюдением установленных в нормах права требований безопасности дорожного движения, привлечение его владельца к гражданско-правовой (равно как и иной юридической) ответственности за вред, причинённый другим лицам, в результате наезда на данное транспортное средство, выглядит недопустимым с точки зрения закона и справедливости.

В современной отечественной судебной практике проводится подход, согласно которому припаркованный с соблюдением правил дорожного движения автомобиль в ситуации дорожно-транспортного происшествия, причинения в этой связи вреда участникам дорожного движения и другим лицам, не рассматривается в качестве источника повышенной опасности [3]. Не оспаривая обоснованность данного подхода по существу, всё же полагаем, что в указанной ситуации более корректной выглядит постановка вопроса об отсутствии вины со стороны владельца транспортного средства, соответственно, неприменимости к нему обязанности возмещать вред, причинённый в результате дорожно-транспортного происшествия, с пассивным участием данного транспортного средства.

В тех же ситуациях, когда транспортное средство, в частности автомобиль, оставляется владельцем (лицом, непосредственно управляющим транспортным средством) в нарушение правил на проезжей части и в этой связи имеет место дорожно-транспортное происшествие, причиняется вред окружающим, указанные действия (бездействие) со стороны владельца транспортного средства, по нашему мнению, должны рассматриваться в качестве деятельности, создающей повышенную опасность для окружающих, и влечь для него последствия, предусмотренные положениями ст. 1079 ГК РФ [8, с. 188].

Следует обратить внимание на не вполне последовательный в данном вопросе характер судебной практики.

Так, к примеру, разрешая иски о возмещении морального вреда, причиненного смертью матери истца в результате дорожно-транспортного происшествия, произошедшего по вине водителя автомобиля, припарковавшего транспортное средство в месте, где остановка автомобиля запрещена, суд кассационной инстанции, отменив решения нижестоящих судов, установивших обоюдную вину водителей обоих транспортных средств, и частично удовлетворив требования истца, со ссылкой на ст. 1079 ГК РФ, отказал в удовлетворении иска, ссылаясь на неприменение в указанной правоприменительной ситуации положений данной нормы, отметив, что «стоящий в неподвижном состоянии автомобиль не может рассматриваться, как источник повышенной опасности» [6].

В другой ситуации, при рассмотрении дела о дорожно-транспортном происшествии с участием движущегося по трассе в тёмное время суток легкового автомобиля и двух стоящих грузовых автомашин (КАМАЗОВ) (один из которых перекрыл проезжую часть), в результате чего были причинены телесные повреждения находившемуся в легковом автомобиле пассажиру, суд установил, что дорожно-транспортное происшествие произошло вследствие нарушения ПДД как водителем легкового автомобиля, не принявшим во внимание условия видимости в ночное время суток, так и водителями остановившихся грузовых машин, не включивших аварийную сигнализацию для предупреждения об опасности других участников движения, вследствие чего удовлетворил иск о компенсации морального вреда, при этом ответственность по возмещению вреда была возложена на водителей грузовых автомобилей по ст. 1064 ГК РФ, поскольку, как почитал суд, стоящие КАМАЗЫ в момент дорожно-транспортного происшествия не являлись источниками повышенной опасности в том понимании, которое определено в статье 1079 ГК РФ [7].

В то же время, можно привести и другой судебный подход к оценке юридических последствий остановки транспортного средства на проезжей части, произведённой в нарушение ПДД и послужившей причиной дорожно-транспортного происшествия с причинением вреда участникам дорожного движения. Так, решением суда отказано в удовлетворении иска, заявленного к водителю автомобиля, совершившего наезд на транспортное средство истца, находившегося в момент столкновения в неподвижном состоянии. Разрешая гражданское дело, суд установил, что виновником данного дорожно-транспортного происшествия признан сам истец в связи с нарушением им требований п. 7.1, 7.2, 16.2 ПДД, тогда как вина ответчика не была доказана материалами дела. Доводы истца о том, что его автомобиль не являлся источником повышенной опасности вследствие неподвижности в момент столкновения, опровергнуты судом апелляционной инстанции, как несогласующиеся с действующими на момент возникновения спорных правоотношений разъяснениями абзаца 2 п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.01.2015 №2 [2] о том, что «под использованием транспортного средства понимается не только механическое перемещение, но и все действия, связанные с этим движением и иной эксплуатацией транспортного средства, в том числе, остановка»).

Высшая судебная инстанция в своем постановлении от 26.12.2017 №58 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» дает разъяснения использования транспортного средства следующего содержания: «Под использованием транспортного средства следует понимать не только механическое (физическое) перемещение в пространстве, но и все действия, связанные с этим движением и иной эксплуатацией транспортного средства как источника повышенной опасности» [2].

Как видно из приведённых примеров, в настоящее время отсутствует единообразный подход судов в вопросе юридической оценки стоящего в нарушение Правил дорожного движения на проезжей части транспортного средства именно как источника повышенной опасности. Как следствие, снижается уровень правовой защиты потерпевших в результате дорожно-транспортных происшествий в ситуациях наезда транспортных средств на неподвижно стоящие на проезжей части (в том числе, с нарушением Правил дорожного движения) транспортные средства, и в целом, не обеспечивается правовая определённость при регулировании обязательств по возмещению вреда, причинённого в такого рода дорожно-транспортном происшествии.

Таким образом, существует необходимость выработки единообразной судебной практики в значимом для правовой защиты потерпевших от дорожно-транспортных происшествий вопросе юридической оценки стоящего в нарушение Правил дорожного движения на проезжей части транспортного средства именно как источника повышенной опасности, а действий (бездействия) его владельца (лица, непосредственно управляющего транспортным средством), выразившихся в остановке и стоянке транспортного средства с нарушением Правил дорожного движения, - как деятельности, создающей повышенную опасность для окружающих.

Оптимальным вариантом в этом плане, по мнению автора данной статьи, выглядит дополнение п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 №1 разъяснением, согласно которому вред, причинённый транспортным средством, остановившимся и стоящим на проезжей части в нарушение правил безопасности дорожного движения, другим лицам (пешеходам, пассажирам) должен возмещаться владельцем данного транспортного средства по правилам ст. 1079 ГК РФ, а в ситуациях причинения вреда другим владельцам транспортных средств, действуют правила ст. 1064 ГК РФ.

Кроме того, принимая во внимание ситуации, когда транспортное средство выбывает из законного владения в результате противоправных действий других лиц и, соответственно, с учётом наличия или отсутствия вины владельца в данном противоправном изъятии, обязательство по возмещению, причинённого транспортным средством вреда жизни и здоровью граждан, может быть возложено на лицо, противоправно завладевшее транспортным средством, либо распределено между законным и фактическим (незаконным) владельцами [1], целесообразно включить приведённое выше дополнение в п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 №1, указав на возможность возложения обязательства по возмещению вреда либо на лицо, противоправно изъязвшее транспортное средство и оставившее его в нарушение Правил дорожного движения на проезжей части, либо (с учётом вины владельца, не принявшего необходимых мер против угона транспортного средства) – в порядке долевой ответственности указанных лиц.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021 с изм. от 08.07.2021) // Консультант Плюс: справочно-правовая система. Режим доступа: для авторизир. пользователей
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 58 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Офиц. сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/>
3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29 августа 2017 г. № 25-КГ17-11 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Офиц. сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/>
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Офиц. сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/>
5. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 4 марта 2021 г. по делу N 88-21506/2020(8г-23566/2020) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Офиц. сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/>
6. Постановление Президиума Волгоградского областного суда от 23 ноября 2016 г. N 44г-199/2016 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Офиц. сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/>
7. Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 26 мая 2015 г. по делу N 33-1961/2015 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Офиц. сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/>

8. Кулаков В.В. Гражданско-правовая ответственность за вред, причинённый при использовании автомобильного транспорта // Российское государствоведение. 2015. № 2. С. 55.

9. Яшнова С.Г. Ответственность за вред, причинённый источником повышенной опасности в гражданском праве России и стран Западной Европы: дис. ...канд. юрид. наук. Москва, 2014. С. 188.

References

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraya) ot 26.01.1996 № 14-FZ (red. ot 01.07.2021 s izm. ot 08.07.2021). Konsul'tantPlyus: spravochno-pravovaya sistema. Rezhim dostupa: dlya avtorizir. pol'zovatelej

2. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 26 dekabrya 2017 g. № 58 «O primenении sudami zakonodatel'stva ob obyazatel'nom strahovanii grazhdanskoj otvetstvennosti vladel'cev transportnyh sredstv». Konsul'tantPlyus: spravochno-pravovaya sistema [Ofic. sajt]. URL: <http://www.consultant.ru/>

3. Opredelenie Sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam Verhovnogo Suda RF ot 29 avgusta 2017 g. № 25-KG17-11. Konsul'tantPlyus: spravochno-pravovaya sistema [Ofic. sajt]. URL: <http://www.consultant.ru/>

4. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 26 yanvary 2010 g. № 1 «O primenении sudami grazhdanskogo zakonodatel'stva, reguliruyushchego otnosheniya po obyazatel'stvam vsledstvie prichineniya vreda zhizni ili zdorov'yu grazhdanina». Konsul'tantPlyus: spravochno-pravovaya sistema [Ofic. sajt]. URL: <http://www.consultant.ru/>

5. Opredelenie Vos'mogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 4 marta 2021 g. po delu N 88-21506/2020(8g-23566/2020). Konsul'tantPlyus: spravochno-pravovaya sistema [Ofic. sajt]. URL: <http://www.consultant.ru/>

6. Postanovlenie Prezidiuma Volgogradskogo oblastnogo suda ot 23 noyabrya 2016 g. N 44g-199/2016. Konsul'tantPlyus: spravochno-pravovaya sistema [Ofic. sajt]. URL: <http://www.consultant.ru/>

7. Apellyacionnoe opredelenie Ul'yanovskogo oblastnogo suda ot 26 maya 2015 g. po delu N 33-1961/2015. Konsul'tantPlyus: spravochno-pravovaya sistema [Ofic. sajt]. URL: <http://www.consultant.ru/>

8. Kulakov V.V. Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost' za vred, prichinyonnyj pri ispol'zovanii avtomobil'nogo transporta. Rossijskoe gosudarstvovedenie. 2015. № 2. S. 55.

9. Yashnova S.G. Otvetstvennost' za vred, prichinyonnyj istochnikom povyshennoj opasnosti v grazhdanskom prave Rossii i stran Zapadnoj Evropy: dis. ...kand. yurid. nauk. Moskva, 2014. S. 188.

ПОНЯТИЕ НАРОДНОГО СУВЕРЕНИТЕТА В КОНТЕКСТЕ АНАЛИЗА ТЕОРИИ НАРОДОВЛАСТИЯ

Ямковая И.Н., кандидат юридических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

Аннотация: в статье исследованы теоретико-правовые основы понимания и реализации принципа народного суверенитета. Рассмотрена проблема методологических подходов исследования понятия "народный суверенитет" в современной юридической науке, в частности исследованы связи между понятиями "народный суверенитет", "народовластие" и "непосредственная демократия", проанализирован процесс развития и теоретического обоснования принципа народного суверенитета в историко-правовом аспекте, обосновано принцип народного суверенитета в контексте развития теории демократии и правового государства. Определено место принципа народного суверенитета среди фундаментальных принципов, которые лежат в основе теории демократии и характеризующие демократический способ организации государственной власти. Только в демократическом государстве власть обеспечивает гражданам возможность эффективно формировать, реализовывать и защищать интересы, а также воплощать свою волю в практические действия через формы непосредственной демократии и прочие формы народовластия.

Ключевые слова народный суверенитет, народовластие, непосредственная демократия, гражданское общество, правовое государство, формы непосредственной демократии

THE CONCEPT OF NATIONAL SOVEREIGNTY IN THE CONTEXT OF THE ANALYSIS OF THE THEORY OF DEMOCRACY

Yamkovaya I.N., Candidate of Juridical
Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
St. Petersburg State Agrarian University

Abstract: the dissertation deals with theoretical contents and legal foundations of the principle of national sovereignty. The problems of methodological principles related with the research of the notion "national sovereignty" in the modern jurisprudence, in particular, the connection between the notions "national sovereignty", "sovereignty of the people", "direct democracy" has been analyzed. The process of the development of theoretical foundation of the principle of national sovereignty in the historical and legal perspective has been observed. The principle of the national sovereignty in the context of the development of the theory of democracy and constitutional state has been justified. The place of the principle of national sovereignty among the fundamental principles, the democratic way of organizing state power is determined. Only in a democratic state the government provide citizens with the opportunity to effectively form, implement and protect their interests, as well as to realize their will into practical actions through forms of direct democracy and other forms of democracy.

Keywords: national sovereignty, sovereignty of the people, direct democracy, civil society, constitutional state, forms of direct democracy

Принцип народного суверенитета и процесс его реализации органично связаны не только с непосредственной демократией и присущими ей институтами, но и с общей системой взаимодействия общества и государства и права. Понятию и сущности народного суверенитета уделяли свое внимание как зарубежные классики истории и теории государства и права, так и выдающиеся мыслители отечественной правовой теории. Среди них: Алексеев С.С. Атаманчук Г.В. Козлова Е.И., Кутафин О.Е., Скрипнюк А.А. Чичерин Н. и др.

Целью статьи стали исследование теоретико-правовых аспектов реализации принципа народного суверенитета в Российской Федерации и установление взаимосвязи между такими понятиями как "народный суверенитет", "народовластие" и "демократия".

Понятие "народный суверенитет", как политико-правовая категория появился в Европе в конце XVIII века в работах Ж. Бодена, Дж. Локка, Ш.Л. Монтеск'е, Ж.-Ж. Руссо. Но теоретической основой для рассмотрения принципа народного суверенитета как необходимой составляющей нормального развития общества и государства стала концепция Ж.-Ж. Руссо, объединив принцип народного суверенитета с теорией естественного права и идеей общественного договора. А.Эсмен писал: "Принцип народного суверенитета постепенно обошел весь мир... Этой своей силой он обязан тому, что он представляет собой простую идею,

отражающую глубинные стремления человеческой души к справедливости и равенства. По-сути он сводится к следующему тезису: суверенитет принадлежит всему народу, взятому как целое, и не может принадлежать еще кому-либо кроме него" [1, с. 123]. М.Рейснер, связывает понятие народного суверенитета с представительной формой демократии, которая получает широкое распространение по формированию государственных представительных органов власти. По его мнению, благодаря этой идее стало возможным принципиально по-другому взглянуть на природу государственной власти, поскольку было ясно осознано, что "в государстве не только власть существует для народа, а сам народ становится государством; народное благо совершается не только для народа, но и через народ... сам народ становится властью" [2, с. 122].

Понятие народный суверенитет попадает в круг научных исследований не только тогда, когда речь идет о формах непосредственной демократии или о правах и свободах человека и гражданина, но и в том случае, когда предметом нашего внимания становятся такие понятия как правовое государство и демократия. Таким образом, любой анализ, как современного состояния развития России, так и перспектив ее дальнейшей демократизации, формирования и становления демократических институтов, конституционализма, невозможен вне обращения к проблеме обеспечения принципа народного суверенитета.

Реализация принципа народного суверенитета на законодательном уровне связана с нормой ст.3 Декларации прав человека и гражданина 1789 года, в которой было зафиксировано: "Источником суверенной власти является нация. Никакие учреждения, ни один индивид не могут иметь власть, которая явно не исходила бы от нации" [3].

В то же время, идея народного суверенитета прокладывала свой путь не только на европейском континенте, но и в Америке. В этом смысле, по мнению Ф.МакДоналда, следует обратить особое внимание на положения, зафиксированные в Декларации независимости 1776 года. Дело в том, что традиционно поддается цитированию только общеизвестный тезис о «самоочевидной истине» относительно равенства людей в их естественном праве на жизнь, свободу и стремление к счастью... Но не менее важно и продолжение этого положения, следующего в Декларации: "В случае, если определенная форма управления становится губительной для этих целей, народ имеет право изменить или отменить ее и установить новое управление, основанное на таких принципах и формах организации власти, которые, по его мнению, будут наилучшим образом обеспечивать людям безопасность и счастье" [4]. На основании изложенного можно сделать вывод о том, реализация принципа народного суверенитета предусматривает право народа определять такую форму государственного устройства и государственного управления, которая способна удовлетворить естественные права и стремления самого народа.

В данном контексте предлагается вспомнить слова известного российского дореволюционного правоведа Б. Чичерина, который в своей работе "Философия права" (1900) писал, что в основе учения о народовластии лежит идея, признающая, что верховная власть в государстве неотъемлемо. принадлежит народу, который может распоряжаться ею по собственному усмотрению [5, с. 244].

Фактически, этот важный момент абсолютно четко отражен у С.Алексеева, отмечавшего, что в условиях демократии (когда признается и гарантируется народный суверенитет) и конституционализма право уже не может рассматриваться как "придаток государственной власти", поскольку "право, словно, меняется местами с государством», утверждается верховенство права, и оно возвышается над государством и обществом [6, с. 49]. Также в этом плане хотелось бы привести слова такого известного российского исследователя как В.Атаманчук, который описывая специфику государственного управления в условиях демократического, правового государства, писал, что понятие народный суверенитет связывает государство и народ, и тем самым формирует основу теории демократии, позволяет принципиально по-новому понять природу конституционализма, государственности и пути ее демократического преобразования [7, с. 222-223].

Анализируя вышеизложенные идеи, приходим к выводу, что как только мы обращаемся к понятиям "конституция" и "конституционализм" (учение о конституции и практике конституционного строительства) или исследуем взаимосвязь между верховенством конституции и обеспечением конституционных прав человека, то сразу же сталкиваемся с необходимостью применения понятия "народный суверенитет". Из чего следует вывод. Во первых "народный суверенитет" может быть объектом исследований в сфере становления и развития конституционализма, а также институтов прав и свобод человека и гражданина. В этом контексте понятие "народный суверенитет" находится в неразрывной органической взаимосвязи с такими понятиями как "конституция", "конституционализм" и "верховенство конституции", поскольку все современные конституции основываются на теории народного суверенитета и доктрине делегирования народом своей власти. Во-вторых, рассматривая содержание понятий "народный суверенитет" и "народовластие", можем констатировать, что народовластие является общей формой организации общественных отношений, в основу которой положен принцип народного суверенитета, подтверждаемый конституционным признанием народа единственным источником власти, верховенством прав и свобод человека. и гражданина, обеспече-

нием равного и эффективного участия граждан в процессе государственного управления. Сравнивая научно-теоретический смысл упомянутых выше терминов, можно сказать, что народный суверенитет выступает центральным элементом системы базовых принципов, положенных в основу такого специфического способа организации общественных отношений как народовластия.

Изучив труды русских ученых – правоведов в области конституционного права, необходимо несколько слов сказать о советском периоде. Теоретически власть народа обеспечивалась тем, что в перспективе каждый гражданин советского государства будет вовлечен через многоступенчатую систему Советов в государственное управление в качестве реального носителя властеотношений. Именно данная схема, по мнению исследователей, позволила бы реализовать ленинские слова о «кухарке», которая будет править государством. Однако практика Советской республики оказалась иной. Принцип пролетарской диктатуры весьма быстро переродился в принцип партийной олигархии, власть в государстве перешла в руки партийной номенклатуры. Однопартийный режим дискредитировал сам принцип построения Советской республики [8]. Алексеев С.А. пишет, что реально никто и никогда не имел в виду суверенитет народа, поскольку все направлялось только на одну цель – обосновать и закрепить всевластие только одной части этого народа (пролетариата), чья воля сплошь контролируется одной тоталитарной партией: «советские конституции были призваны легализовывать, предоставлять юридически оправданный статус тому высшему революционному праву, которое... принадлежало рабочему классу, беднейшему крестьянству, трудящимся и их авангарду – коммунистической партии». Поэтому реально термином "народовластие" часто прикрывалась обычная диктатура партии или пролетариата [6, с. 220-221].

Таким образом, следует вывод, что в советской юридической науке понятие "народный суверенитет" часто отождествлялось и фактически подменялось понятием "народовластие" которое, в свою очередь, характеризовалось как "осуществление народной партией полномочий государственного управления и удовлетворения народных интересов". Хотя эта тенденция сохранилась и в современных трудах. Например, Юридическая энциклопедия содержит следующее понятие; народного суверенитета как независимость народа от кого бы то ни было при определении своей судьбы, общественного и государственного строя от любой другой власти. Находит свое выражение в формулировках конституции о том, что вся власть исходит от народа и принадлежит народу, что правительство народа – это правительство во имя народа и для народа. Народный суверенитет означает право каждого народа избирать по своей воле свой общественный и государственный строй, устраивать свою жизнь на таких принципах, которые он пожелает, если эти принципы не противоречат общегуманным ценностям человечества, общепризнанным нормам и принципам международного права. Свое выражение, народный суверенитет находит в выборах, референдумах (особенно по конституционным вопросам), народной законодательной инициативе и в других формах [9].

Большой юридический словарь тоже трактует: народовластие – один из существенных элементов демократии в её современном общепринятом понимании. Само народовластие в основном тождественно более употребительному в конституционном праве понятию народного суверенитета. В политической и государственно-правовой теории социалистических стран часто не проводится различия между понятиями «народовластие» и «демократия» [10].

Однако сравнительно-правовой анализ этих двух понятий показывает что на тождественность этим двум понятиям указывает тот факт что эти понятия взаимосвязаны и раскрываются посредством друг друга. Кроме того, невозможно отрицать наличие в отечественном законодательстве норм, которые дают основания определять ведущую роль концепции народного суверенитета в нормах Основного Закона. Для такого вывода достаточно провести формальный анализ положений статей 3 Конституции РФ доказывает, что "носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ» и только народ осуществляя власть непосредственно или через органы государственной власти и органы местного самоуправления", а "граждане участвуют в управлении делами государства путем участия в выборах референдумах, реализуя право свободно выбирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления". Именно из таких доводов можно согласиться с идеей о том, что принадлежность власти народу и реализация принадлежащей ему власти определяется как народовластие.

Е. Козлова и А. Кутафин утверждают, что "народный суверенитет неделим и может иметь только одного субъекта – народ... Это означает, российский народ не с кем власть не делит, и никто кроме него самого не может претендовать на власть..." [12]. Захват власти любым другим органом власти или субъектом считается уголовным преступлением, посягающим на внутренний суверенитет государства. Народ реализует свою власть непосредственно или чрез представителей – своих избранных. Вместе с тем, говоря о формах непосредственной демократии, к которым относятся выборы, референдумы, демонстрации, митинги, собрания граждан, народные законодательные и местные инициативы, консультативные опросы, и другие

формы участия населения в решении вопросов местного значения. То есть народ получает конституционное право и реально обеспеченную всей системой государственного права возможность реализовывать принадлежащую ему власть напрямую путем прямого участия в решении государственных дел и через избранных им представителей: депутатов Государственной Думы, парламентов субъектов РФ и депутатов муниципальных советов. При этом выборы следует отметить, что "выборы, являются формой непосредственной демократии, закрепленная в Конституции государства и избирательном законодательстве с целью формирования представительных органов государственной власти и местного самоуправления, их легитимации путем передачи властных полномочий от народа, избранных им представителям для осуществления публичных функций государства" [13].

Говоря о связи представительных институтов с процессом обеспечения народовластия и народного суверенитета, необходимо обратить внимание на тот факт, что представительные органы государственной власти формируются благодаря выборам как форме непосредственной демократии, подтверждают на практике идею народа как единственного источника власти.

Подводя итоги следует отметить, что использование понятия "народовластие" при исследовании теоретико-правовых основ принципа народного суверенитета должно рассматриваться как форма организации общественных отношений, в основу которой положен принцип народного суверенитета, подтверждаемый конституционным признанием народа единственным источником власти, верховенством прав и свобод человека гражданина, обеспечением равного и эффективного участия граждан в процессе государственного управления.

Во-вторых, конституционное провозглашение, признание и соблюдение государством принципа народного суверенитета всегда связано с формированием системы соответствующих правовых и политических институтов непосредственной демократии, позволяющих превратить народовластие из абстрактно-теоретического принципа в одну из базовых реалий общественной жизни.

Литература

1. Эсмен А. Общие основания конституционного права. СПб.: Тип. Б.М.Воль, 1898. 360 с.
2. Рейснер М.А. Основные черты представительства // Конституционное государство: Сборник статей. СПб.: Тип. Тов. «Общественная польза», 1905. С. 178. URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/56230#mode/inspect/page/192/zoom/4> (дата обращения: 10.11.2021 г.)
3. Декларация прав человека и гражданина (принята депутатами Генеральных штатов 24 августа 1789 года). URL: <http://cuf.spbu.ru/PDF/2016/doc2.pdf> (дата обращения: 10.11.2021 г.)
4. Скрипнюк А.А. Реализация принципа народного суверенитета в Украине: теоретико-правовой аспект. дис. ... канд. юрид. наук. 2015. С. 16 – 17.
5. Чичерин Б.Н. Философия права. СПб.: Наука, 1999. 656 с.
6. Алексеев С.С. Философия права. М.: Изд-во НОРМА, 1998. 336 с.
7. Атаманчук Г.В. Теория государственного управления: Курс лекций. М.: Изд-во ОМЕГА-Л, 2005. 584 с.
8. Будаев А.М. Реализация принципа народовластия в Российской Федерации: проблемы теории и практики. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-principa-narodovlastiya-v-rossiyskoy-federatsii-problemy-teorii-i-praktiki/viewer> (дата обращения: 11.11.2021 г.)
9. Юридическая энциклопедия. URL: https://yuridicheskaya-entsiklopediya.slovaronline.com/981-народный_суверенитет
10. Большой юридический словарь. URL: <https://rus-jur-terms.slovaronline.com/3929-НАРОДОВЛАСТИЕ> (дата обращения: 11.11.2021 г.)
11. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12. 2008 № 6-ФКЗ, от 30.12. 2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07. 2014 № 11-ФКЗ, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
12. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право Российской Федерации. URL: <https://bookree.org/reader?file=670706&pg=85> (дата обращения: 11.11.2021 г.)
13. Ямкова И.Н. Теоретико-правовой анализ формирования и функционирования избирательных систем // Современный ученый 2021. № 5. С. 281 – 286.

References

1. Esmen A. Obshchie osnovaniya konstitucionnogo prava. SPb.: Tip. B.M.Vol', 1898. 360 s.
2. Rejsner M.A. Osnovnye cherty predstavitel'stva. Konstitucionnoe gosudarstvo: Sbornik statej. SPb.: Tip. Tov. «Obshchestvennaya pol'za», 1905. S. 178. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/56230#mode/inspect/page/192/zoom/4> (data obrashcheniya: 10.11.2021 g.)
3. Deklaraciya prav cheloveka i grazhdanina (prinyata deputatami General'nyh shtatov 24 avgusta 1789 goda). URL: <http://cuf.spbu.ru/PDF/2016/doc2.pdf> (data obrashcheniya: 10.11.2021)
4. Skripnyuk A.A. Realizaciya principa narodnogo suvereniteta v Ukraine: teoretiko-pravovoj aspekt. dis. ... kand. yurid. nauk. 2015. S. 16 – 17.
5. CHicherin B.N. Filosofiya prava. SPb.: Nauka, 1999. 656 s.
6. Alekseev S.S. Filosofiya prava. M.: Izd-vo NORMA, 1998. 336 s.
7. Atamanchuk G.V. Teoriya gosudarstvennogo upravleniya: Kurs lekcij. M.: Izd-vo OMEGA-L, 2005. 584 s.
8. Budaev A.M. Realizaciya principa narodovlastiya v Rossijskoj Federacii: problemy teorii i praktiki. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-printsipa-narodovlastiya-v-rossijskoy-federatsii-problemy-teorii-i-praktiki/viewer> (data obrashcheniya: 11.11.2021)
9. Yuridicheskaya enciklopediya. URL: <https://yuridicheskaya-entsiklopediya.slovaronline.com/981-narodnyj-suverenitet>
10. Bol'shoj yuridicheskij slovar'. URL: <https://rus-jur-terms.slovaronline.com/3929-NARODOVLASTIE> (data obrashcheniya: 11.11.2021 g.)
11. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) (s uchetom popravok, vnesennyh Zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 30.12. 2008 № 6-FKZ, ot 30.12. 2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07. 2014 № 11-FKZ, s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020). Sobranie zakonodatel'stva RF. 2014. № 31. St. 4398.
12. Kozlova E.I., Kutafin O.E. Konstitucionnoe pravo Rossijskoj Federacii. URL: <https://bookree.org/reader?file=670706&pg=85> (data obrashcheniya: 11.11.2021)
13. Yamkovaya I.N. Teoretiko-pravovoj analiz formirovaniya i funkcionirovaniya izbiratel'nyh sistem. Sovremennyy uchenyj 2021. № 5. S. 281 – 286.

**САМОЗАЩИТА КАК ЭЛЕМЕНТ МЕХАНИЗМА РЕАЛИЗАЦИИ
И ЗАЩИТЫ ТРУДОВЫХ ПРАВ В СИСТЕМЕ ЧАСТНЫХ
ПРАВООТНОШЕНИЙ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ**

**Барышников М.Ю., кандидат юридических наук, доцент,
Институт сервисных технологий,
Российский государственный университет туризма и сервиса**

***Аннотация:** статье проанализировано понятие самозащиты как элемента механизма реализации и защиты трудовых прав в системе частных правоотношений Российской Федерации. Выявлено, что самозащита в трудовых правоотношениях является новеллой законодательства как многих зарубежных стран, так и России. Автором выявлено понятие самозащиты как элемента механизма реализации и формы защиты трудовых прав, согласно которому работник имеет возможность правомерно повлиять на работодателя без обращения за помощью к судебным, государственным или иным компетентным органам. Проведен анализ самозащиты в законодательных актах Российской Федерации, а также зарубежных государств. В частности, на примере Соединенных Штатов Америки, Канады, Азербайджанской Республики, Республики Беларусь, Китая, Литовской Республики было выявлено, что в трудовых кодексах отдельных зарубежных стран признан только один способ самозащиты работников – отказ от выполнения трудовых обязанностей. Положительной особенностью законодательной конструкции процедуры самозащиты в зарубежных нормативно-правовых актах является четкий перечень случаев, в которых работник с целью самозащиты имеет право отказаться от выполнения работы. Обоснован вывод о том, что при реализации права на самозащиту в системе частных правоотношений каждый работник сталкивается с вопросом оснований применения самозащиты, ее границ и условий. Детальная регламентация осуществления права на самозащиту с имплементацией зарубежного опыта будет защищать законные интересы как работников, так и работодателей.*

***Ключевые слова:** самозащита, трудовые права, защита трудовых прав, частные правоотношения, работник*

**SELF-DEFENSE AS AN ELEMENT OF THE MECHANISM FOR THE
IMPLEMENTATION AND PROTECTION OF LABOR RIGHTS IN THE SYSTEM
OF PRIVATE LEGAL RELATIONS OF RUSSIA AND FOREIGN STATES**

**Baryshnikov M.Yu., Candidate of Juridical
Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Institute of Service Technologies,
Russian State University of Tourism and Service**

***Abstract:** the article analyzes the concept of self-defense as an element of the mechanism for the implementation and protection of labor rights in the system of private legal relations of the Russian Federation. It is revealed that self-defense in labor relations is a novelty in the legislation of both many foreign countries and Russia. The author reveals the concept of self-defense as an element of the mechanism for the implementation and form of protection of labor rights, according to which an employee has the opportunity to lawfully influence an employer without seeking help from judicial, state or other competent authorities. The analysis of self-defense in the legislative acts of the Russian Federation, as well as foreign states, is carried out. In particular, using the example of the United States of America, Canada, the Republic of Azerbaijan, the Republic of Belarus, China, and the Republic of Lithuania, it was revealed that in the labor codes of certain foreign countries, only one way of self-defense of employees is recognized – refusal to perform labor duties. A positive feature of the legislative structure of the self-defense procedure in foreign normative legal acts is a clear list of cases in which an employee has the right to refuse to perform work for the purpose of self-defense. The conclusion is substantiated that when exercising the right to self-defense in the system of private legal relations, each employee is faced with the question of the grounds for the use of self-defense, its boundaries and conditions. Detailed regulation of the exercise of the right to self-defense with the implementation of foreign experience will protect the legitimate interests of both employees and employers.*

***Keywords:** self-defense, labor rights, protection of labor rights, private legal relations, employee*

Введение

Современное общество представляет собой довольно сложное явление. Упорядочивать его жизнь разнообразными средствами признаны различные институты, однако все больше в современном мире говорят о правовом регулировании отношений, о создании действенного механизма охраны и защиты прав человека и самого общества. Происходящие процессы требуют от ученых понимания, что в условиях формирования гражданского общества, где должна уважаться личность, защищаться его законные права и интересы, где отказываются от прямых предписаний в регулировании отношений в частной сфере, должны быть сформированы действенные механизмы влияния на неправомерное поведение участников правоотношений.

В сложившихся условиях развития и функционирования общества необходимостью является создание целостного механизма правовой защиты, с помощью которого обеспечивается восстановление нарушенных субъективных прав, защита законных интересов, устранение любых препятствий в их реализации. Выполнение целей по формированию правового государства, постепенное развитие гражданского общества существенно повысит уровень защиты нарушенных прав. При этом, учитывая необходимость дальнейшего совершенствования законодательной базы, интерес представляют любые вопросы, связанные с самозащитой, в том числе и исследования способов, которые в научной литературе называют внесудебной защитой гражданских прав.

Самозащита является крайне актуальным явлением для отечественной доктрины по следующим причинам: роль и значение самозащиты значительно недооценивались, а самым эффективным способом защиты гражданских прав и законных интересов участников правоотношений считалась судебная защита; способы самозащиты рассматривались исключительно как средства для противодействия фактическим нарушениям. Однако именно самозащита признана элементом механизма реализации и защиты трудовых прав в системе частных правоотношений, является действенной гарантией противодействия посягательству на субъективные права и законные интересы человека.

Основная часть

Право на труд является неотъемлемым правом человека, без которого невозможно представить существование ни в физическом, ни в социальном плане. Поэтому защита этого права должна занимать одно из приоритетных мест в перечне целей государственной политики. Так, статья 37 Конституции Российской Федерации провозглашает, что каждый имеет право на труд, предусматривающий возможность зарабатывать себе на жизнь трудом, на который лицо свободно соглашается или выбирает [7]. Также перечислены права на надлежащие, безопасные и здоровые условия труда, его оплату, отдых. Однако, если трудовые права не имеют права надлежащей защиты или в принципе не защищены, их сложно назвать «правами» – в таком случае они превращаются только в задекларированные пожелания.

Несмотря на конституционное закрепление права каждого лица любыми, не запрещенными законом, средствами защищать свои права и свободы от нарушений и противоправных посягательств, государство не может предсказать и предотвратить каждое отдельное неправомерное поведение. Такая ситуация вызывает необходимость обеспечения независимости защиты прав и интересов, реализации соответствующего права на защиту личности от различных внешних факторов.

Одной из неюрисдикционной формой защиты трудовых прав и интересов работников является самозащита. Согласно статье 379 Трудового кодекса Российской Федерации, в целях самозащиты трудовых прав работник может отказаться от выполнения работы, не предусмотренной трудовым договором, а также отказаться от выполнения работы, которая непосредственно угрожает его жизни и здоровью [12].

Исследование института самозащиты трудовых прав целесообразно осуществлять в направлении поиска ответов на следующие вопросы: самозащита является формой или способом защиты, каково определение понятия самозащиты трудовых прав.

Самозащита является специфическим явлением, так как правомерность ее границ не имеет четкого законодательного закрепления, она оперативна в осуществлении, имеет упрощенный механизм защиты, у нее отсутствует обязательная процедура, что требует ее выделения из общей ряда форм защиты.

Понимание концептуальной основы самозащиты должно происходить через широкий теоретический взгляд, ведь указанное выше не отражает возможности осуществления самозащиты как превентивной меры и интересов, которые подвергаются посягательству со стороны нарушителя.

Так, в теории права под самозащитой понимают необходимую оборону и крайнюю необходимость. Некоторые исследователи относят к самозащите самоуправство. В частности, Е.В. Витман определяет самоуправство как самостоятельное осуществление гражданином защиты или восстановления нарушенного или такого, что находится под угрозой права, принадлежащего гражданину или третьим лицам без обращения в государственные органы [2, с. 179].

Существуют следующие научные подходы к толкованию понятия самозащиты как элемента механизма реализации и защиты трудовых прав в системе частных правоотношений:

1) совершение уполномоченным лицом дозволенных законом действий фактического порядка, направленных на охрану его субъективных прав и законных интересов [5, с. 116];

2) право самостоятельно, индивидуально или коллективно защищать свои права, свободы и интересы правомерными средствами, способами и методами или такими, которые не запрещены действующим международным и национальным законодательством [3, с. 11];

3) особая форма защиты, специфика которой выражается в том, что субъект права непосредственно своими действиями должен защищать нарушенное право [1, с. 87].

Исходя из вышеуказанных позиций, можно сделать вывод, что правовая природа самозащиты состоит в активных действиях лица, которое обеспечивает защиту своих прав в рамках закона, определяя способы и формы самозащиты без участия в данном процессе компетентных органов.

Предметом самозащиты являются субъективные гражданские права и охраняемые законом интересы. Понятия право и интерес по своей сути очень близки, вместе с тем они имеют отличительные признаки. Субъективные гражданские права могут включать такие интересы, которые ими не опосредуются, а существуют отдельно от прав и как таковые подлежат защите в случае их нарушения. В свою очередь, защита охраняемого интереса имеет место и тогда, когда в результате именно право прекращается или ограничивается [4, с. 35].

Самозащита и содержание права, которое нарушено или может быть нарушено, а также последствия, вызванные нарушением, как признак самозащиты связываются с избранием надлежащих способов противодействия. Противодействие, которое составляет самозащиту, в этом ключе принимает родовые признаки защиты, в связи с чем может быть связано с достижением хотя бы одной цели защиты – устранение угрозы нарушения, его прекращение или ликвидация последствий нарушения прав и законных интересов. В связи с этим использование способа, который не способен достичь поставленной цели, нельзя рассматривать как самозащиту в целом. Возможность обжалования самозащиты подчеркивает различия между частноправовым и государственным принуждением. Частноправовое принуждение не наделено признаком окончательности.

На государстве лежит ответственность по гарантированию и обеспечению прав человека, однако такие гарантии не исключают возможности граждан предпринимать активные самостоятельные действия для защиты субъективных прав и законных интересов. Стоит отметить, что отсутствие исчерпывающего перечня способов самозащиты является преимуществом для граждан, так как действия, формы и способы самозащиты должны определяться самим защищающимся лицом соразмерно нарушенным правам и интересам. Данный подход законодателя к конструкции правовой нормы о самозащите расширяет возможности лица, подвергшегося нарушению прав, что позволяет проявлять инициативу и применять различные способы отстаивания справедливости в возникшей ситуации. Таким образом, граждане самостоятельно и индивидуально, исходя из конкретной жизненной ситуации, выбирают наиболее правильный, эффективный и оптимальный путь применения собственной правовой активности.

Самозащита является достаточно новым институтом в российском законодательном пространстве, однако распространен среди международного сообщества и на опыте других стран доказал свою эффективность и необходимость в регулировании трудовой сферы.

Так, в США действует национальный акт о трудовых отношениях работника и работодателя «National labor relations act», в котором закреплено право работника на индивидуальную защиту своих интересов. Работник может самостоятельно осуществлять защиту своих трудовых прав, но только при условии, что это предусмотрено в коллективном договоре [14].

В законодательстве Азербайджана также закреплено право на самозащиту, под которым понимается полный либо частичный отказ лица от выполнения трудовой функции с целью разрешения возникшего трудового спора [9].

В Канаде институт самозащиты реализуется в полной мере, поскольку существует пошаговая инструкция, которая регламентирует порядок осуществления самостоятельной защиты работниками своих трудовых прав. Следует отметить, что способ начала самозащиты – подача работником требования к работодателю касательно возникшего спорного вопроса. При этом вместе с указанным требованием подается уведомление о намерении осуществить самозащиту [13].

Самозащита работниками трудовых прав содержится и в Трудовом кодексе Республики Беларусь. Так, например, в п. 6 ч. 1 ст. 222 ТК закреплена возможность для работника отказаться от выполнения порученной работы, если появилась непосредственная опасность для его жизни и здоровья, а также в случае непредоставления средств индивидуальной защиты [11].

В соответствии со ст. 37 ТК Литовской Республики самозащита трудовых прав допускается только в виде отказа работника выполнять работу. А именно, работники имеют право отказаться работать, если существует опасность для безопасности и здоровья работников, а также выполнять те работы, безопасному выполнению которых они не обучены или не обеспечены необходимыми средствами индивидуальной защиты [10].

Следует также рассмотреть ст. 32 Закона КНР «О трудовом договоре», в котором предусматривается форма самозащиты работником своих трудовых прав в виде отказа работника от выполнения работы при нарушении системы правил внутреннего распорядка или в опасных для жизни и здоровья условиях [6].

Сущность правового регулирования самозащиты трудовых прав в зарубежных государствах заключается в том, чтобы защитить субъективные права и законные интересы работника. В случае, когда работодатель задерживает выплату заработной платы, предусмотрена уголовная ответственность для него. Однако, ее наступлению с одновременным вынесением решения суда о принудительном погашении задолженности по заработной плате в современных условиях на практике может быть достаточно сильно удалено во времени. В таком случае работник оказывается в условиях, когда он продолжает работать, но средств за отработанные дни он не получил. Работодатель же оказывается в достаточно выгодных условиях: он не оплачивает работу сотрудника, но при этом и не теряет прибыли, поскольку работник продолжает трудиться. В данном случае временная приостановка работы с требованием оплаты работнику может действительно быть реальным способом самозащиты и защиты конституционного трудового права работника на заработную плату, а также это будет санкция для работодателя.

Таким образом государство может осуществить заботу о работнике, проявить гуманность и засвидетельствовать природу права как высшего регулятора общественных отношений. В то же время следует отметить, что применение такой меры самозащиты требует его детальной регламентации для предупреждения случаев злоупотребления им.

Итак, в трудовых кодексах отдельных зарубежных стран признан лишь один способ самозащиты работников – отказ от выполнения трудовых обязанностей, где четко закреплены случаи, в которых работник с целью самозащиты вправе отказаться от выполнения работы (трудовое законодательство КНР устанавливает обязательное предварительное разрешение трудового спора посредством примирительных процедур).

Заключение

Самозащитой признаются самостоятельные действия работников для защиты нарушенных прав и интересов с помощью способов, не запрещенных законодательством. Работник может реализовать свое право самозащиты, используя различные способы по своему усмотрению. Однако существует одно ограничение со стороны законодательства – такие способы и формы должны выбираться в пределах самозащиты и быть разрешены законом. Также следует соблюдать принципы адекватного способа самозащиты, всесторонности и полноты защиты, возможности достижения целей самозащиты при использовании выбранного способа лицом, права которого были нарушены. Способы самозащиты должны быть соразмерны совершенному нарушению и осуществляться в пределах необходимых действий для пресечения нарушения. Использование права самозащиты не исключает возможности гражданина обращения в государственные или иные компетентные органы для получения защиты в случае, когда способы самозащиты оказались неэффективными.

Конституционное и законодательное закрепление основных прав, свобод и интересов гражданина является одной из гарантий, однако в некоторых ситуациях этого недостаточно для реализации указанных прав. Существует объективная потребность в развитии правового поведения, социальной ценности активных действий и осознание социального вреда при невыполнении или ненадлежащем выполнении правовой обязанности. В таких условиях актуализируется проблема обеспечения прав, свобод и интересов граждан, в особенности неотъемлемых и защищенных на конституциональном уровне. Таким образом, институт самозащиты нуждается в значительной доработке уже существующих норм с помощью зарубежного опыта, а также создания качественного механизма реализации права на самозащиту работниками с последующим его закреплением в трудовом законодательстве. Действенным представляется опыт Канады, когда лицом производится подача требования к работодателю касаясь возникшего спорного вопроса, а вместе с указанным требованием подается уведомление о намерении осуществить самозащиту. Вместе с тем законодательная конструкция КНР также может быть внедрена в национальные нормативно-правовые акты, а именно положение об обязательном предварительном разрешении трудового спора посредством примирительных процедур и/или арбитража. Данные нововведения позволят институту самозащиты в России стать более эффективным с помощью дополнительной гарантии в виде примирительной процедуры. В свою очередь, уведомление работодателя о намерении начать процесс самозащиты позволит прекратить нарушение на начальном этапе, таким образом став превентивной мерой в институте самозащиты.

Литература

1. Баранов В.М. Гражданская самозащита в правозащитной системе государства // Социология и право. 2011. № 1 (7). С. 86 –102.
2. Витман Е.В. Разграничение самоуправства и самозащиты права // Юридические науки. 2006. № 2. С. 178 – 184.
3. Глущенко П.П. Правовая самооборона (проблемы социально-правовой защиты прав, свобод и интересов граждан). СПб., 1999. 403 с.
4. Горбачева С.В. Самозащита прав по российскому законодательству: дис... канд. юрид. наук: 12.00.01. Н. Новгород, 2005. 199 с.
5. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000. 411 с.
6. Закон КНР «О трудовом договоре» от 01.01.2008 (принят на 28-ом заседании Постоянного комитета ВСНП 10-го созыва) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://chinalaw.center/labour_law/china_labour_contract_law_revised_2012_russian (дата обращения: 05.10.2021)
7. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 27.09.2021)
8. Курбанов Р.А. Трудовое право: учебник для вузов. М.: Изд-во Юрайт, 2021. 332 с.
9. Трудовой Кодекс Азербайджанской республики: утвержден Законом Азербайджанской Республики от 01.01.1999 №618-П // Сборник законодательных актов Азербайджанской Республики. 10.01.1999. №4. ст. 213.
10. Трудовой Кодекс Литовской Республики: утвержден Законом Литовской Республики от 14.09.2016 № XII-2603. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/77e984b2340a11e8a149e8cfbedd2503?jfwid=i3h7wcfg0> (дата обращения: 29.09.2021)
11. Трудовой кодекс Республики Беларусь: утвержден Законом РБ от 26.07.1999 № 296-3 // Национальный реестр правовых актов РБ. 30.07.1999. №80. ст. 2/70.
12. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021) // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1. ст. 3.
13. Canada Labour Code: R.S.C, 1985. URL: <https://www.canlii.org/en/ca/laws/stat/rsc-1985-c-1-2/latest/> (date of application: 05/10/2021)
14. United States. National Labor Relations Board. Rules and Regulations and Statements of Procedure: National Labor Relations Act and Labor Management Relations Act. Washington: U.S. Government Printing Office, 1996. URL: <https://www.nlr.gov/guidance/key-reference-materials/ley-de-relaciones-obrero-patronales> (date of application: 01/10/2021)

References

1. Baranov V.M. Grazhdanskaya samozashchita v pravozashchitnoj sisteme gosudarstva. Sociologiya i pravo. 2011. № 1(7). S. 86 –102.
2. Vitman E.V. Razgranichenie samoupravstva i samozashchity prava. Yuridicheskie nauki. 2006. № 2. S. 178 – 184.
3. Glushchenko P.P. Pravovaya samooborona (problemy social'no-pravovoj zashchity prav, svobod i interesov grazhdan). SPb., 1999. 403 s.
4. Gorbacheva S.V. Samozashchita prav po rossijskomu zakonodatel'stvu: dis... kand. yurid. nauk: 12.00.01. N. Novgorod, 2005. 199 s.
5. Gribanov V.P. Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskih prav. M.: Statut, 2000. 411 s.
6. Zakon KNR «O trudovom dogovore» ot 01.01.2008 (prinyat na 28-om zasedanii Postoyannogo komiteta VSNP 10-go sozyva) [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://chinalaw.center/labour_law/china_labour_contract_law_revised_2012_russian (data obrashcheniya: 05.10.2021)
7. Konstituciya Rossijskoj Federacii. Prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 (s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (data obrashcheniya: 27.09.2021)
8. Kurbanov R.A. Trudovoe pravo: uchebnik dlya vuzov. M.: Izd-vo Yurajt, 2021. 332 s.
9. Trudovoj Kodeks Azerbajdzhanskoj respubliky: utverzhden Zakonom Azerbajdzhanskoj Respubliki ot 01.01.1999 №618-IG. Sbornik zakonodatel'nyh aktov Azerbajdzhanskoj Respubliki. 10.01.1999. №4. st. 213.

10. Trudovoj Kodeks Litovskoj Respubliki: utverzhden Zakonom Litovskoj Respubliki ot 14.09.2016 № XII-2603. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/77e984b2340a11e8a149e8cfbedd2503?jfwid=i3h7wcfg0> (data obrashcheniya: 29.09.2021)
11. Trudovoj kodeks Respubliki Belarus': utverzhden Zakonom RB ot 26.07.1999 № 296-Z. Nacional'nyj reestr pravovyh aktov RB. 30.07.1999. №80. st. 2/70.
12. Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii ot 30.12.2001 № 197-FZ (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.09.2021). Sobranie zakonodatel'stva RF. 07.01.2002. № 1. st. 3.
13. Canada Labour Code: R.S.C, 1985. URL: <https://www.canlii.org/en/ca/laws/stat/rsc-1985-c-1-2/latest/> (date of application: 05/10/2021)
14. United States. National Labor Relations Board. Rules and Regulations and Statements of Procedure: National Labor Relations Act and Labor Management Relations Act. Washington: U.S. Government Printing Office, 1996. URL: <https://www.nlr.gov/guidance/key-reference-materials/ley-de-relaciones-obrero-patronales> (date of application: 01/10/2021)

**АВТОНОМИЯ ВОЛИ КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ КОЛЛИЗИОННО-ПРАВОВОЙ
СВОБОДЫ УЧАСТНИКОВ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ**

**Васяев А.А., кандидат юридических наук, доцент, докторант,
Московский экономический институт,
Московский государственный юридический
университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)**

***Аннотация:** в данной статье рассматривается правовой принцип автономии воли как средства выражения коллизионно-правовой свободы участников внешнеэкономической деятельности в рамках международного частного права. По мнению автора, сферу автономии сторон как коллизионную норму, равно как и содержательную сферу действия, можно охарактеризовать в положительном и отрицательном смысле: в первом случае определяется объем применения автономии сторон, а во втором – ограничение устава автономии сторон. Установлено, что в международном частном праве понятия автономии свободы и свободы воли тождественны, поэтому термин «свобода» можно использовать в словосочетаниях: «свобода договора (соглашения)», «коллизионно-правовая и материально-правовая свобода». По мнению автора, автономию воли следует считать не только коллизионным принципом, но и коллизионной нормой лишь в том случае, если данная норма обладает привязкой и объемом. Важно оговориться при этом, что автономия воли не является структурной составляющей односторонней коллизионной нормы.*

***Ключевые слова:** договорные отношения, принцип автономии воли, коллизионно-правовая свобода, международное частное право*

**AUTONOMY OF WILL AS A WAY OF EXPRESSING THE CONFLICT
OF LAW FREEDOM OF THE PARTIES TO CONTRACTUAL
RELATIONS IN PRIVATE INTERNATIONAL LAW**

**Vasyaev A.A., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.),
Associate Professor, Doctoral Candidate,
Moscow Economic Institute,
Moscow State Law University named after O.E. Kutafin
(Moscow State Law Academy)**

***Abstract:** this article examines the legal principle of autonomy of will as a means of expressing the conflict of law freedom of participants in foreign economic activity within the framework of private international law. According to the author, the scope of the parties' autonomy as a conflict of laws rule, as well as the substantive scope of action, can be characterized in positive and negative senses: in the first case, the scope of application of the parties' autonomy is determined, and in the second – the limitation of the statute of the parties' autonomy. It has been established that in private international law the concepts of autonomy of freedom and freedom of will are identical, therefore the term “freedom” can be used in phrases: “freedom of contract (agreement)”, “conflict of laws and substantive freedom”. According to the author, autonomy of will should be considered not only a conflict of laws principle, but also a conflict of laws rule only if this rule has a binding and volume. It is important to make a reservation at the same time that the autonomy of will is not a structural component of a unilateral conflict of laws rule.*

***Keywords:** contractual relations, the principle of autonomy of will, conflict-of-law freedom, international private law*

Понятие автономии воли выступает одной из важнейших категорий международного частного права (далее по тексту – МЧП), которая отражает диспозитивный характер коллизионной нормы, а также максимальную свободу сторон в ходе выбора ими своей позиции при взаимодействии (в том числе в рамках закона). Современное право предполагает действенность принципа автономии воли, которая является ключевым элементом национальных правовых структур и охватывает все трансграничные частнопроводные отношения: наследственные и брачно-семейные, договорные и внедоговорные.

Автономия воли, прежде чем занять место одного из ключевых принципов международного частного права, прошла долгий исторический путь развития таких философских идей как «свобода», «воля», «автономия». Автономия воли – это самозаконность воли. Отличить автономию воли от «свободы воли», «свободы договора» невозможно. При этом понятие автономии воли и соглашения в философском смысле яв-

ляются однородными, при том что эти институты в международном частном праве имеют свои специфические черты.

Различные философы и философские течения являются сторонниками собственных представлений, которые, как правило, не только оригинальны, но и противоположны. В результате исследования различных философских воззрений и теорий нам удалось найти корреляцию между позитивистским и естественным представлением об автономии воли. Такой связью является теория «двойного признания». Само понятие признания берет свое начало из учений И. Канта, поэтому проблема автономии свободы прошла три этапа развития: докантовский, кантовский и послекантовский период [5, с. 320]. Если свободу воли, в форме, предложенной И. Кантом, воспринять как один полюс, а религиозный детерминизм Средневековья или сциентистский детерминизм воли Нового времени – как другой полюс, то в XIX и последующих столетиях на этом последнем полюсе находится философия позитивизма.

История развития принципа автономии воли основывается на следующей периодизации: предыстория (XIV, XV вв. ст.); первый период – возникновение психолого-эмпирического принципа автономии воли, Дюмулен (XVI в.); второй период – рационалистическое дополнение принципа автономии воли (принцип более тесной связи), Савиньи (XVII – первая половина XIX в.); третий современный период – позитивистское завершение оформления принципа автономии воли, «этатистские» и «автономистские» концепции автономии воли (вторая половина XIX – XXI вв.).

В большинстве государств национальное регулирование автономии воли сторон обозначается термином «право», под которым подразумевается система принципов и норм, применяющихся в определенном государстве [6, с. 142-152]. Проблема автономии воли, как она традиционно обозначается в российской коллизионной доктрине, имеет сходную философскую основу и решает аналогичные практические задачи, что в России, что во Франции, что в Германии, что в Англии, или какой-либо другой стране. Однако при этом используются разные термины, которые носят случайный исторический характер: рос. – «автономия воли», «выбор права сторонами контракта», франц. – «*autonomie de la volonté*» («автономия воли»), нем. – «*Privatautonomie*» («частная автономия»), «*freie Rechtswahl*» («свободный выбор права»), «*Parteiautonomie*» («автономия сторон»), англ. – «*party autonomy*» («автономия сторон»), «*choice of law*» («выбор права»).

У правоведов, специализирующихся на международном частном праве, нет общего мнения об институциональной природе понятия автономии воли. Высказываются самые разные суждения о сути и правовом статусе этого института. Прежде всего отметим суть автономии воли как метода закрепления собственно коллизионного принципа – базового понятия в системе международных договоров [3, с. 94-100]. По мнению ряда ученых, автономия воли есть суть коллизионная норма [8, с. 212-213], в то время как другие исследователи считают автономию воли самостоятельным, автономным методом правового регулирования [7, с. 76-88], и более того – такие авторы как Д.П. Стригунова [13, с. 136] и Н.В. Тригубович [15, с. 656] относят данную категорию к числу важнейших принципов международного частного права.

Понятие автономии воли в рамках международного частного права в современной российской науке и практике используется достаточно широко. Соответствующие положения содержатся, в частности, в разделе XII – «Международное частное право» – Гражданского кодекса РФ. Как прописано в российском законодательстве, обе стороны договора по обоюдному согласию вправе в процессе заключения соглашения выбрать ту или иную юрисдикцию, в рамках которой их права и обязанности будут регулироваться. Причем принцип автономии достаточно универсален – он является базовым для любого рода договорных отношений в международном праве, например при купле-продаже товаров и услуг в международных договорах поставок, и др., с учетом специфики разных сфер международного частного права.

По мнению автора, в международном частном праве понятия автономии свободы и свободы воли тождественны, поэтому термин «автономия» употребляется в оборотах «автономия свободы», «частная автономия», «автономия сторон», а термин «свобода» можно использовать в словосочетаниях: «свобода договора (соглашения)», «коллизионно-правовая и материально-правовая свобода». Можно также говорить о «процессуально-правовой свободе», если речь идет о выборе сторонами определения компетенции соответствующего суда или арбитража. Для П. Манчини понятия свободы означает свободу «договаривающихся сторон выбирать закон, который должен регулировать их договор» [2, с. 703], в том числе возможность ориентироваться на национальное законодательство собственной страны, помимо правовых норм иностранного государства [12, с. 214-228].

Международное частное право, решая проблему автономии воли, ориентировано главным образом на позитивистскую доктрину, что является, на наш взгляд, существенным недостатком. Исправить его можно, если учитывать историю автономии воли, в которой помимо позитивистского периода существует еще психолого-эмпирический и особенно рационалистический периоды. Таким учетом является конструкция двойного признания: с одной стороны – позитивистского признания, а с другой – либо общего (Дюмулен),

либо разумного признания (Савинье). Схема данной конструкции выражается не только лишь старой формулой *voluntas alia justa*, да и новой – *voluntas et justa*, другими словами, и воля и правопорядок являются исходными точками для взаимопризнания. Французский правовед Ф. Лоран в свое время констатировал, что «Воля сторон – это все: воля творит право, определяет закон, регулирующий правоотношение» [16, р. 381].

С точки зрения содержания нормы автономии воли в разных странах, а также в международных коллизионных конвенциях они могут быть сформулированы, во-первых, в положительной или отрицательной формах – норма формулируется как коллизионная норма-принцип, либо формулируются исключения из объема применения этой нормы; во-вторых, автономия воли может быть сформулирована как коллизионная норма-принцип *lex voluntadis* или как двусторонняя коллизионная норма с привязкой *lex voluntadis*; в-третьих, автономия воли может быть определена либо открыто, либо скрыто (латентно), что требует соответствующего грамматического или логико-систематического толкования. Как полагает Д.К. Мосс, категория автономии воли должна мыслиться не только как атрибут коллизионного права, но и как метод урегулирования отношений с иностранным элементом [10, с. 84]. Аналогичные взгляды высказывают и отечественные исследователи, В.Л. Толстых [14, с. 526] и В.А. Канашевский [4, с. 698], которые относят автономии воли к одному из видов коллизионных норм.

В целом можно утверждать, что общей тенденцией современного международного частного права является полноценное признание автономии воли, то есть переход от непризнания: в частности, в некоторых странах Латинской Америки – к повсеместному признанию свободного выбора права как способа выражения коллизионно-правовой свободы.

В большинстве правопорядков мира, в том числе российском, *lex voluntatis* сохраняет свой статус *lex generalis* применительно к вопросам договорного права уже много лет [11, с. 43-44]. В частности, в России данная тенденция развития современного международного частного права о переходе от непризнания к признанию автономии свободы нашла свою легитимацию в законе «О международном частном праве», в котором определены два типа норм – коллизионная норма-принцип автономии свободы (*lex voluntatis* в широком смысле) и коллизионная привязка автономии воли (*lex voluntadis* в узком смысле) двусторонней коллизионной нормы, что соотносится с иными нормами, регулирующими степень автономии воли либо или ее границы. Применение автономии воли облегчится, если на основе теории и методологии права, а также анализа действующего коллизионного законодательства предложить способ определения условной (гипотетической, логической) коллизионной нормы об автономии воли. Норма закона об автономии воли является сложной, т.е. только логичным путем или посредством интерпретации всего закона можно установить содержание условной (гипотетической) коллизионной нормы об автономии воли.

Таким образом, сферу автономии сторон как коллизионная норма, равно как и содержательную сферу действия, можно охарактеризовать в положительном и отрицательном смысле: в первом случае определяется объем применения автономии сторон, а во втором – ограничение устава автономии сторон.

По нашему мнению, автономия воли может считаться не только коллизионным принципом, но и коллизионной нормой только тогда, когда в этой норме имеется объем и привязка. Важной оговоркой при этом служит утверждение о том, что автономия воли не является структурной составляющей односторонней коллизионной нормы. Установление прежде всего объема этой коллизионной нормы, независимо от того, насколько объем определен, можно осуществить с помощью понятия условной (гипотетической) правовой нормы. Это в редких случаях касается и определения привязки *lex voluntadis*.

Определив объем и привязку коллизионной нормы автономии воли, можно должным образом осуществить правовую квалификацию ситуации, когда возникает потребность у сторон избрать право, наиболее удачно и эффективно регулировавшее их отношения с иностранным элементом. Таким образом, свободный выбор права является конечной целью применения коллизионной нормы автономии воли.

Согласно представлению о коллизионно-правовых подходах к автономии воли собственно коллизионно-правовой статус возможности выбора юрисдикции обусловлен наличием в том или ином правовом соглашении иностранного элемента. Вместе с тем, четкое толкование понятия «иностраный элемент» в нормах международного частного права отсутствует. Как правило, правоведы говорят о наличии иностранного элемента при взаимодействии в гражданско-правовом поле в следующих ситуациях: 1) когда иностранный гражданин или иностранное юридическое лицо является субъектом правовых отношений; 2) когда объектом отношения служит вещь, находящаяся за границей; 3) когда юридический факт, ставший причиной возникновения или прекращения правоотношения, имел место за границей [9, с. 383].

Очевидно, что такого рода трактовка слишком неопределенная, чтобы отнести это понятие к сфере международного частного права. Как полагает Л.П. Ануфриева, в ситуации, когда гражданин иностранного государства осуществляет сделку на территории другого государства, его действия нельзя классифициро-

вать как совершенные в рамках международного частного права, они будут автоматически отнесены к юрисдикции общего гражданского права [1, с. 644].

Автономию свободы как соглашение о выборе права, по сути, можно избрать как одно из условий основного соглашения, например в разделе «пророгационная (арбитражная) оговорка», либо при заключении пророгационного (арбитражного) соглашения, а также в виде отдельного договора. При этом письменная форма соглашения о выборе юрисдикции в международной практике не является общеобязательной, что означает, что она может быть и устной, однако последняя в силу своей вербальной природы лишена четкого правового статуса. Последнее, однако, не противоречит тому, что выбор права в ситуации с участием российского участника, тем не менее, может быть определен на основании молчаливого волеизъявления и конклюдентных действий сторон.

Способы применения автономии свободы можно сначала разделить на две разновидности: прямой и косвенный выбор права. Прямой выбор права, в свою очередь, делится на категоричный и конклюдентный. Конклюдентный в широком смысле выбор включает в себя молчаливый и конклюдентный – в узком смысле выбор права. Косвенный выбор – это ни что иное как конкуренция коллизионных привязок. С оговоркой конклюдентный и косвенный выбор права совпадает с принципом более тесной связи – в обоих случаях суд ищет и обосновывает разумность выбора права. Принцип более тесной связи, иными словами, является оптимальным выбором права.

Потенциальную проблему признания действительности соглашения о свободном выборе права лучше и целесообразнее определять по праву, которое стороны сами избрали. В таком случае проблему действительности выбора права можно выделить по аналогии с проблемой «компетенции компетенций» в международном коммерческом арбитраже – «выбором права».

Границы применения свободного выбора права имеют разные очертания в тех или иных областях материального гражданского права, однако принципиальная допустимость автономии сторон является характерным признаком для всего международного частного права, за единственным исключением вопроса о личном уставе, в котором автономия воли, как правило, не признается.

Классической областью применения автономии сторон в международном частном праве является обязательственное право. В обязательственном праве автономия сторон чаще всего встречается в праве договоров, для которого характерен принцип свободы договора (частная автономия), что является выражением материально-правовой свободы. Коллизионно-правовая свобода является дополнением первой разновидности свободы. В свою очередь, автономия воли может применяться и вне рамок как договорного, так и обязательственного права в целом.

В современной литературе констатируется тенденция все больше учитывать возможность использования национальным законодателем принципа автономии сторон вне обязательственного права. Признание автономии правопорядком является необходимым условием для осуществления ее сторонами в конкретном виде правоотношения. Выбор права сторонами договора, усложненного иностранным элементом, касается только вопросов взаимных отношений сторон договора, т.е. обязательственного устава сделки, и не касается третьих лиц и публичных институтов.

Как в национальном, так и в ненациональном правопорядке можно осуществить выбор не только материальных, но и, с оговоркой, коллизионных норм. Выбор процессуальных норм, обычно доктриной, нормативными источниками и практикой не признается. Нормальным случаем автономии сторон является свободный выбор частного права, в т.ч. коллизионного, аномального – выбор права публичного, в т.ч., с оговоркой, процессуального права.

Таким образом, учитывая тот факт, что в коллизионной доктрине отсутствует господствующее мнение относительно исчерпывающего перечня источников *lex mercatoria* и согласованной их характеристики, можно сделать вывод о том, что непризнание определенного источника *lex mercatoria* не лишает права сторон выбрать его для применения к договору, руководствуясь при этом не только принципом автономии сторон, но и принципом частной автономии (принципом свободы договора). Зависимость осуществления автономии свободы путем выбора *lex mercatoria* от признания его государством является доказательством общего приоритета национального права над *lex mercatoria*.

Свободный выбор права является формой отсылки, предметом которой могут быть три типа норм – материальные, коллизионные и, как исключение, процессуальные – национального и международного правопорядка. Предмет такой отсылки включает и *lex mercatoria*. Определение в целом предмета отсылки является определением круга правопорядков, между которыми возможен выбор права.

Следовательно, выбор права сторонами договора, усложненного иностранным элементом, касается только вопросов взаимных отношений сторон договора – обязательственного устава сделки. При этом форма и действительность соглашения о выборе права определяются правом, которым регулируется основ-

ной договор – за избранным сторонами правом на основе принципа «выбор выбора права». Функционирование *lex mercatoria* в значительной степени зависит от признания его государством, поэтому национальное законодательство имеет с оговорками приоритет перед *lex mercatoria* в случае его выбора.

Кроме того, в случае разночтения договорного устава необходимо признание возможности сторон в договоре подчинять отдельные (отдельную) части (часть) договора разным национальным правовым системам и, с другой стороны, необходимо запретить подчинение договора в целом разным правовым порядкам. Однако избрание в порядке кумулятивного выбора одновременно *lex mercatoria* и национального права должно быть признано легитимным, если считать применение норм *lex mercatoria* способом субсидиарного правового регулирования.

Литература

1. Ануфриева Л.П. Международное частное право: учебник: в 3 т. Москва: БЕК, 2000-2001. Т. 1: Общая часть. 2000. С. 644.
2. Вольф М. Международное частное право: пер. с англ. С. М. Рапопорт; Под ред. и с предисл. проф. Л.А. Лунц. Москва: Гос. изд-во иностр. лит., 1948 (16-я тип. треста «Полиграфкнига»). 703 с.
3. Дармокрик В.Ф. Пределы принципа автономии воли и право, применимое сторонами при выборе условий сделки в международных договорах // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 1 (108). С. 94 – 100.
4. Канашевский В.А. Международное частное право: учебник. Москва: Международные отношения, 2006 (Смоленск: Смоленская обл. тип. им. В.И. Смирнова). 698 с.
5. Кант И. Критика чистого разума: пер. с нем. Н. Лосского. Минск: Литература, 1998. С. 320.
6. Кискачи М.А. Возможность коллизионного выбора принципов унидруа с точки зрения национального и международного регулирования // Российский юридический журнал. 2018. № 5 (122). С. 142 – 152.
7. Корчиги Е.В., Катков Д.П. Некоторые вопросы российской доктрины международного частного права // Государство и право. 2001. № 10. С. 76 – 88.
8. Лунц Л.А. Курс международного частного права: в 3 т. М.: Спарк, 2002. С. 212 – 213.
9. Лунц Л.А. Курс международного частного права: в 3 т. / Всесоюз. науч.-исслед. ин-т сов. законодательства. 3-е изд., доп. Москва: Юрид. лит., 1973. Т. 1: Международное частное право: Общая часть. 1973. 383 с.
10. Мосс Д.К. Автономия воли в практике международного коммерческого арбитража / Под ред. А.А. Рубанова; Рос. акад. наук, Ин-т государства и права, «Норск гидро» а. с. М.: ИГИП, 1996. 84 с.
11. Романова А.А. Автономия воли сторон трансграничных сделок в контексте реформы российского гражданского законодательства // Научный поиск. 2016. № 1.3. С. 43 – 44.
12. Рубанов А.А. Институт «автономии воли» в международном частном праве как теоретическая проблема // Современный ежегодник международного права. М., 1987. С. 214 – 228.
13. Стригунова Д.П. Проблемы применения принципа автономии воли сторон в правовом регулировании международных коммерческих договоров: монография. Москва: Русайнс, 2018. 136 с.
14. Толстых В.Л. Международное частное право: коллизионное регулирование. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. 526 с.
15. Тригубович Н.В. Деликтные обязательства в международном частном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М. 2002. 656 с.
16. Laurent F. Droit international civil. Bruxelles, Bruylant-Christophe & ce; [etc., etc.]- Paris, 1866. P. 381.

References

1. Anufrieva L.P. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: uchebnik: v 3 t. Moskva: BEK, 2000-2001. T. 1: Obshchaya chast'. 2000. S. 644.
2. Vol'f M. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: per. s angl. S. M. Rapoport; Pod red. i s predisl. prof. L.A. Lunc. Moskva: Gos. izd-vo inostr. lit., 1948 (16-ya tip. tresta «Poligrafkniga»). 703 s.
3. Darmokrik V.F. Predely principa avtonomii voli i pravo, primenimoe storonami pri vybore uslovij sdelki v mezhdunarodnyh dogovorah. Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. 2016. № 1 (108). S. 94 – 100.
4. Kanashevskij V.A. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: uchebnik. Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2006 (Smolensk: Smolenskaya obl. tip. im. V.I. Smirnova). 698 s.
5. Kant I. Kritika chistogo razuma: per. s nem. N. Losskogo. Minsk: Literatura, 1998. S. 320.
6. Kiskachi M.A. Vozmozhnost' kollizionnogo vybora principov unidrua s tochki zreniya nacional'nogo i mezhdunarodnogo regulirovaniya. Rossijskij yuridicheskij zhurnal. 2018. № 5 (122). S. 142 – 152.

7. Korchigo E.V., Katkov D.P. Nekotorye voprosy rossijskoj doktriny mezhdunarodnogo chastnogo prava. Gosudarstvo i pravo. 2001. № 10. S. 76 – 88.
8. Lunc L.A. Kurs mezhdunarodnogo chastnogo prava: v 3 t. M.: Spark, 2002. S. 212 – 213.
9. Lunc L.A. Kurs mezhdunarodnogo chastnogo prava: v 3 t. Vsesoyuz. nauch.-issled. in-t sov. zakonodatel'stva. 3-e izd., dop. Moskva: YUrid. lit., 1973. T. 1: Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: Obshchaya chast'. 1973. 383 s.
10. Moss D.K. Avtonomiya voli v praktike mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha. Pod red. A.A. Rubanova; Ros. akad. nauk, In-t gosudarstva i prava, «Norsk gidro» a. s. M.: IGIP, 1996. 84 s.
11. Romanova A.A. Avtonomiya voli storon transgranichnyh sdelok v kontekste reformy rossijskogo grazhdanskogo zakonodatel'stva. Nauchnyj poisk. 2016. № 1.3. S. 43 – 44.
12. Rubanov A.A. Institut «avtonomii voli» v mezhdunarodnom chastnom prave kak teoreticheskaya problema. Sovremennyy ezhegodnik mezhdunaradnogo prava. M., 1987. S. 214 – 228.
13. Strigunova D.P. Problemy primeneniya principa avtonomii voli storon v pravovom regulirovanii mezhdunarodnyh kommercheskih dogovorov: monografiya. Moskva: Rusajns, 2018. 136 s.
14. Tolstyh V.L. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: kollizionnoe regulirovanie. SPb.: Izd-vo R. Aslanova «YUridicheskij centr Press», 2004. 526 s.
15. Trigubovich N.V. Deliktnye obyazatel'stva v mezhdunarodnom chastnom prave: dis. ... kand. jurid. nauk. M. 2002. 656 s.
16. Laurent F. Droit international civil. Bruxelles, Bruylant-Christophe & ce; [etc., etc.]. Paris, 1866. P. 381.

СОСТАВЛЯЮЩИЕ ПРОЦЕССА ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Завгороднева Е.В., преподаватель,
Оренбургский государственный университет

Аннотация: в представленной статье рассмотрены элементы процесса доказывания. При подготовке статьи автор ставит цель, которая заключается в изучении элементов доказывания в уголовном процессе. Автором достигнута цель исследования, а именно проанализированы такие элементы как: собрание доказательств, проверка доказательств и оценка доказательств. Для достижения вышеуказанной цели автором статьи ставились и решались следующие задачи: выделить основные субъекты сбора доказательств, дать краткую характеристику отдельным следственным действиям, выделить этапы судебного следствия. Актуальность темы исследования заключается в том, что на современном этапе развития общества и государства особую значимость приобретают вопросы, связанные со сбором, проверкой и оценкой доказательственных материалов.

Степень научной разработанности проблемы, поставленной автором статьи: в различные годы изучению анализируемых в статье вопросов были посвящены труды таких ученых, П.А. Лупинская, С.Б. Росинский, А.Б. Соловьев, М.С. Строгович, В.Г. Танасевич, Н.А. Якубович и др.

Ключевые слова: доказательства, установление, собрание, проверка, оценка, использование доказательств

COMPONENTS OF THE PROOF PROCESS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Zavgorodneva E.V., Lecturer,
Orenburg State University

Abstract: the elements of the proving process are considered in the presented article. When preparing the article, the author sets a goal, which is to study the elements of evidence in criminal proceedings. The author has achieved the purpose of the study, namely, analyzed such elements as: evidence collection, verification of evidence and evaluation of evidence. To achieve the above goal, the author of the article set and solved the following tasks: to identify the main subjects of evidence collection, to give a brief description of individual investigative actions, to highlight the stages of judicial investigation. The relevance of the research topic lies in the fact that at the present stage of development of society and the state, issues related to the collection, verification and evaluation of evidentiary materials are of particular importance.

The degree of scientific elaboration of the problem posed by the author of the article: in various years, the works of such scientists as P.A. Lupinskaya, S.B. Rosinsky, A.B. Soloviev, M.S. Strogovich, V.G. Tanasevich, N.A. Yakubovich, etc. were devoted to the study of the issues analyzed in the article.

Keywords: evidence, establishment, collection, verification, evaluation, use of evidence

Процесс доказывания последователен и носит трехзвенный характер – собрание, проверка и оценка доказательственных материалов. При этом каждый этап имеет свою специфику и методику осуществления.

В первую очередь, произведем анализ собиранию доказательств как первому и обязательному этапу доказывания по уголовному делу – по всем без исключения категориям. При этом собрание доказательств происходит перманентно, переключаясь с одной стадии на другую, с досудебной части на судебную.

В настоящее время многие исследователи придерживаются позиции, в соответствии с которой «доказательства не существуют в готовом виде, а появляются в процессе доказывания, т.е. формируются». Безусловно, подобный подход был актуален в уголовном процессе, который не функционировал на основе принципа состязательности и в котором доказательства действительно формировались органами предварительного расследования и судом. И здесь хочется обратиться к науке социальной философии: «мнения, представлявшиеся объективными в одно время, могут оказаться субъективными в другое» [4, с. 126]. С постепенным внедрением в отечественный уголовный процесс принципа состязательности суд предстал в качестве пассивного арбитра, а не активного субъекта доказывания, стороны юридически поставлены в равное положение, самостоятельны и независимы друг от друга. В свою очередь, концепция формирования доказательств обосновывает процессуальное неравенство сторон в уголовном процессе, ввиду того что возможность формирования предоставлена исключительно властным субъектам. Как отмечает В.А. Лаза-

рева следствием данного подхода «является искусственное увеличение количества доказательств, ведущее к ложному представлению о наличии их совокупности» [5, с. 258].

Следует отметить, что, по моему мнению, наиболее целесообразным и отвечающим потребностям современного уголовного процесса является использование термина «собираание», а не «формирование» доказательств.

Основные субъекты сбора доказательств – следователь и дознаватель – осуществляют данную деятельность посредством проведения следственных и иных процессуальных действий. Именно из-под пера силовиков выходят протоколы и вещественные доказательства, которые по мере накопления предстают в форме зачастую многотомного уголовного дела.

Дадим краткую характеристику отдельным следственным действиям – основным инструментам, оказывающим содействие силовикам в сборе доказательственной информации, а также дадим абрис процессуального статуса следователя.

Во-первых, п. п. 47, 55 ст. 5 УПК РФ относят следователя к стороне обвинения, осуществляющей функцию уголовного преследования

Во-вторых, все органы предварительного следствия (органы Следственного комитета РФ, а также следственные подразделения МВД, ФСБ и ФСКН) имеют иерархическое построение, сходное с устройством полицейских органов.

В-третьих, следователь – ключевая фигура стороны обвинения, на которую возложена обязанность по юридическому и фактическому установлению преступного деяния – с комплексом прав и обязанностей, а также гарантий деятельности и ответственности за неправомерные действия.

Характеризуя порядок сбора доказательств следственными органами, приведем несколько примеров осуществления процессуальных действий – с участием иных лиц.

Конституционное право на тайну телефонных переговоров – обязательная составляющая правового статуса личности. В связи с этим УПК РФ устанавливает конкретные механизмы, обеспечивающие защиту этого права. По общему правилу, нарушение данного права допускается только по судебному решению (ст. 13 УПК РФ).

Однако в случае фиксации переговорного процесса одним из участников разговора, то сложно вести речь о нарушении данного права, поскольку в данном случае отсутствует вмешательство третьих лиц и фактически нарушение отсутствует.

Согласно законодательству о частной детективной деятельности [2] частный детектив имеет право по сбору сведений. Если уголовное дело возбуждено, то для начала такой деятельности необходимо уведомить следователя. В рассматриваемом случае материалы, сформированные частным детективом, легли в основу возбуждения дела, то есть появились до начала уголовно-процессуальной деятельности.

Неприкосновенность жилища – уголовно-процессуальная аксиома, которая имеет конкретные законодательные механизмы, реализуемые посредством правоприменения. В УПК РФ закреплено понятие жилища. В частности, к нему относится помещение для временного пребывания. Такой характеристике соответствует и комната в общежитии.

Исходя из этой посылки, действия коменданта и директора следует признать незаконными по следующим основаниям.

Статья 12 УПК РФ требует согласия всех лиц, проживающих в жилище, для проведения осмотра. На это ориентирует и абз. второй п. 8 Постановления Пленума ВС РФ от 01.06.2017 г. №19 [13]. Осмотр – следственное действие, которое производится уполномоченным субъектом – следователем или дознавателем.

Залог успешного обыска – внезапность. Уголовно-процессуальное законодательство должно содействовать эффективному расследованию преступлений. При этом права и свободы лиц должны быть обеспечены и защищены. Для этого в законе предусмотрен специальный порядок судебной легитимации обысковых действий в жилище. Соответствующие нормы содержатся в ст. 165 УПК РФ.

В данной норме предусмотрено, что ходатайство должно быть рассмотрено в течение суток с момента поступления материалов. Возможность для продления сроков, отложения заседания не предусмотрено.

При этом норма не содержит обязанности суда или следователя по извещению подозреваемого (обвиняемого) и его защитника. Среди участвующих лиц фигурируют прокурор, следователь или дознаватель.

Суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или на стороне защиты. Суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав (ч. 3 ст. 15 УПК РФ). Данное законодательное положение означает, что суд является пассивным арбитром, который, как отмечал А.Ф. Кони, должен «не за подозревать и исследовать, а разбирать исследованное и приговаривать».

При анализе структуры судебного следствия более правильно использовать не термин «стадии», а слово «этапы», поскольку первое характерно для деления уголовного судопроизводства в целом, а второе – для разделения стадии на определенные взаимозависимые, но в то же время, автономные разделы.

В российском уголовном судопроизводстве выделяются следующие этапы судебного следствия:

- начало судебного следствия;
- порядок производства отдельных следственных действий;
- окончание судебного следствия.

Убедившись в возможности рассмотрения дела по существу, суд переходит к судебному следствию (гл. 37 УПК РФ). Это центральная часть судебного разбирательства – в ней на основе принципов гласности, непосредственности, устности и состязательности рассматривается предъявленное подсудимому обвинение, исследуются доказательства его виновности и невиновности.

Только на этапе судебного следствия в судебном разбирательстве в полном объеме осуществляется доказывание: стороны и суд могут собирать, проверять, исследовать и оценивать доказательства путем совершения следственных и иных процессуальных действий.

Судебное следствие оканчивается выводом суда, что стороны и сам суд не имеют более доказательств к рассмотрению.

Вторым этапом является проверка доказательств. Данные действия – объект обширных научных и правоприменительных дискуссий. До сих пор нет однозначного мнения относительно природы проверки доказательств.

Согласно ст. 87 УПК РФ проверка доказательств производится дознавателем, следователем, прокурором, судом путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также установления их источников, получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство.

Проверка доказательств играет огромное значение в процессе доказывания, поскольку позволяет выявить недоброкачественные и не относимые доказательства, а также способствует реализации целей доказывания. Примечательно, что круг субъектов проверки доказательств более широк – по сравнению с субъектами собирания доказательств, что также представляется логичным.

Следует отметить, что проверка доказательств показывает, что все элементы процесса доказывания связаны между собой, образуя единое целое. Так, собирание доказательств может трактоваться как их проверка, собирание может не только предварять проверку, но и завершать ее.

Как отмечает Н.В. Сарычева, «в случае необходимости получения новых доказательств, подтверждающих или, наоборот, опровергающих уже имеющиеся основания, проводятся дополнительные следственные действия» [11, с. 76]. Заслуживают пристального внимания отдельные аспекты проверки доказательств. Особое внимание следует уделить вопросам формирования личных доказательств. Именно здесь нередки случаи ошибок и волюнтаризма. Например, для проверки свидетельских показаний необходимо обратить внимание на ряд реперных точек, в том числе:

- трактовка свидетелем фактов действительности;
- внешние факторы, препятствующие осознанию фактов;
- точность изложения показаний в протоколе.

Не менее важным, а зачастую определяющим, является возможность проверки заключения эксперта. Ввиду того, что эксперт приглашается для исследования по вопросам, не входящим в компетенцию юристов, проверка его выводов должна осуществляться профессионалом в той же области, что и сам эксперт.

Наиболее частыми дефектами экспертиз считаются:

- нарушение профессиональных требований;
- ненадлежащая процессуальная регламентация;
- утеря объекта исследования ввиду небрежного к нему отношения [10, с. 345].

Кроме того, нормативный плацдарм в указанной области также не является эффективным: нет четких юридических конструкций, множественность толкования, а также фрагментарность и противоречивость – лишь малая толика проблем, с которыми сталкиваются правоприменители в ходе профессиональной деятельности.

Для наиболее полного, четкого и последовательного проведения экспертиз необходимо изучение методических рекомендаций, которые в настоящее время отсутствуют в научной и юридической литературе. Однако такие пособия смогли бы оказать положительное воздействие на состояние правоприменения в указанной области и непосредственное проведение экспертных исследований.

В то же время заключение специалиста и дальнейший его допрос имеют огромное значение для уголовного процесса, что подтверждается рядом моментов, в том числе:

- несовершенство экспертной деятельности в настоящее время, ее ангажированность интересами следствия и оперативных служб;

- развитие науки и техники, за которыми не всегда поспевают экспертные организации и учреждения;
- необходимость иного взгляда на «очевидные» факты в рамках конкретного уголовного дела.

Специалист – участник уголовного процесса, который может уравновесить экспертное исследование или хотя бы поставить его под сомнение, что необходимо при набирающем обороты уровне техники и технологий, а также повышенном уровне взаимосвязи и взаимозависимости следователей и дознавателей с экспертами.

Как уже было отмечено, такого рода доказательство первоначально являлось сугубо защитным, хотя следователи тоже не брезговали такими документами, называя их «актом судебно-медицинского освидетельствования», «справки» [4, с. 27] и т.д.

В целом появление нового вида доказательств может положительно сказаться на уголовно-процессуальной деятельности. Задача здесь стоит не в критике прогрессивного института, а в поиске баланса между заключениями эксперта и специалиста.

О необходимости «научной конкуренции» писали многие авторы. Так, Е.А. Россинская предлагала более радикальный путь решения проблемы: предоставление стороне защиты права назначать собственную экспертизу. Конечно, такие внешне привлекательные предложения не могут быть вписаны в парадигму отечественного уголовного процесса континентального типа.

В любом случае заключение специалиста не может заменить или процессуально вытеснить экспертное заключение, поскольку механизм их производства и процессуального оформления чрезвычайно различны.

Однако представленное стороной защиты заключение способно зародить сомнения в правильности выводов эксперта. Иным способом оценить адекватность изложения хода и результатов исследований, требующих специальных познаний, попросту невозможно. В то же время инертность силовиков не позволяет положительно воспринимать такой вид доказательств как заключение специалиста. Все, что представлено стороной защиты, не заслуживает доверия – лейтмотив внутренней аргументации следствия.

Согласно ст. 17 УПК РФ судьи, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. Никакие доказательства не имеют заранее установленной силы.

Изменение парадигмы отечественного уголовного процесса позволило реформировать вопросы, связанные с оценкой доказательств, перейдя на рельсы внутреннего убеждения как основного регулятора принимаемых решений в ходе уголовного дела.

Это один из ключевых принципов уголовного процесса, который позволяет освободиться от пут формальной теории доказательств и встать на рельсы господства внутреннего убеждения. Безусловно, при такой ситуации создаются проблемы, связанные с усмотрением властных органов и широким распространением волюнтаризма в деятельности силовых структур и судебных органов.

В этом отношении с свободой оценки доказательств тесно связано такое правовое явление, как усмотрение.

До роботизации правовой деятельности еще далеко, а значит, только человек – двигатель процесса, в т.ч. уголовного. В предыдущих ответах нами были описаны объективные и субъективные факторы при принятии решений. Конгломерат таких факторов порождает субъективизм в процессе деятельности органов предварительного расследования и суда. При этом сразу следует оговориться, что это нормально, так должно быть. Деятельность по расследованию, рассмотрению и разрешению уголовных дел многообразна, все ситуации не могут разрешаться одинаково, по шаблону – здесь требуется индивидуальный подход. Так возникает усмотрение.

Усмотрение предполагает наличие некоторой свободы при принятии решений – возможность лавирования между фактами и правовыми нормами для выбора наиболее актуального варианта поведения, который будет отвечать требованиям законности и обоснованности. Однако не следует путать свободу с волюнтаризмом. Только высокопрофессиональный и морально чистый властный участник уголовного процесса способен принять правильное решение в условиях правового лакуна.

Усмотрение – необходимость. УПК РФ содержит лишь общие правила, которые должны быть приложены к конкретной фактической обстановке, а сделать это – не так легко – ввиду проблематичности суждения и низкой профессиональной подготовки. Однако таковая континентальная ориентированность уголовного процесса.

Конечно, в законе выделяются строго императивные нормы, которые предписывают определенный вариант поведения – без лирических отступлений. И здесь вопросов практически не возникает. Споры появляются как раз там, где есть правовой люфт для принятия того или иного решения.

Однако данный принцип – проявление правового демократического государства и отказ от него попросту невозможен. Тем более, сейчас один из системообразующих принципов уголовного судопроизводства – состязательность и равноправие сторон.

С этих позиций невозможно дать универсальный рецепт, по оценке доказательственной информации. Однако попробуем дать абрис проблемы ниже.

Как известно, классические выделяется ряд требований к доказательствам, или их свойств – относимость, допустимость и достоверность [3, с. 30]. Однако в некоторых источниках выделяются и другие свойства доказательств. Так, рядом авторов отмечается, что доказательства должны обладать свойством доказательственной значимости [6, с. 89].

При этом следует учитывать, что данное свойство подлежит только оценке, но не проверке – по сравнению с иными вышеперечисленными свойствами.

Чем определяется доказательственная значимость информации и как ее определить – вопрос, на который постараемся дать ответ ниже.

Прежде всего, она во многом определяется логической формой представления доказательств. Например, по этому признаку различаются выводы об индивидуальной идентификации объекта и о его родовой (групповой) принадлежности. Этот вопрос был подробно исследован Ю.К. Орловым; им же разработана развернутая классификация логических форм выводов эксперта [7, с. 158].

В то же время одной формальной стороны недостаточно для разрешения вопроса о доказательственной значимости заключения эксперта. В связи с этим не меньшее значение имеет и вопрос о содержании данного документа. Например, выводы эксперта о возможности осуществления каких-либо действий или совершения тех или иных событий обладают меньшей доказательственной значимостью, нежели вывод о действительности фактов. Конечно, в такой ситуации нельзя говорить о равнозначности доказательственной силы заключений. В связи с этим необходимо оценивать, как логическую форму заключения эксперта, так и содержание документа.

В зависимости от насыщенности содержательной стороны может меняться доказательственная значимость заключения эксперта. Рассмотрим данный вопрос подробнее.

С этим вопросом тесно связано исследование проблемы предмета доказывания, под которыми понимаются обстоятельства, которые подлежат доказыванию по уголовному делу [12, с. 2605]. В предмете доказывания выделяется главный факт, который непосредственно связан с событием преступления, и второстепенные факты. Одним из первых предложил выделить главный факт в структуре предмета доказывания М.С. Строгович, охватив этим понятием все обстоятельства, подтверждающие совершение преступления обвиняемым, наличие его вины; обстоятельства, характеризующие личность; факты, которые опровергали какой-то из вышеуказанных фактов. Безусловно, наибольшее доказательственное значение имеют те выводы, которые позволяют следователю (дознавателю) или суду установить обстоятельства, входящие в главный факт.

Некоторыми авторами предпринята попытка выстроить лестницу выводов эксперта – по их доказательственной значимости (по убыванию):

- идентификация конкретного лица;
- идентификация объектов;
- родовая (групповая) принадлежность объекта [9, с. 13].

В то же время оценка заключений эксперта вызывает трудности, как для органов обвинения, так и судов. Как отмечает Е.В. Павлова, «материалы обобщения и анализа практики поддержания государственного обвинения, личный практический опыт показывают, что оценка заключений экспертов продолжает представлять сложность для прокуроров – государственных обвинителей» [8, с. 22].

С учетом того, что оценка экспертных заключений – необходимый элемент деятельности правоприменителей в рамках уголовного дела, несмотря на обилие специальных познаний, которые попросту не известны профессионалам в области права, необходимо отметить, что в настоящее время существует объективная необходимость в подготовке методических рекомендаций для оценки экспертных заключений и проведение обучающих практических семинаров с государственными обвинителями и судьями.

Сейчас существует ограниченный круг аспектов проведения экспертных исследований, которые могут быть проверены судом в рамках процессуальных процедур.

Если второй пункт могут стать предметом адекватной проверки и оценки, то изучение внутренних свойств заключения эксперта для профессионала в области права может быть проблематичным.

В связи с этим суждение специалиста может выступить эффективным средством проверки экспертного заключения в части, относящейся исключительно к сфере специальных познаний.

Несмотря на адекватность и последовательность вышеуказанных рассуждений, суды и органы предварительного расследования не торопятся удовлетворять ходатайства стороны защиты о приобщении данного рода доказательств.

В то же время специалист способен сделать вывод о невозможности подготовки ответов на поставленные вопросы ввиду низкого уровня развития науки и техники в соответствующей области. В заключении сведущий человек может сделать упор на это обстоятельство, что, в конечном счете, позволит сэкономить время рассмотрения и разрешения уголовного дела, а также бюджетные ресурсы.

В завершении настоящей статьи следует сделать ряд выводов теоретико-практического толка.

1. При изменившейся парадигме уголовного судопроизводства, внедрении принципов состязательности и равноправия сторон термин «формирование» доказательств не может считаться адекватно отражающим потребности развития в этой области, в связи с чем более правильным будет использование категории «собираение» доказательств.

2. Следователь и дознаватель – основные субъекты сбора доказательственной информации, реализующие эту задачу посредством проведения следственных и иных процессуальных действий.

3. При реализации принципа состязательности и равноправия суд следует лишить полномочия по сбору доказательств, что углубит представление о нем, как о пассивном арбитре.

4. Проверка доказательств органично вплетается в процесс доказывания и переплетается с другими его элементами. При этом проверка доказательств позволяет установить относимость и допустимость доказательств, а также может способствовать более последовательной и эффективной реализации назначения уголовного процесса.

5. Для проверки заключения эксперта необходимо привлекать лицо со специальными познаниями – специалиста, который сможет указать на дефектность экспертных исследований, что станет основанием для назначения дополнительной или повторной экспертизы.

6. Оценка доказательств – веяние нового уголовного процесса, тесно связанное с усмотрением и требующее особого и внимательного подхода со стороны правоприменителя.

7. Отдельные доказательства нуждаются в применении специальных методов их оценки, в том числе заключения эксперта.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: офиц. текст: по состоянию на 1 июля 2021 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 27 (ч. 1). Ст. 5122.

2. Российская Федерация. Законы. О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации: [принят 11 марта 1992 г.: по состоянию на 30 декабря 2019 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. Ст. 7796. № 52 (часть I).

3 Головки Л.В. Презумпция невиновности и англо-американский уголовный процесс: проблемы совместности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 4. С. 29 – 34.

4 Зайцева Е.А. Мониторинг практики производства предварительных и экспертных исследований при проверке сообщений о преступлениях в сфере незаконного оборота наркотиков // Государство и гражданское общество как элементы механизма противодействия наркоагрессии: материалы Международной научно-практической конференции. Уфа. 2014 С. 26 – 32.

4 Ивин А.А. Основы социальной философии. М.: 2015. 426 с.

5 Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: учебник для бакалавриата и магистратуры. М.: 2017. С. 359.

6. Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Юристъ, 2009. С. 87 – 93.

7 Орлов Ю.К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. М.: Институт повышения квалификации Российского Федерального Центра Судебной экспертизы, 2005. С. 155-262.

8 Павлова Е.В. Анализ и оценка прокурором заключений и показаний экспертов при подготовке к участию в рассмотрении уголовного дела судом первой инстанции // Законность. 2020. № 1. 21-25 с.

9. Петрухина А.Н. Оценка доказательственной значимости заключения эксперта в уголовном процессе // Эксперт-криминалист. 2019. № 2. 27 с.

10 Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, ИНФРА-М, 2018. 576 с.

11 Сарычева Н.В. Некоторые проблемы доказывания на стадии предварительного расследования // Проблемы уголовного преследования в уголовном судопроизводстве на современном этапе: Материалы межведомственного научно-практического круглого стола: Ставрополь: Секвойя, 2016. С. 76 – 80.

12 Шаров Д.В. Предмет доказывания в уголовном судопроизводстве: исторический опыт и современные проблемы // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 11. С. 2603 – 2606.

13 О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ): постановление Пленума ВС РФ 01 июня 2017 № 19 // Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».

References

1. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii: ofic. tekst: po sostoyaniyu na 1 iyulya 2021 g. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 2021. № 27 (ch. 1). St. 5122.

2. Rossijskaya Federaciya. Zakony. O chastnoj detektivnoj i ohrannoj deyatelnosti v Rossijskoj Federacii: [prinyat 11 marta 1992 g.: po sostoyaniyu na 30dekabrya 2019 g.]. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 2019. St. 7796. № 52 (chast' I).

3 Golovko L.V. Prezumpciya nevinovnosti i anglo-amerikanskij ugolovnyj process: problemy sovmestimosti. Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2016. № 4. S. 29 – 34.

4 Zajceva E.A. Monitoring praktiki proizvodstva predvaritel'nyh i ekspertnyh issledovanij pri proverke soobshchenij o prestupleniyah v sfere nezakonnogo oborota narkotikov. Gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo kak elementy mekhanizma protivodejstviya narkoagressii: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Ufa. 2014 S. 26 – 32.

4 Ivin A.A. Osnovy social'noj filosofii. M.: 2015. 426 s.

5 Lazareva V.A. Dokazyvanie v ugolovnom processe: uchebnyj dlya bakalavriata i magistratury. M.: 2017. S. 359.

6 Orlov Yu.K. Problemy teorii dokazatel'stv v ugolovnom processe. M.: Yurist', 2009. S. 87 – 93.

7 Orlov Yu.K. Sudebnaya ekspertiza kak sredstvo dokazyvaniya v ugolovnom sudoproizvodstve. M.: Institut povysheniya kvalifikacii Rossijskogo Federal'nogo Centra Sudebnoj ekspertizy, 2005. S. 155-262.

8 Pavlova E.V. Analiz i ocenka prokurorom zaklyuchenij i pokazanij ekspertov pri podgotovke k uchastiyu v rassmotrenii ugolovnogo dela sudom pervoj instancii. Zakonnost'. 2020. № 1. 21-25 c.

9. Petruhina A.N. Ocenka dokazatel'stvennoj znachimosti zaklyucheniya eksperta v ugolovnom processe. Ekspert-kriminalist. 2019. № 2. 27 s.

10 Rossinskaya E.R. Sudebnaya ekspertiza v grazhdanskom, arbitrazhnom, administrativnom i ugolovnom processe: monografiya. 4-e izd., pererab. i dop. M.: Norma, INFRA-M, 2018. 576 s.

11 Sarycheva N.V. Nekotorye problemy dokazyvaniya na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya. Problemy ugolovnogo presledovaniya v ugolovnom sudoproizvodstve na sovremennom etape: Materialy mezhdvedomstvennogo nauchno-prakticheskogo kruglogo stola: Stavropol': Sekvojya, 2016. S. 76 – 80.

12 SHarov D.V. Predmet dokazyvaniya v ugolovnom sudoproizvodstve: istoricheskij opyt i sovremennye problem. Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2014. № 11. S. 2603 – 2606.

13 O praktike rassmotreniya sudami hodatajstv o proizvodstve sledstvennyh dejstvij, svyazannyh s ograničeniem konstitucionnyh prav grazhdan (stat'ya 165 UPK RF): postanovlenie Plenuma VS RF 01 iyunya 2017 № 19. Dostup iz sprav.-prav. sistemy «Konsul'tantPlyus».

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ

Абезин Д.А., кандидат юридических наук, доцент,
Мохов А.Ю., ассистент,
Абезин Д.Д.,
Волгоградский институт управления – филиал Российской
академии народного хозяйства и государственной службы

Аннотация: в представленной статье авторами исследуются общие тенденции формирования и развития законодательной базы градостроительной деятельности в дореволюционной России. Отдельно рассматривается содержание сводных нормативно-правовых актов Средневековой Руси, в той или иной степени обозначающие правила строительства объектов городской инфраструктуры (на примере Русской Правды). Обозначено содержание градостроительного законодательства Петра Великого – в контексте строительства новых городов и укрепления военных объектов. Выделены особенности влияния зарубежного законодательства на градостроительные требования в дореволюционной России (на примере законов Византийской Империи); указывается на историческую обусловленность градостроительной деятельности и сохранения природного баланса, обеспечения права горожан на благоприятные условия окружающей среды.

Ключевые слова: градостроительство, градостроительное право, Русская Правда, застройка, Строительный устав, имплементация, апопсия

LEGAL REGULATION OF URBAN PLANNING ACTIVITIES IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA: MAIN STAGES

Abezin D.A., Candidate of Juridical Sciences
(Ph.D.), Associate Professor,
Mokhov A.Yu., Assistant Professor,
Abezin D.D.,
Volograd Institute of Management,
branch of Russian Academy of National
Economy and Public Administration

Abstract: in the presented article, the authors investigate the general trends in the formation and development of the legislative framework for urban planning activities in pre-revolutionary Russia. The content of the consolidated normative legal acts of Medieval Russia, to one degree or another, indicating the rules for the construction of urban infrastructure objects (on the example of Russian Pravda), is considered separately. The content of the urban planning legislation of Peter the Great is outlined - in the context of the construction of new cities and the strengthening of military facilities. The features of the influence of foreign legislation on urban planning requirements in pre-revolutionary Russia are highlighted (on the example of the laws of the Byzantine Empire); indicates the historical conditionality of urban planning activities and the preservation of the natural balance, ensuring the right of citizens to favorable environmental conditions.

Keywords: town planning, town planning law, Russkaya Pravda, development, Building regulations, implementation, apopsia

Во все времена рост городов сопровождался неизбежным столкновением частных и публичных интересов, наличие противоречий в хозяйственной деятельности и охране природной среды. В городах любых размеров возможны конфликты интересов между различными группами жителей, когда, например, часть жителей желает построить в городском квартале торгово-развлекательный комплекс, другая – мечеть или христианский храм, а третья – парковую зону [1, с. 142].

С учетом данных обстоятельств рассчитывать только на саморегулирование и самоудержание городов как сложных систем в состоянии сбалансированного и устойчивого развития не приходится, решить обозначенные проблемы возможно лишь посредством территориального планирования, которое дает возможность объединить все проблемы жизни населенных пунктов, инфраструктуры, природных ландшафтов, а также обозначить направления дальнейшего территориального развития [2, с. 109].

В качестве приоритетов государственной политики в сфере градостроительного регулирования следует выделить пространственное развитие страны, формирование удобной для проживания городской среды, а также систематизацию нормативно-правовой базы, выявление наиболее перспективных направлений в градостроительстве и их закрепление в градостроительном законодательстве.

Таким образом, целью градостроительного законодательства выступает, с одной стороны, обеспечение публичных интересов и современных потребностей общества в целом, с другой стороны, создание комфортной для каждого жителя города среды проживания. Историческая обусловленность градостроительного законодательства связана, прежде всего, с развитием городов – как крупных промышленных и оборонных узлов, изменением структуры населения, общими процессами урбанизации. Соответственно, изучение развития основных градостроительных правил в истории отечественного права представляется нам актуальным, в том числе, и с целью установления основных тенденций, связанных с общим ходом развития Российского государства.

С момента формирования городов на Руси и появления первых нормативно-правовых источников прослеживается история становления и развития градостроительного законодательства.

Одним из первых задокументированных отечественных источников градостроительного законодательства является Русская правда, в которой был установлен порядок строительства навесных переправ общественного назначения и закладывался принцип деления города на части и концы, порядок закладки городских укреплений. Данные нормы были закреплены в статье 43 краткой редакции Русской правды, так называемый «урок мостникам» [3, с. 121].

В дальнейшем, важнейшими нормативными источниками стали судебники 1497 и 1550 гг.. Правовое регулирование в этот период осуществлялось также посредством издания уставных и судебных грамот, с 1550 по 1648 гг. были приняты 445 указов. По указанию Федора Годунова в 1584 был создан приказ каменных дел, чья деятельность была направлена на организацию строительства оборонительных сооружений и регулирование деятельности каменоломен [4, с. 235]. Следует отметить, что курс на защиту государственных границ путем создания крепостей в рассматриваемый период являлся одним из направлений градостроительной деятельности.

Актуальной проблемой в то время продолжала оставаться опасность возникновения крупных пожаров. Так, в 1495 году в Москве была запрещена постройка деревянных строений, расположенных ближе 110 сажень от стен Кремля, здания, построенные в нарушении данного запрета, подлежали сносу в целях предотвращения пожаров [5, с. 32]. С 17-го века власть оказывала поддержку подданным в строительстве каменных домов, тем самым ставя перед собой задачу сократить количество деревянных построек. В 1633 г., государство обещало жителям, возводившим каменные палаты, «царские милости». В указе от 1681-го года санкционировалась постройка каменных строений на тех участках больших улиц, где уже были замечены очаги возгорания. Строительство таких объектов являлось сложным и ресурсозатратным процессом, в связи с чем было принято решение о выдаче кирпича с рассрочкой платежа на десять лет. Федор Иоаннович создает указ от 1688 г., который содержал требование о покрытии крыш домов поверх теса землей и дерна и запрещавший в целях противопожарной безопасности строить дома выше двух этажей и возводить на крышах высокие гребни [6, с. 56].

Стоит отметить, что значительная часть правоприменительных полномочий в области градостроительства была предоставлена органам местной власти. В XVI веке на местах выбирались из уездных служилых людей городовые приказчики, которые, в частности, курировали градостроительную деятельность, включая строительство мостов и дорог.

С увеличением населения и расширением городов возникла необходимость разработки основного правового акта, которым стало Соборное уложение 1654 года. В данном основном законе России, на тот период времени, относительно новым явлением стала группировка норм по отраслям права, однако в Соборном уложении не регулировались нормы ведения строительства [7, с. 47-49]. В результате этого градостроительное право оказалось в кризисном положении, поскольку не совершенствовалось наравне с другими законами и стало неактуальным на тот момент.

В дальнейшем, значительное влияние на развитие данной отрасли оказал Петр Великий. В начале правления царь ориентировался на постановления Алексея Михайловича о борьбе с пожарами и расширением улиц городов. При анализе развития градостроительного права в первой половине 18-го века следует выделить следующие особенности: монополия монарха в законотворческой деятельности; пространственная ограниченность реализации градостроительных норм (такие законы реализовывались на практике, как правило, в пределах крупных городов и столицы); разработка законов, направленных на предотвращение условий для возникновения пожаров, например, запрет определенных материалов, надстроек и увеличение расстояний между зданиями; ситуативное регламентация, например, заморозка цен на отдельные виды строи-

тельных материалов после пожаров в городских поселениях, застройка определенных территорий только каменными зданиями); учет европейского опыта при составлении градостроительного законодательства.

При Петре I в 1709 году начинает свою работу Комиссия строений, которая в дальнейшем стала органом по регулированию проектирования и застройки города Санкт-Петербурга. С появлением данного органа основой городского развития становится составление генеральных планов.

В этот период наблюдаются первые шаги по расширению городского пространства по новому типу. На практике стали применяться положения серии указов Петра I о «красных линиях» (о широком применении зеленых насаждений, о противопожарных разрывах в застройке, строительстве набережных) [8, с. 75], которые сформировали ряд градостроительных принципов, кардинально отличавшиеся от допетровской эпохи. К примеру, результатом применения данных указов стало прокладывание прямых параллельных улиц в Москве. При сравнении центральной части столицы и ее окраин можно заметить различия. Хамовническая, Мещанская и Немецкая слободы отличались прямыми и параллельными улицами, так как закладывались на основе линейной планировки, в то время как главные улицы города имели весьма путанный план.

Можно предположить, что на действия правительства, отмеченные выше, оказало влияние западноевропейская планировка, которую Петр I также взял за основу при строительстве солдатских слобод для Семёновского и Преображенского полков около реки Яузой. Например, в так называемых «Светелках», где располагались солдаты, основной каркас вытягивался вдоль улиц и разделялся на определенной отметке, требуемой для соблюдения пожарных норм. Подданным России, владельцам участков, на всей территории городов запрещалось строить дома по собственным планам. Таким образом не допускался архитектурный произвол.

Заложенная при Петре пространственная программа действовала после его смерти до середины 1730-х годов. Тридцатилетнее развитие общегородского центра и формирование нового образа Невы дало свои плоды. Как отмечает С.В. Семенов: «Три первичных ареала раннего размещения центра столицы слились воедино и образовали пространственно-композиционные основы современного центра – на Петроградской стороне, на Стрелке Василевского острова и в зоне Дворцовой площади и Адмиралтейства» [9, с. 129].

Положения, регламентировавшие градостроительную деятельность в XVII-XVIII веках, стали основой для нового кодифицированного документа – Строительного устава 1832 г., объединившего все действующие на тот момент градостроительные законы. Данный документ подвергался изменениям в 1842, 1857 и 1900 годах. Однако после городской реформы в 1870 и 1892 гг. он стал лишь ориентиром для остальных городов, поскольку городские думы получили право разрабатывать собственные муниципальные уставы. Таким образом, в Строительном уставе оставались только общие положения.

Традиционным для дореволюционного законодательства о градостроительной деятельности, особенно на первоначальном этапе развития, являлось использование зарубежного нормативного опыта регулирования отношений в сфере застройки городов, наиболее рационального использования городских площадей, формирования городской инфраструктуры.

Проблема исследования роли иностранного законодательства в становлении отечественного градостроительного права заключается в том, что в работе с историко-правовыми документами были подробно проанализированы только те главы (разделы) ранее действовавших нормативных актов, которые не связаны с градостроительством. Например, при изучении «Кормчей книги» подробно исследованы уголовно-правовые, гражданско-правовые, семейно-правовые аспекты, научных трудов, посвященных изучению градостроительных норм указанного документа значительно меньше. Кроме того, отметим, что в процессе исследования данных документов, как правило, не принимали участие специалисты архитектурного профиля. В связи с чем, тексты, акцентирующие внимание на градостроительстве, в данном историческом источнике не были выявлены и переведены на современный русский язык.

Некоторые фрагменты «Кормчей книги», в которых изложены нормы градостроительного законодательства, представляли, по мнению лингвистов, «непреодолимые трудности для перевода» [10, с. 156]. Примерами таких фрагментов могут служить некоторые нормы 49-й главы данного документа («Закон градский»). Причина возникновения трудностей с переводом – фактическая утрата в 19-ом веке понимания технического древнерусского языка. Перевести нормы XII-XIII вв., характеризующие вопросы градостроительства только с помощью усилий лингвистов, без взаимодействия с историками архитектуры, стало труднодостижимой задачей.

Конкретным примером существования подобной проблемы в реальности может являться работа фессалонийского адвоката, Константина Арменопула, под названием «Шестикнижие» (XIV в.) [11, с. 103]. Перевод оказался достаточно слабым, что проявлялось в логической несостыковке некоторых правовых норм. Из примечания перевода «Шестикнижника» на титульном листе следует, что «По переводе сей книги на российский язык Государственная Коллегия Иностранных дел сличала оный с вытребованным из архивов

экземпляром на древнегреческом языке. Вследствие сего сличения в некоторых местах оказалось несогласие между подлинником и новогреческим переводом» [12, с. 195]. Забвение фрагментов древнерусского градостроительного законодательства привело историков архитектуры к неправильным представлениям о том, как происходило развитие и реконструкция городов древней Руси. В научной среде установилось предположение, что древнерусские поселения и города возникали и расширялись стихийно. А с 18-го века правительство начало внедрять в практику реконструкции русских городов европейские принципы градостроительства, что также негативно отразилось на изучении установленной проблемы.

Крещение Руси в 988 г. по православному образцу серьезно изменило курс развития древнерусского государства в целом. В результате именно Византия стала культурно-правовым ориентиром для Руси.

Для начала необходимо разобраться, какое влияние оказало византийское законодательство на принципы градостроительства на Руси. На примере постановления 4-го Вселенского Халкидонского собора 451 года можно определить, что ряд Византийских правовых норм использовались на Руси. Например, города в Византии закладывались на основе мирского закона: «Если город поставится по городскому мирскому уставу, по царскому повелению, то последует и чин церковных наделов» [13, с. 196].

Спустя время, отечественные деятели переняли данную норму и записали, немного изменив порядок её применения, в «Номоканоне 14 титулов» – раннем издании «Кормчей книги», который был широко распространён в Руси: «Если город будет обновлен или повторно обновлен, согласно городскому, мирскому закону, то должен быть соблюден и чин церковных наделов». После изучения ряда экземпляров «Кормчей книги» можно сделать вывод, что тем самым «мирским законом» является 38-й раздел (грань) 49-й главы «Закона градского», который имеет следующее название: «О построении новых домов и об обновлении ветхих и других предметах». В данном законе устанавливаются правила и порядок реконструкции и благоустройства городов. В качестве следующего примера можно рассмотреть закон апопсии, который не встречается в западноевропейском и римском законодательствах, но присутствует в трактате «О законах или обычаях Палестины», написанный Юлианом Аскалонитом в 5-м веке [14, с. 25]. Однако в обоих правовых источниках особо указывалось на необходимость учитывать взаимосвязь городских построек друг с другом и с природой. Таким образом, закон апопсии поставлен во главу угла как в византийском, так и в древнерусском законодательствах.

Обозначенные законы имеют актуальность и в наше время. И сейчас важно помнить про эстетическую составляющую городов. Единый стиль зданий, качественное дизайнерское оформление позволяют повысить социальный статус района, вызывают у жителей подъем энергии и способны поднять общий уровень счастья у населения, что благоприятно сказывается на криминогенной и экономической составляющей города [15, с. 385]. В последние десятилетия, в целях экономии ресурсов во всем мире, намечается тенденция компоновки зданий на малых расстояниях, не учитывая потребность в парковых зонах и иных социальных объектов, в связи с чем теряется исторический облик городов, что создает некомфортные условия для проживания. Это означает, что в современных условиях, как и много столетий назад, необходимо учитывать не только экономические потребности горожан, требования безопасности и т.д и т.п., но и максимально обеспечить возможность «людям, живущим в городе, видеть море, сады и храмы даже из собственных дворов» [16, с. 220]. Таким образом, представляется возможным закрепить в действующем градостроительном законодательстве принцип взаимосвязи построек города друг с другом и с природой (закон апопсии). Данный принцип, на наш взгляд, должен соблюдаться в процессе застройки как застройщиками, так и местными властями.

Литература

1. Анисимов А.П., Болтанова Е.С. Ограничение права частной собственности путем установления публичных земельных сервитутов: поиск баланса интересов // Журнал Российского права. 2020. № 4. С. 141 – 152.
2. Макарова А.В. Документы территориального планирования: проблемы правотворчества и правоприменения // Актуальные проблемы правового, социального и политического развития России: Материалы XIII Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов, соискателей, Саратов, 16 апреля 2020 года. Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2020. С. 109 – 112.
3. Дегтярев А.Я. Русская правда краткой редакции: к истории рождения // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2016. № 5. С. 116 – 127.
4. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Москва: ИД Территория будущего, 2005. 800 с.
5. Гемпик Е.А. Нормативное правовое регулирование градостроительной деятельности в XVII в.: историко-правовой аспект // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2019. Т. 16. № 3. С. 32 – 39.

6. Луппов С.П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М.-Л.: Академия наук СССР, 1957. 197 с.
7. Ларинцева С.Б. Соборное уложение 1649 года // Аллея науки. 2018. Т. 7. № 11 (27). С. 37 – 39.
8. Набиуллина К.Р. Исторические особенности становления системы управления градостроительным развитием в Российской Федерации // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 11. С. 117 – 122.
9. Семенцов С.В. От Екатерины первой до Анны Иоанновны 1724-1732 годы: метания и неопределенность в судьбе столичного города – оставаться Ли на путях градостроительного наследия Петра Великого? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2013. № 4. С. 119 – 155.
10. Бенеманский М.И. Закон градский. Значение его в русском праве. М.: Печатная типография А. Снегиревой, 1917. 476 с.
11. Медведев И.П. Софийский список «Шестикнижия» Константина Арменопула // Византийский временник. 1982. Т. 43. С. 102 – 105.
12. Медведев И.П. «Русский Арменопул» и его критика в записке бессарабского юриста Ивана Танского // Византийский временник. 1995. Т. 56. С. 193 – 203.
13. Алферова Г.В. «Кормчая книга» как ценнейший источник древнерусского градостроительного законодательства: Её влияние на художественный облик и планировку русских городов // Византийский Временник. 1973. Т. 35. С. 195 – 220.
14. Сюзюмов М.Я. О трактате Юлиана Аскалонита // Античная древность и средние века. 1960. Вып. 1. С. 3 – 34.
15. Хомкалов Г.В. Влияние мировых урбанистических тенденций на формирование современных городов // Проблемы экономики и управления строительством в условиях экологически ориентированного развития: Материалы Седьмой международной научно-практической онлайн-конференции, Иркутск-Братск-Томск, 14-15 апреля 2020 года. Иркутск-Братск-Томск: Байкальский государственный университет, 2021. С. 380 – 387.
16. Бирукова Е.Н. Кормчая книга. Закон градский, гл. 49, грань 38: О построении новых домов и об обновлении ветхих и о других предметах // Византийский Временник. 1973. Т. 35. С. 214 – 220.

References

1. Anisimov A.P., Boltanova E.S. Ogranichenie prava chastnoj sobstvennosti putem ustanovleniya publicnyh zemel'nyh servitutov: poisk balansa interesov. Zhurnal Rossijskogo prava. 2020. № 4. S. 141 – 152.
2. Makarova A.V. Dokumenty territorial'nogo planirovaniya: problemy pravotvorchestva i pravoprimeneniya. Aktual'nye problemy pravovogo, social'nogo i politicheskogo razvitiya Rossii: Materialy XIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii studentov, magistrantov, aspirantov, soiskatelej, Saratov, 16 aprelya 2020 goda. Saratov: Izdatel'stvo «Saratovskij istochnik», 2020. S. 109 – 112.
3. Degtyarev A.Ya. Russkaya pravda kratkoj redakcii: k istorii rozhdeniya. Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyah, v ideyah. 2016. № 5. S. 116 – 127.
4. Vladimirsij-Budanov M.F. Obzor istorii russkogo prava. Moskva: ID Territoriya budushchego, 2005. 800 s.
5. Gempik E.A. Normativnoe pravoe regulirovanie gradostroitel'noj deyatel'nosti v XVII v.: istoriko-pravovoj aspect. Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo. 2019. T. 16. № 3. S. 32 – 39.
6. Luppov S.P. Istoriya stroitel'stva Peterburga v pervoj chetverti XVIII veka. M.-L.: Akademiya nauk SSSR, 1957. 197 s.
7. Larinceva S.B. Sobornoe ulozhenie 1649 goda // Alleya nauki. 2018. T. 7. № 11 (27). S. 37 – 39.
8. Nabiullina K.R. Istoricheskie osobennosti stanovleniya sistemy upravleniya gradostroitel'nym razvitiem v Rossijskoj Federacii. Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. 2017. № 11. S. 117 – 122.
9. Semencov S.V. Ot Ekateriny pervoj do Anny Ioannovny 1724-1732 gody: metaniya i neopredelennost' v sud'be stolichnogo goroda – ostavat'sya Li na putyah gradostroitel'nogo naslediya Petra Velikogo? Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iskustvovedenie. 2013. № 4. S. 119 – 155.
10. Benemanskij M.I. Zakon gradskij. Znachenie ego v russkom prave. M.: Pечатnaya tipografiya A. Snegirevoj, 1917. 476 s.
11. Medvedev I.P. Sofijskij spisok «SHestiknizhiya» Konstantina Armenopula. Vizantijskij vremennik. 1982. T. 43. S. 102 – 105.
12. Medvedev I.P. «Russkij Armenopul» i ego kritika v zapiske bessarabskogo yurista Ivana Tanskogo. Vizantijskij vremennik. 1995. T. 56. S. 193 – 203.
13. Alferova G.V. «Kormchaya kniga» kak cennejšij istochnik drevnerusskogo gradostroitel'nogo zakonodatel'stva: Ego vliyanie na hudozhestvennyj oblik i planirovku russkih gorodov. Vizantijskij Vremennik. 1973. T. 35. S. 195 – 220.

14. Syuzyumov M.Ya. O traktate Yuliana Askalonita. Antichnaya drevnost' i srednie veka. 1960. Vyp. 1. S. 3 – 34.
15. Homkalov G.V. Vliyanie mirovyyh urbanisticheskikh tendenciy na formirovaniye sovremennykh gorodov. Problemy ekonomiki i upravleniya stroitel'stvom v usloviyakh ekologicheskoy orientirovannogo razvitiya: Materialy Sed'moj mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy onlajn-konferencii, Irkutsk-Bratsk-Tomsk, 14-15 aprelya 2020 goda. Irkutsk-Bratsk-Tomsk: Bajkal'skiy gosudarstvennyy universitet, 2021. S. 380 – 387.
16. Birukova E.N. Kormchaya kniga. Zakon gradskiy, gl. 49, gran' 38: O postroenii novykh domov i ob obnovenii vetykh i o drugih predmetah. Vizantiyskiy Vremennik. 1973. T. 35. S. 214 – 220.

ИССЛЕДОВАНИЕ СУЩНОСТИ, ПОНЯТИЯ И КЛАССИФИКАЦИИ НОРМ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Муцалов Ш.Ш., кандидат юридических наук, доцент,
Шахбиева Х.А.,
Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова

Аннотация: *вопрос на понятия и классификации норм юридической политики на сегодняшний день является актуальным.*

Это связано прежде всего с тем, что важнейшим элементом эффективности юридического права является уровень правового знания и правовой культуры. В то же время влияние правосознания и правовой культуры на эффективность права меж комплексно, что проявляется в следующем.

Во-вторых, уровень правосознания юриспруденции напрямую влияет на качество реализации права.

Во-вторых, низкое качество законодательства и его сложность делают принцип знания права нереальным.

В-третьих, знание законов граждан, готовность наблюдать за ними, наличие у граждан навыков правового поведения, формирующее индивидуальное юридическое правовое сознание, напрямую влияют на эффективность права. И наоборот, некачественные законы и правовые акты, неэффективная правовая деятельность снижают уровень правоведения и правовой культуры.

Объект исследования - общественные отношения, складывающиеся при реализации норм юридической политики.

Цель исследования заключается в определении современных подходов к классификации норм юридической политики.

Задачи данной работы состоят в том, чтобы:

- 1. Определить цели, сущность и значение норм юридической политики;*
- 2. Выявить особенности видов юридических норм;*
- 3. Дать характеристику элементам юридических норм;*

Интеграционный подход исследования определен целями и задачами исследования. В основе исследования лежит системный подход к анализу классификационных рамок правовой (юридической) политики. При подготовке данной работы также использовались методы логического анализа и синтеза, формально-правового анализа, а так же методы дифференциации основ юриспруденции.

Ключевые слова: *закон, граждане, государство, эффективность, правовой подход, нормы юридической политики, акты, регулирование, общественные отношения*

INVESTIGATION OF THE ESSENCE, CONCEPT AND CLASSIFICATION OF LEGAL POLICY NORMS

Mutsalov Sh.Sh., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Shakhbieva H.A.,
Chechen State University named after A.A. Kadyrov

Abstract: *the question of the concepts and classifications of the norms of legal policy is relevant today.*

This is primarily due to the fact that the most important element of the effectiveness of legal law is the level of legal knowledge and legal culture. At the same time, the influence of legal awareness and legal culture on the effectiveness of law is inter-complex, which is manifested in the following.

Secondly, the level of legal awareness of jurisprudence directly affects the quality of the implementation of law.

Secondly, the low quality of legislation and its complexity make the principle of knowledge of law unrealistic.

Thirdly, knowledge of the laws of citizens, willingness to observe them, the presence of legal behavior skills among citizens, forming an individual legal consciousness, directly affect the effectiveness of law. Conversely, poor-quality laws and legal acts, ineffective legal activities reduce the level of jurisprudence and legal culture.

The object of the study is the social relations that develop during the implementation of the norms of legal policy.

The purpose of the study is to identify modern approaches to the classification of legal policy norms.

The objectives of this work are:

- 1. To determine the goals, essence and meaning of the norms of legal policy;*
- 2. To identify the features of the types of legal norms;*

3. To characterize the elements of legal norms;

The goals and objectives of the study determined an integrated approach to its study. The methodological basis of the study is a systematic approach to the analysis of the classification of legal policy norms. In the preparation of this work, methods of logical analysis and synthesis, formal-legal historical-legal, functional, method of comparative jurisprudence, etc. were also used.

Keywords: law, citizens, state, efficiency, legal approach, norms of legal policy, acts, regulation, public relations

Достаточно часто в правовой литературе мы можем встретить исследования авторов по вопросу трансформации и развитию института юридической политики, в которых неоднократно указывалось на то, что в советское время данный институт был «малоперспективным» и фактически имел «стоп» развитие. В первую очередь это связано с очевидной слабой проработкой законодательной базы и мало актуализированным представлением о законности как объекте исследования. В то время закон проявлялся в неуклонном соблюдении норм позитивного права, что отражало в целом непоколебимую волю господствующего класса.

На сегодняшний день исследования конструктивной составляющей юридической политики увеличились по нескольким причинам. Правовая реформа, начавшаяся в 90-е годы, привела к серьезным изменениям во всех отраслях права. Проводимые изменения по большому счету проводились легко без учета условий социального и политического характера, а на тот период достаточно серьезные процессы трансформационного характера происходили. Фактически вносимые изменения в правовое поле были мало лабильны и трудно адаптированы. К причинам актуализации вопроса юридической политики на современном этапе можно отнести следующие:

- исследование института толкование норм юридической науки, его роль как регулятора в развитии правоотношений резко усилилась;

- в настоящее время, построение основных контуров юридической политики, которые включают правовые нормы, правовые институты и правовую систему практически полностью скрывается за рабочим полем, за критическими замечаниями экспертов и в значительной степени учеными о том, где они (нормы права) необходимы, а где с этим можно будет поспорить.

- во многих процессах толкование права и правовых норм идёт в отрыве от научно обоснованного понимания сущности прав и оснований их возникновения, а также от целей и задач в теории государства и права.

Все это в определенной степени повышает роль правоприменительных механизмов, а также квалифицированного толкования принятых норм юридической политики.

Однако учитывая сложный и противоречивый процесс становления, развития и совершенствования российского права сформировал сложную правовую систему, которая требует гибкой и систематической правовой мысли. Неотъемлемым инструментом юридического мышления является умение правоприменителя ориентироваться в существующих правовых нормах на современном этапе развития Российского государства и возникновения института правового государства. Научные исследования в области правопонимания, прежде всего, обращены на анализ того, что является основными источниками права как общественного института. В основе развития правопонимания лежит прежде всего анализ жизненных ситуаций, в которых оказывается правоприменитель, а также изучение юридической техники, позволяющей приводить правовое регулирование в соответствие с реальной правовой ситуацией.

Основными функциями правопонимания являются:

- 1) связь правоприменения с наукой и другими формами научного знания;
- 2) методологическое исследование правовых норм, функций права и отношений;
- 3) выявление противоречий между правовыми нормами и целями их воплощения;
- 4) на этой основе – разработка предложений и рекомендаций по совершенствованию права;
- 5) обобщение и анализ отечественного и зарубежного опыта;
- 6) прогнозирование будущего развития правового регулирования.

Стоит отметить, что существующие сегодня теоретические представления о пробелах в праве, в определенном контексте интерпретации затрудняют их практическое применение, данные обстоятельства так же указывает на недостаточную разработанность института права. Первые исследования и упоминание было сделано в дореволюционный период и уже в настоящий период, когда произошел пересмотр ранее написанных работ и создание новых концепций, что изменило взгляд на проблемы уже находящихся в пределах правовой политики.

В современной научной и учебной юридической литературе как словесный символ понятия, которое отражает особый вид социальных норм, установленных или санкционированных и обеспеченных государством, употребляются такие термины: «юридическая норма», «норма права», «правовая норма».

Норма юридической политики – это общеобязательное, формально определенное правило поведения, установленное либо санкционированное государством и направленное на урегулирование общественных отношений.

Так же норму юридической политики можно охарактеризовать как общеобязательное правило поведения, сформировавшееся в обществе в соответствии с признанной в нём мерой свободы, сформулированное (санкционированное) и обеспеченное государством как юридически значимое средство регулирования общественных отношений.

А.В. Мицкевич определяет норму юридической политики следующим образом: «это общеобязательное правило социального поведения, установленное или санкционированное государством, выраженное публично в формально определённых предписаниях, как правило, в письменной форме и охраняемое органом государства путём контроля за его соблюдением и применением предусмотренных законом мер принуждения за правонарушения» [5].

В литературе по теории государства и права немалое количество определений норм юридической политики. У каждого, кто изучает данный предмет, есть возможность выбора для себя того определения, которое является отчётливым для него.

Функция норм юридической политики представляет собой направление ее активного действия, которое упрощает определенные виды связей с общественностью. Соответственно, динамизм является главным признаком функций юридических норм.

Разнообразие норм юридической политики как системного явления предполагает возможность их распределения (классификации) по группам (видам) на основании тех или иных признаков.

Знание законов классификации юридических норм права, умение определять место любой нормы в системе права являются необходимым условием их правильного толкования и применения на практике.

Видовая классификация норм зависит от оснований классификации и способствует более эффективной реализации норм права во всех ее формах [4].

Классификация норм юридической политики на различные виды осуществляется в зависимости от различных критериев соблюдения важнейших характеристик законодательной базы (содержательный контекст, формы правовой нормы, функций, методов судебного разбирательства и др.). Видовая группировка юридических правовых норм классифицируются, прежде всего, по тем видам общественных отношений, которые они регулируют [2]. Подразделение юридических правовых норм на виды может производиться по различным признакам, выполняющим роль классификационных оснований. Избрание критерия для деления норм зависит от цели систематизации норм и их функционального значения. Именно функциональный критерий является основным, так как обуславливает все иные основания классификации правовых норм. По функциональной роли юридические правовые нормы делятся в зависимости от их назначения, от области регулируемых общественных отношений, от места, занимаемого ими в механизме правового регулирования [2]. Выделяя виды норм юридической политики необходимо опираться на следующие критерии, представленные на рис. 1.

функциональная роль;
метод регулирования
предмет регулирования;
форма выражения предписания;
юридическая сила;
специализация норм права;
действие во времени
юридическая сила;
характер правовой нормы;
субъекты правотворчества;
действие в пространстве;
способ реагирования со стороны государства;
порядок принятие (установления).

Рис. 1. Критерии юридических норм права

По юридической силе нормы юридической политики классифицируют на нормы законов, те, что содержатся в тексте закона и имеют высшую юридическую силу, и нормы подзаконных актов, принимаемых государственно-властными структурами на основе, во исполнение и в соответствии с законом.

Нормы законов отличаются от норм подзаконных актов по следующим признакам [7]:

1) принимаются или санкционируются высшим представительным органом государства (парламентом) или непосредственно народом (путём референдума). В Российской Федерации принятие и санкционирование норм законов является компетенцией Федерального Собрания. Народ России осуществляет законодательные полномочия через всероссийский референдум;

2) регулируют наиболее социально значимые, типичные общественные отношения.

3) имеют высшую юридическую силу относительно всех других юридических норм. Высшая юридическая сила норм закона означает, что нормы подзаконных актов Президента РФ, органов и должностных лиц государственной исполнительной власти и органов местного самоуправления принимаются на основе и во исполнение норм законов, не могут противоречить им и поэтому являются подзаконными. Нормы законов изменяются или отменяются только другими нормами закон;

4) принимаются в особом порядке. Порядок принятия норм законов в Российской Федерации регулируется Конституцией РФ, Регламентом Совета Федерации и Регламентом Государственной Думы.

Нормы подзаконных актов принимаются уполномоченными нормотворческими субъектами на основе норм законов и не должны противоречить им.

Нормы конституционного права регулируют статус человека и гражданина в обществе и государстве, принципы общественного и государственного строя, организацию и деятельность системы органов государства и органов местного самоуправления. Доминирует императивный метод, ибо возникновение этой отрасли связано с существованием властных отношений. Нормы конституционного права являются ведущими относительно норм других отраслей права.

Нормы семейного права регулируют личные и имущественные отношения, связанные с пребыванием в браке и родством физических лиц. Метод регулирования – диспозитивный.

Нормы земельного права регулируют публичные отношения, связанные с владением, использованием и распоряжением землёй.

Нормы уголовного права определяют круг общественно опасных деяний и меры наказания, применяемые к преступникам.

Действие временных норм права может завершиться с момента наступления определенной календарной даты, с которой правовая норма окончательно теряет силу.

Традиционно в литературе приводятся следующие основания прекращения действия норм юридической политики [2]:

1) истечение срока, на который они были приняты. Например, закон о Государственном бюджете Российской Федерации на соответствующий год теряет силу в 0 часов 1 января следующего года;

2) изменение обстоятельств, на которые они были рассчитаны. Например, потеряли свой смысл и потому прекратили действие акты периода Великой Отечественной войны после ее окончания;

3) признание судами юридических норм неконституционными, незаконными или такими, которые не соответствуют юридической норме высшей юридической силы. Например, такие решения могут принимать Конституционный Суд и суды в порядке административного судопроизводства;

4) отмена юридической нормы другой юридической нормой.

Вычленение норм юридической политики, регламентирующих правовой статус конкретных органов государства, позволяет детально регулировать их структуру, компетенцию, формы и методы работы, взаимоотношение с другими звеньями государственного аппарата и гражданами, дает возможность осуществлять оперативную правовую фиксацию происходящих в них изменений.

Толкование норм юридической политики – самостоятельный процесс, с четкой выраженной целью, объектом и правилами осуществления, о чем мы говорили на протяжении всего исследования. Поэтому оно не является первоначальной стадией правоприменения. Толкование надлежит понимать как самостоятельный, предшествующий правоприменению процесс.

Существует проблема, связанная с судебным толкованием норм юридической политики. Формальное судебное толкование правил правовой политики требует углубленной профессиональной и теоретической подготовки. В частности, эта проблема важна при толковании международно-правовых принципов, конституционных норм, а также принципов, регулирующих принципы различных отраслей права.

В юридической науке неоднократно демонстрировалась необходимость создания федерального закона, регулирующего толкование принципов правовой политики, что также отражало бы: концептуальное значение понятия «юридическое толкование»; понятие «субъекты толкование»; принципы толкования; стадии толкования норм права; законодательную основу о пределах реализации толкования правовой политики.

В результате проведенного исследования было сделано несколько основных выводов:

Принципы правовой политики - это общий кодекс поведения, официально определенный или установленный правительством и направленный на регулирование общественных отношений.

Эти принципы можно определить как общий закон поведения, установленный в обществе в соответствии с признанной в нем мере свободы, разработанный (одобренный) и изданный правительством как важное правовое средство регулирования общественных отношений. Согласно существующей классификация нормы юридической политики можно подразделить, на те, что содержатся в тексте закона и имеют высшую юридическую силу, и нормы подзаконных актов, принимаемых государственно-властными структурами на основе, во исполнение и в соответствии с законом.

Определение принципов правовой политики – важнейший институт российской правовой системы. Это напрямую влияет на то, как правовые принципы будут использоваться в процессе регулирования общественных отношений, а также служит основой для создания правовых актов. Наибольшая часть проблем существует в отношении официального толкования. По-нашему мнению, разрешение многих вопросов возможно путем принятия федерального закона, регулирующего толкование норм юридической политики.

Однако учитывая, что данный институт не разработан в достаточной мере в настоящее время на практике остается достаточно много не разрешенных вопросов в отношении института толкования норм юридической политики.

Литература

1. Евсеев А.В., Лядов А.О., Петров И.В. Теория государства и права: учебное пособие. СПб., 2018. 200 с.
2. Клепицкая Т.А. Теория государства и права: учеб. пособие. 2-е изд. М.: РИОР. 2017. 126 с.
3. Комаров С.А. Общая теория государства и права: учебник. 8-е изд., исправленное и дополненное. М.-СПб., 2016. 608 с.
4. Марченко М.Н., Дерябина Е.М. Теория государства и права: учебник. М., 2018. 432 с.
5. Мицкевич А.В. Нормы права // Проблемы общей теории государства и права / Под ред. В.С. Нерсесянца. М., 2019. 348 с.
6. Морозова Л.А. Теория государства и права: учеб. М., 2020. 483 с.
7. Нерсесянц В.С. Общая теория государства и права. М., 2017. 391 с.

References

1. Evseev A.V., Lyadov A.O., Petrov I.V. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnoe posobie. SPb., 2018. 200 s.
2. Klepickaya T.A. Teoriya gosudarstva i prava: ucheb. posobie. 2-e izd. M.: RIOR. 2017. 126 s.
3. Komarov S.A. Obshchaya teoriya gosudarstva i prava: uchebnyk. 8-e izd., ispravlennoe i dopolnen-noe. M.-SPb., 2016. 608 s.
4. Marchenko M.N., Deryabina E.M. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnyk. M., 2018. 432 s.
5. Micevich A.V. Normy prava. Problemy obshchej teorii gosudarstva i prava. Pod red. V.S. Nersesyanc. M., 2019. 348 s.
6. Morozova L.A. Teoriya gosudarstva i prava: ucheb. M., 2020. 483 s.
7. Nersesyanc V.S. Obshchaya teoriya gosudarstva i prava. M., 2017. 391 s.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ДОБЫЧИ ОБЩЕРАСПРОСТРАНЕННЫХ ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ

Николаев Д.А.,
Казанский федеральный университет

Аннотация: в настоящей статье автором выявляются особенности предпринимательских правоотношений в сфере недропользования, в том числе в целях добычи общераспространенных полезных ископаемых. Автором определены критерии осуществления субъектами предпринимательства своей деятельности в указанной области, а также обозначены правового статуса участников (субъектов) предпринимательских правоотношений. Субъектов предпринимательства в недропользовании автором предлагается разграничить в зависимости от правового статуса участка недр на: обладающих правом пользования участками недр федерального значения; обладающих правом пользования на все остальные участками недр. Также в статье дается правовая характеристика объектам гражданских правоотношений в деятельности предпринимательских структур в сфере недропользования и добычи общераспространенных полезных ископаемых.

Ключевые слова: недропользование, право недропользования, предпринимательские правоотношения, субъекты предпринимательских правоотношений, полезные ископаемые

FEATURES OF BUSINESS LEGAL RELATIONS IN THE FIELD OF EXTRACTION OF COMMON MINERALS

Nikolaev D.A.,
Kazan Federal University

Abstract: in this article, the author identifies the peculiarities of entrepreneurial legal relations in the field of subsoil use, including for the purpose of extracting common minerals. The author defines the criteria for business entities to carry out their activities in this area, as well as the legal status of participants (entities) of entrepreneurial legal relations. The author proposes to distinguish the subjects of entrepreneurship in subsoil use depending on the legal status of the subsoil area on: those who have the right to use subsoil areas of federal significance; having the right to use all other subsoil areas. The article also gives a legal description of objects of civil legal relations in the activities of entrepreneurial structures in the field of subsoil use and the extraction of common minerals.

Keywords: subsoil use, subsoil use law, entrepreneurial legal relations, entities of entrepreneurial legal relations, minerals

Определенные критерии и особенности осуществления субъектами предпринимательства своей деятельности в недропользовании просматриваются достаточно явно в положениях современного законодательства о недропользовании, в том числе в сфере добычи общераспространенных полезных ископаемых (далее – ОПИ), по сравнению с большинством остальных институтов предпринимательства в недропользовании, что подтверждает актуальность научных изысканий по тематике данной статьи.

Стоит отметить, что в сфере добычи ОПИ предпринимательская деятельность реализуется во многих видах ОПИ субъектами хозяйственной деятельности. Предпринимательская деятельность в данной сфере не относится только лишь к таким основным видам деятельности, как разведка, добыча, поиск, оценка, транспортировка, переработка.

Закон «О недрах» регулирует отношения, которые возникают в области геологического изучения, разработки, использования, разведки, добычи трудноизвлекаемых полезных ископаемых и так далее. В данном законе предусматривается передача предпринимательским структурам участков недр в различных целях [1]. Стоит принять во внимание что структура, состав субъектов, цель предпринимательской деятельности в рассматриваемой сфере не меняется. Модификациям подлежат только направления и виды предпринимательской деятельности.

Следующей особенностью предпринимательской деятельности в сфере добычи ОПИ является особый статус имущественного комплекса, используемый для осуществления хозяйственной деятельности предпринимателями в области недропользования. Данный комплекс можно определить как горное имущество (созданное или приобретенное пользователем недр), под которым понимается совокупность недвижимого имущества, инфраструктура (оборудование, техническое оснащение) [2], созданные недропользователем на основной территории участка недр, что возможно в том числе за ее пределами, которые характеризуются определенным критерием – это необходимо исключительно в целях осуществления пользования недрами.

Недропользователь, при возврате участка недр государству, должен передать определенный имущественный комплекс, связанный с правом пользования недрами, если такой комплекс имелся на момент приема-передачи. В ином случае передача права недропользования может стать абсолютно бесполезной с точки зрения его дальнейшего использования новым пользователем (например, если на участке недр находится действующее месторождение).

Учитывая вышеизложенное необходимо согласиться с мнением некоторых ученых, в частности М. А. Бучаковой, о том, что совокупность правовых норм, регулирующие деятельность предпринимательских структур и субъектов в недропользовании можно определить как подотрасль (группу правовых норм из других отраслей права) в системе законодательства [3]. Так, предпринимательское право содержит нормы конституционного, административного, гражданского, налогового, земельного и других отраслей права, как и любая другая совокупность правовых норм, регулирующих отношения в определенной сфере. В сфере недропользования законодательство о предпринимательской деятельности, являющееся составляющим звеном включено в структуру предпринимательского права. Именно в этой области хозяйственных отношений предпринимательское право является правовым средством обеспечения институционального развития предпринимательской сферы в Российской Федерации и обеспечивает административное регулирование [4].

Представители гражданско-правовой науки, в частности А.М. Васильев и Н.А. Васильева, единодушны в важных моментах относительно понятия «правоотношение», которые можно свести к следующим положениям:

— вступление в определенное правоотношение является результатом реализации своего правомочия лицом, имеющим право на осуществление определенного вида деятельности;

— у каждого вида правоотношения имеется собственная структура, субъектный состав, общие и специфические признаки, определенная совокупность правовых норм, регулирующих его возникновение, развитие и прекращение [5].

Итак, категорию «предпринимательское правоотношение» мы предлагаем сформулировать на основе понятия «предпринимательская деятельность» (пункт 3 части 1 статьи 2 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) [6]). В соответствии с содержанием вышеназванной нормы складывается представление: а) о средствах правового регулирования; б) об объектах предпринимательского правоотношения; в) о структуре и об особенностях, отличающих предпринимательские от другого рода хозяйственных отношений; г) об основаниях возникновения предпринимательских правоотношений.

По нашему мнению, особенностью предпринимательских правоотношений является воздействие участников друг на друга и на материальные блага. Сущность данного воздействия заключается в том, что материальные блага приобретаются в ходе реализации хозяйственной деятельности между ними.

Стоит рассмотреть определённый механизм действия правового отношения, который выделяется таким автором как А.Р. Курбанов. Уполномоченная сторона оказывает определённое влияние на другую сторону, посредством своего поведения. Именно другая сторона должна гарантировать исполнение обязательств [7].

Как правило, недропользователь в соответствии с договором воздействует на месторождение, чтобы выполнить свои обязательства. То есть недропользователь передаёт государству часть добытой им продукции. Государство же в свою очередь, выступая в качестве уполномоченного органа, должен потребовать от недропользователя выполнить обязательства в соответствии с договором во время добычи полезных ископаемых.

Необходимым также в рамках данной статьи является рассмотрение вопроса об объекте гражданских правоотношений. Стоит заметить, что в сфере недропользования объект гражданских правоотношений является связующим звеном в сфере предпринимательства.

Объект гражданского правоотношения, на наш взгляд, это благо, представляющее собой результат процесс его создания. Если же рассматривать точки зрения различных авторов, то некоторые из них полагают, что поведение человека формируется под воздействием объекта гражданского правоотношения [7]. По мнению цивилистов, объектом гражданского правоотношения выступает всегда вещь [8].

К вещам относятся, например, продукты человеческого труда, объекты человеческой жизнедеятельности, предметы, которые созданы природой. То есть другими словами, вещи – это материальные и нематериальные предметы окружающего мира, которые существуют независимо от субъекта [9]. В гражданском праве определение относится лишь к тем вещам, которые относятся к сфере удовлетворения потребностей человека. Объектом гражданских правоотношений не могут выступать те предметы, которые не обладают полезными качествами или предметы, недоступные в полной мере человечеству.

Таким образом, в качестве вещи в гражданском праве выступают известные либо же предполагаемые месторождения, полезные ископаемые, которые для потребителей являются ценными.

В рамках настоящей статьи, недра выступают в качестве специфической вещи. Следовательно, необходимо обратить внимание, прежде всего, на возникновение таких вопросов, которые касаются ограничения недр от земли и определения, в общем смысле этого слова, самого понятия недра. Как правило, вышеуказанное, прежде всего, объясняется тем, что ОПИ и полезные ископаемые, относящиеся в свою очередь к структурной долей недр, таким образом, выходить могут на поверхность земли.

Полезные ископаемые можно классифицировать как вещи в аспекте их вовлечения в гражданский оборот и свободного обращения – это является основным правилом. А исключение из данного постулата – ограничение оборотоспособности (или изъятие из гражданского оборота).

Природные ресурсы, в том числе земля, могут переходить от одного лица к другому или отчуждаться иными способами в той мере, в какой их оборот допускается законодательными актами, что также применимо к общераспространенным полезным ископаемым (пункт 3 ст. 129 ГК РФ).

Далее определим видовые группы ОПИ, которые выделяются как федеральным, так и региональным законодательством.

В частности к ним относятся: месторождения природного камня (притрассовые месторождения, карьеры), резервы грунта (грунтовые запасы), месторождения под водоемами (в иных водных объектах) и т.д.

Отметим, что выделения среди ОПИ их разновидностей имеет юридическую значимость и состоит в необходимости установить специфику их правового регулирования.

Так, учитывая целевое назначение добываемых общераспространенных полезных ископаемых (например, для проведения строительных работ, дорожных работ); характер сезонности добычи общераспространенных полезных ископаемых из водных месторождений; сниженный срок пользования недрами (права недропользователю предоставляются на срок эксплуатации и (или) реконструкции дорог при разработке притрассовых карьеров; на срок, предусмотренный проектом строительства, или на срок до пяти лет для проведения строительных работ по возведению сооружений в целях разработки резервов грунтов; на срок до 5 лет в целях разработки месторождений при водных объектах) – мы делаем вывод о том, что по сравнению с остальными ОПИ, право добычи полезных ископаемых из карьеров, резерва грунтов, месторождений при водных объектах предоставляются на более льготных условиях. Лицензионный порядок упрощен, а выдача лицензии на право вести разработку вышеуказанных месторождений осуществляется без проведения конкурсов и аукционов.

Отметим также, что, месторождения ОПИ, относящиеся к участкам, не относятся лишь к участкам местного назначения. По нашему мнению следуют разделить на недра регионального и федерального значения.

В данную группу ОПИ не включены недра федерального значения, по мнению законодателя, которые служат для того, чтобы удовлетворять государственные нужды.

При этом если понимать под участками недр местного значения все участки недр, на которых залегают месторождения общераспространенных полезных ископаемых, то могут возникнуть определенные коллизии. Например, существуют участки недр, используемые для удовлетворения потребностей одного региона, в пределах которого залегают месторождения ОПИ. Также существуют месторождения ОПИ межрегионального значения (Томская область, Тюменская область).

На наш взгляд, участки недр, которые не относятся к участкам регионального и федерального значения, а также по глубине ограниченные пятью метрами, как правило, необходимо относить к участкам недр местного значения. В пределах таких участков не должно быть месторождений не ОПИ (газ, нефть и т.д.).

Участки недр, не отнесенные к участкам федерального значения, содержащие месторождения ОПИ, по мнению автора статьи, следует относить к участкам недр регионального значения.

В таком случае станет возможным определение целей и критерий выделения участков недр местного значения.

Следовательно, становится возможным выделение определённой классификации субъектов предпринимательства. За основу классификации будет взят критерий правового статуса участка недр, как было ранее выявлено, регионального и федерального значения: 1) субъекты предпринимательства, имеющие право пользоваться участками недр федерального назначения; 2) субъекты предпринимательства, которые могут пользоваться всеми другими участками.

Стоит обратить внимание также на тот факт, что в качестве ключевого критерия предпринимательских отношений выделения субъектов предпринимательской деятельности, выступает право пользования участком недр. Кроме того, определить полностью круг субъектов предпринимательской деятельности в сфере добычи общераспространенных полезных ископаемых также позволяет использование данного критерия.

Литература

1. Закон РФ от 21.02.1992 № 2395-1 (ред. от 08.12.2020) «О недрах» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:<http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 15.09.2021)
2. Салиева Р.Н. Правовой режим результатов проведения геологоразведочных работ // Проблемы горного и экологического права в нефтегазовом комплексе (вып. 4): Труды кафедры горного права / Под общей ред. А.И. Перчика. Оренбург: Печатный дом «Димур», 2004. С. 54 – 55.
3. Бучакова М.А. К вопросу о совершенствовании законодательства об административной ответственности в области недропользования // Актуальные проблемы частного права: материалы межведомств. науч.-практ. конф. / отв. за вып. К.В. Карпов, Д.С. Рудьман. Омск: ОМА МВД России, 2019. С. 14 – 17.
4. Васильев А.М., Васильева Н.А. Гражданское право: учебно-методическое пособие. Армавир: Изд-во Краснодарского краевого института дополнительного профессионального педагогического образования, 2015. С. 81.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:<http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 15.09.2021)
6. Курбанов Р.А., Белялова А.М., Лалетина А.С. Гражданское право. Общая и особенная части. М.: Проспект, 2020. С. 51.
7. Агарков М.М. Обязательства по советскому гражданскому праву. М., 1940. С. 22.
8. Короткова М.В. Объекты вещных прав в гражданском законодательстве России // Образование и право. 2020. № 4. С. 41 – 50.

References

1. Zakon RF ot 21.02.1992 № 2395-1 (red. ot 08.12.2020) «O nedrah». Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii [Elektronnyj resurs]. URL:<http://www.pravo.gov.ru/> (data obrashcheniya: 15.09.2021)
2. Salieva R.N. Pravovoj rezhim rezul'tatov provedeniya geologorazvedochnyh rabot. Problemy gornogo i ekologicheskogo prava v neftegazovom komplekse (vyp. 4): Trudy kafedry gornogo prava. Pod obshchej red. A.I. Perchika. Orenburg: Pечатnyj dom «Dimur», 2004. S. 54 – 55.
3. Buchakova M.A. K voprosu o sovershenstvovanii zakonodatel'stva ob administrativnoj otvetstvennosti v oblasti nedropol'zovaniya. Aktual'nye problemy chastnogo prava: materialy mezhvedomstv. nauch.-prakt. konf. otv. za vyp. K.V. Karpov, D.S. Rud'man. Omsk: OMA MVD Rossii, 2019. S. 14 – 17.
4. Vasil'ev A.M., Vasil'eva N.A. Grazhdanskoe pravo: uchebno-metodicheskoe posobie. Armavir: Izd-vo Krasnodarskogo kraevogo instituta dopolnitel'nogo professional'nogo pedagogicheskogo obrazovaniya, 2015. S. 81.
5. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 09.03.2021). Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii [Elektronnyj resurs]. URL:<http://www.pravo.gov.ru/> (data obrashcheniya: 15.09.2021)
6. Kurbanov R.A., Belyalova A.M., Laletina A.S. Grazhdanskoe pravo. Obshchaya i osobennaya chasti. M.: Prospekt, 2020. S. 51.
7. Agarkov M.M. Obyazatel'stva po sovetskomu grazhdanskomu pravu. M., 1940. S. 22.
8. Korotkova M.V. Ob"ekty veshchnyh prav v grazhdanskom zakonodatel'stve Rossii. Obrazovanie i pravo. 2020. № 4. S. 41 – 50.

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВАНДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РОССИИ, БЕЛАРУСИ И ГЕРМАНИИ**

**Блинова О.А., кандидат философских наук, доцент,
Девятковская И.В., кандидат психологических наук, доцент,
Уральский государственный педагогический университет**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке
Российского научного фонда, проект № 17-18-01278*

Аннотация: в статье представлены результаты сравнительного анализа статей Уголовного Кодекса Российской Федерации, уголовного кодекса Республики Беларусь и *Strafgesetzbuch* Федеративной Республики Германия, направленных на защиту общественных отношений и общественного порядка от вандализма. Целью проведения данного исследования явилось стремление к формированию целостного понимания явления вандализма с точки зрения нормативных оценок. Основным методом исследования был выбран сравнительно-правовой анализ соответствующих норм права указанных стран. Результатом проведенной работы стало определение общих подходов, а также различий в структуре правовых норм трех государств. Выявлены различия в терминологии, наличие сопутствующих норм, защищающих от схожих с вандальными посягательствами на общественный порядок, общественные отношения, а также личные имущественные права.

Ключевые слова: вандализм, хулиганство, правонарушения, уголовное право, административное право, Уголовный Кодекс, Российская Федерация, Республика Беларусь, *Strafgesetzbuch* Федеративной Республики Германия, сравнительно-правовой метод

**LEGAL REGULATION OF VANDAL BEHAVIOR: COMPARATIVE ANALYSIS
OF THE CRIMINAL LEGISLATION OF RUSSIA, BELARUS AND GERMANY**

**Blinova O.A., Candidate of Philosophical
Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Devyatovskaya I.V., Candidate of Psychological
Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Ural State Pedagogical University**

Abstract: the article presents the results of a comparative analysis of articles of the Criminal Code of the Russian Federation, the Criminal Code of the Republic of Belarus and the *Strafgesetzbuch* of the Federal Republic of Germany aimed at protecting public relations and public order from vandalism. The purpose of this study was the desire to form a holistic understanding of the phenomenon of vandalism from the point of view of normative assessments. The main method of research was a comparative legal analysis of the relevant legal norms of these countries. The result of the work carried out was the definition of common approaches, as well as differences in the structure of legal norms of the three states. Differences in terminology, the presence of accompanying norms protecting against similar vandal encroachments on public order, public relations, as well as personal property rights are revealed.

Keywords: vandalism, hooliganism, offenses, criminal law, administrative law, Criminal Code, Russian Federation, Republic of Belarus, *Strafgesetzbuch* of the Federal Republic of Germany, comparative legal method

Введение

Последствия вандального поведения молодежи хорошо знакомы представителям каждой страны. Несмотря на особенности исторического, культурного, политического и социально-экономического развития, молодые люди, побуждаемые целым комплексом мотивов, используют вандализм как способ социальной коммуникации. Юристы, психологи, педагоги и другие ученые, как правило, рассматривают вандализм как форму отклоняющегося поведения, идущего вразрез с институальными ожиданиями [9]. Эти ожидания могут определяться историческими, географическими, культурными и аксиологическими особенностями государства – места проживания вандалов. Сравнение уголовного законодательства РФ и Республики Беларусь объясняется влиянием на общественное развитие похожих исторических, культурных, социально-политических факторов. Германия представляет собой государство с иным культурным, социально-

экономическим и политическим генезисом. В этой связи сравнение норм права в отношении поведения, которое является ярким примером отклонения от социальной нормы, представляет исследовательский и практический интерес.

Несмотря на то, что вандализм традиционно подвергается общественному осуждению, количество рассматриваемых по ст. 214 УК РФ дел настолько мало, что они обычно не фигурируют в отчетах МВД, а наказание за данное преступление в России незначительное [10]. Например, за 2020 г. судами было рассмотрено 210 дел (что почти на 10% больше, чем в 2019г.) по ст. 214, из них 173 дел по ч. 1 и 37 дел по ч. 2 статьи. Все обвиняемые по данной статье были признаны виновными. Тем не менее, стоит отметить определенную мягкость вынесенных решений, так приговор, связанный с лишением или ограничением свободы, получили чуть более 16% обвиняемых (все приговоры по ч. 2 рассматриваемой статьи), тогда как более 80% решений, это штрафы, исправительные и обязательные работы [18].

В Германии к вандализму относят в первую очередь порчу имущества: разрушение остановочных комплексов, уничтожение витрин, причинение вреда автомобилям и т.д. Согласно данным федерального управления уголовной полиции (Bundeskriminalamt) за 2020 год по §§303-305а было зарегистрировано 576 444 случая, что составляет 10,85% от всех зарегистрированных в стране преступлений [25]. Необходимо отметить, что вандализмом являются не все преступления по указанным статьям. Согласно статистическим данным, около 20% преступлений классифицируются как «иные повреждения имущества на улицах, тротуарах и общественных местах» (“sonstige Sachbeschädigung auf Straßen, Wegen oder Plätzen”). В 2020 г., несмотря на пандемию и введение комендантского часа в Германии, было зарегистрировано на 13 тыс. больше заявлений по поводу нанесения граффити и причинения, таким образом, ущерба объектам [25].

В Уголовном кодексе Белоруссии, как и в законодательстве ФРГ отсутствует норма, направленная на противодействие вандализму. Согласно имеющимся в открытом доступе обобщенным данным Верховного Суда Республики Беларусь [3], в 2019 г. было осуждено 727 несовершеннолетних. Из них по схожим с вандальными действиями статьям, 182 человека, что составляет четверть от всех осужденных. В отличие от российских коллег белорусские судьи были настроены более жестко, что проявилось в приговорах, где для более 28% обвиняемых несовершеннолетних приговором стало либо лишение, либо ограничение свободы. Отсутствует информация о том, сколько человек из них составляют осужденные по ст. 218, 339, 341, 344, 345, 346 или 347, тем не менее, отмечается тенденция усиления мер воздействия на правонарушителей.

В уголовных кодексах России (УК РФ), Белоруссии (УК РБ) и Strafgesetzbuch Германии (StGB) много общего:

- происхождение из романо-германского права;
- опора на формальные, писанные нормы;
- одинаковая конструкция – состав преступления;
- распределенный характер, т.е., наличие иных норм, схожих с вандализмом;
- единые принципы, такие как законность, справедливость, гуманизм и пр. [16].

При выборе стран для проведения сравнительно-правового анализа мы опирались с одной стороны на имеющиеся в происхождении их законодательств схожих черт, а с другой, 0150 на их различия, выражающиеся в специфике управления государством, реализации демократических прав и свобод и географической принадлежности. Так Германия является страной Евросоюза, разделяющей свойственные ему ценности, уважение человеческого достоинства, принцип демократии, принцип равенства, принцип солидарности, принцип правового государства. Россия, находящаяся на границе Европы и Азии, – страна самобытной культуры и истории, для которой первоочередными являются семейные, общинные ценности и самодержавный менталитет, с одной стороны, и ценности партнерства, самоуважения, активное политическое участие, стабильность и безопасность [19], – с другой. Республика Беларусь занимает между ними срединное положение, где советское прошлое генетически роднит ее с Россией, ее культурой, историей и правом, но географическая близость к Евросоюзу преобразует белорусское постсоветское пространство в пространство проникновения европейских демократических ценностей свободы, независимости, принципа активного участия в жизни общества и страны. Поэтому мы полагаем, что обозначенные государства позволят наиболее четко проследить международное единство правовых норм, но с учетом государственной специфики.

Вандализм в Германии, в отличие от России и Беларуси, где вандальные действия неумышленного характера и не причиняющие значительного ущерба регламентируются нормами административного права, рассматривается в основном как уголовно наказуемое деяние, что регулируется в §303 УК (StGB) [31].

Обращение к работам российских и белорусских ученых показывает, что в современных исследованиях вандализма доминирует социально-психологический фокус (Кружкова О.В., Воробьева И.В. [4], Ватова

Л.С. [2], Менделевич В.Д. [12], Ахрамович А.А. [1] и др), где последний предстает как форма девиантного и деструктивного поведения. Работ юристов о вандализме крайне мало. Исследование уголовного права Германии представлено в работах Серебренниковой А.В. [17], Иногамовой-Хегай Л.В. [7], Жалинского А.Э. [4], но проблема вандализма в них только обозначается. В немецкоязычной литературе незначительно выделена линия изучения вандализма как правонарушения [26, 27, 28, 29]. Анализ уголовного законодательства Беларуси в части правонарушений, схожих с вандализмом, можно обнаружить в статьях Петрянина А.В. [15], Мартыненко И.Э. [11], Петров С.А. [14] и др.

Учитывая отсутствие в российской, белорусской и немецкой юриспруденции подобных компаративных исследований, считаем актуальным проведение сравнительно-правового анализа уголовного законодательства Российской Федерации, Республики Беларусь и Федеративной Республики Германия, а также судебной практики указанных стран, с целью выявления согласно выделенным критериям сходств и различий правового отношения к вандальным действиям со стороны обозначенных государств.

Методы

Основу исследования составил сравнительно-правовой анализ норм уголовного законодательства Российской Федерации, Республики Беларусь и Федеративной Республики Германия, регулирующих вандальное поведение. Для осуществления сравнительно-правового метода нами был проведен анализ соответствующих правовых норм по следующим критериям:

- диспозиция нормы, указывающая на возникновение обстоятельств, приводящих норму в действие;
- объективная сторона, показывающая, какой именно сфере жизни общества угрожают деяния, указанные в норме;
- субъективная сторона, указывающая на форму, умысел или неосторожность, совершения преступления;
- цель и мотив, т.е. желаемый результат и причины, породившие необходимость его достижения;
- субъект или актор анализируемых деяний;
- санкции, т.е. те неблагоприятные последствия, которые наступят, если субъект проигнорирует обозначенное в норме требование к необходимому поведению.

Результаты

По итогам проведения сравнительно-правового анализа статей УК РФ, УК РБ и StGB ФРГ были получены следующие результаты (табл. 1).

Таблица 1

Результаты сравнительно-правового анализа

Критерии	Российская Федерация	Федеративная Республика Германия	Республика Беларусь
диспозиция	предмет преступления: осквернение и разрушение зданий, либо порча имущества в общественных местах	предмет преступления: повреждение сооружений общественного значения, либо предметов общественного достояния	предмет преступления: осквернение и разрушение зданий, повреждение чужого имущества, повреждение государственных хозяйственных и историко-культурных объектов
объективная сторона	непосредственный объект преступления: общественный порядок; дополнительный объект преступления – общественные отношения	непосредственный объект преступления: имущественные отношения; дополнительный объект преступления – общественный порядок	непосредственный объект преступления: общественный порядок и отношения нравственности; дополнительный объект преступления – общественные отношения и отношения собственности
субъективная сторона	умышленное преступление		
мотив и цель	трудно определяемы в силу иррационального характера преступления	цель – причинение вреда; мотив может быть личным, но может носить и иррациональный характер	трудно определяемы в силу иррационального характера преступления

Продолжение таблицы 1

субъект	лицо, достигшее возраста 14 лет	лицо, достигшее возраста 16 лет, а отдельных случаях, лица, достигшие 14 лет
санкция	минимальное наказание – штраф, максимальное – лишение свободы	
	лишение свободы на срок до трех лет	лишение свободы на срок до 5 лет
		лишение свободы на срок до трех лет (в отдельных случаях, ч. 2. ст. 218, ч. 3. ст. 339 и ч. 2. ст. 345, до 12 лет)

Обсуждение

Вандализм как отдельное преступление регулируется уголовным законодательством РФ с 1996 года, с момента принятия действующего УК. Вандализму, как отдельному преступлению, посвящена ст. 214, гласящая, что вандализм “есть осквернение зданий или иных сооружений, порча имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах”, либо “Те же деяния, совершенные группой лиц, а равно по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы” [21].

Уголовное законодательство ФРГ в значительной мере в своей основе было длительное время ориентировано на Уголовный кодекс 1871 г., который в настоящее время подвергся существенному реформированию. В действующем УК ФРГ, в редакции от 13 ноября 1998 г., напрямую понятие «вандализм» не употребляется. Отсутствие термина «вандализм» в действующем УК ФРГ объясняется историческими особенностями его происхождения [31]. Тем не менее, ряд преступных действий, связанных с повреждением или разрушением имущества в общественных местах, в определенной мере, подпадают под признаки вандализма. В §304 указано, что повреждение или разрушение предметов, служащих объектом почитания на территории государства, религиозного общества, а также вещи, предназначенные для богослужения, или надгробные памятники, общественные и природные, предметы искусства, науки, ремесла, хранящиеся в общественных собраниях или публично выставленные, а также предметы, которые служат общественным нуждам либо для украшения дорог, площадей и сооружений, наказывается лишением свободы или денежным штрафом [31]. А в §305 закреплена ответственность за разрушение сооружений, железных дорог, автомобилей, улиц и пр. [31]. Поджоги, как разновидность вандального поведения (§306 StGB) являются преступлением (например, поджог здания в котором находятся, или теоретически могут находиться, люди), но в некоторых случаях могут наказываться как уголовные проступки (например, бросание коктейлей Молотова в здание, в котором не находятся люди).

Уголовное право Беларуси ведет свое начало с создания древнебелорусского государства, уже тогда была установлено привычное сегодня понимание формы совершения преступления, умысел/неосторожность и подобные современным санкции, штраф или тюремное заключение. Современный Уголовный кодекс Беларуси был составлен в 1999 г., [20] после распада СССР и был вызван к жизни теми изменениями, что произошли в стране за прошедший период. Поскольку в УК СССР не было статьи “Вандализм”, не появилась она и УК РБ, тем более что уголовное законодательство нуждалось в серьезной корректировке. Подобно Уголовному кодексу Германии, в Уголовном кодексе Беларуси есть статьи, направленные на защиту общественного порядка и общественных отношений от негативного воздействия от деяний, схожих с вандализмом, как он понимается в Уголовном кодексе России. К таковым можно отнести ст. 218, 309, 339, 341, 345, 346 и 347, предполагающие наказание не только за разрушение зданий, оставление несанкционированных надписей, но и за вред, наносимый транспорту, культурно-историческим объектам, а также надгробиям и телам умерших.

Диспозиция ст. 214 УК РФ в качестве вандализма определяет следующие деяния, посягающие на общественный порядок и общественные отношения:

- осквернение зданий и сооружений, независимо от формы собственности. Под осквернением подразумевается нанесение надписей и рисунков отрицательного содержания;
- порча имущества на общественном транспорте и в иных общественных местах.

Проведя общий анализ диспозиций обозначенных статей УК РБ, можно сделать вывод, что объектом правонарушений являются общественный порядок и отношения нравственности. В качестве дополнительного объекта можно выделить общественные отношения. С точки зрения белорусского законодателя (ст.

341 УК РБ) под осквернением понимается такое повреждение зданий или сооружений, при котором сохраняется возможность их эксплуатации, но значительно ухудшается их эстетическое восприятие.

Согласно диспозиции уголовно-правовой нормы ФРГ, основным (непосредственным) объектом преступления является посягательство на отношение собственности, а общественный порядок - дополнительный объект.

Анализируя объективную сторону преступного деяния, отметим, что в §304 УК ФРГ термин «осквернение» отсутствует, но вытекает из смысла закона или частично подразумевается [13]. Предположим, что преступление, регламентированное §304 и §305 УК ФРГ, по своим объективным признакам имеет некоторую схожесть с вандализмом, определяемым в ст. 214 УК РФ. «Осквернение» в понимании белорусского законодательства отличается от российского, т.к. в нем акцент ставится не только на утрате функциональности, но и эстетических качеств объекта. Причем, эстетическая составляющая является приоритетной.

Предмет преступления в §§304-305 УК ФРГ и ст. 218, 309, 339, 341, 345, 346 и 347 УК РБ представлен шире, чем в ст. 214 УК РФ. К нему относятся не только предметы общественного достояния, но культурно-исторические (Беларусь), а также предназначенные для богослужения общественные памятники (Германия). Таким образом, преступные деяния, предусмотренные указанными статьями и рассматриваемые как вандализм совпадают.

Санкция ст. 214 предполагает наказание от штрафа до лишения свободы до трех лет. Ч. 1 данной статьи предусматривает более мягкое наказание – либо штраф, либо исправительные или принудительные работы, либо арест до трех месяцев, а ч. 2, предполагает не только штраф и работы, но и ограничение, либо лишение свободы на срок до трех лет. Похожую санкцию обнаруживаем и в §§304-305 УК ФРГ и ст. 218, 309, 339, 341, 345 и 346 УК РБ. Если в ст. 214 УК РФ и соответствующих статьях УК РБ размер штрафа четко определен, то в УК ФРГ сумма штрафа не указывается. Санкция в виде лишения свободы четко обозначена лишь в § 305, до 5 лет, в УК РФ и РБ – до трех лет, но УК РБ в отдельных случаях предполагает и более длительный срок – до 12 лет. Анализируя статьи, касающиеся вандажных действий в уголовных нормах России, Беларуси и Германии, видим, что российское и белорусское законодательства различают вандажные действия по своей тяжести, применяя к ним разные санкции, тогда как из немецкой нормы сложно сделать вывод о том, в каком случае осужденный в качестве меры пресечения получит штраф, а в каком – будет лишен свободы. Кроме этого, российский и белорусский УК более разнообразны в определении наказания за вандажные действия, что, на наш взгляд, позволяет назначить меру пресечения сообразную тяжести совершенного деяния.

Очень часто вандализм путают с хулиганством, регулируемым ст. 213 УК РФ. Во избежание этого, необходимо обратиться к Постановлению Пленума Верховного Суда от 15 ноября 2007 г. №45 [16], где четко обозначено, какие именно деяния подпадают под действие ст. 213. В УК РБ данное преступление также выделено в отдельную нормы – ст. 339. В УК ФРГ выделить подобную норму достаточно проблематично. Сравнивая понимание хулиганства в России, Беларуси и Германии, можно обратиться к §125, понимающему хулиганство, как преступления против общественного порядка, но направленные, в первую очередь, против личности и ее имущества, а, значит, не являющиеся вандализмом.

Нанесение надписей или рисунков позитивного содержания с юридической точки зрения не имеет состава преступления, а, значит, вандализмом не является и ст. 214 не регулируется. Подобные действия с точки зрения действующего законодательства РФ подпадают под ст. 167 УК РФ или под ст. 7.17 КоАП РФ [8].

Разрушение надгробий или осквернение захоронений, ассоциирующиеся в сознании обывателя с вандализмом, таковыми не являются и регулируются ст. 244 УК РФ. Разрушение или осквернение национальных памятников – ст. 243 УК РФ. В связи с надругательством над памятниками советским военачальникам в странах Европы принят №112-ФЗ (от 7.04.2020), охраняющий целостность воинских захоронений и мемориалов [23]. Подобное содержание наблюдаем в §168 УК ФРГ [28]. Защита памятников в немецком законодательстве регулируется §314 Gemeingefährliche Vergiftung [31]. В уголовном законодательстве Беларуси на защиту памятников, представляющих историко-культурную ценность, и на защиту надгробий могил и тел умерших направлены ст. 345-347 [20]. Отличием белорусской нормы является то, что она направлена на защиту не только действующих историко-культурных памятников, но и потенциальных, т.е. объектов, которые могут получить такой статус.

В отличие от УК РФ и РБ в Германии StGB защищает от вандажных посягательств исполнение религиозных обрядов, культовые здания и сооружения, а также веру в целом (§§166-168): §166 Beschimpfung von Bekenntnissen («Оскорбление церкви и веры»); §167 Störung der Religionsausübung («Воспрепятствование совершению религиозных обрядов») [31]. В России и Беларуси эта функция возложена на Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 №125-ФЗ [24] и Закон Республики

Беларусь от 17 декабря 1992 г. №2054-ХП “О свободе совести и религиозных организациях” [6] соответственно.

Подводя итог, отметим, что несмотря на то, что трактовка понятия “вандализм” в российском уголовном праве достаточно узкая, а в немецком и белорусском ее нет вообще, все три законодательства предусматривают иные, более конкретные формулировки действий вандального характера, в зависимости от государственной и культурной значимости объекта, подвергнувшегося воздействию, и предусматривают наказание, соразмерное тяжести совершенного деяния.

Заключение

Проведенный сравнительно-правовой анализ УК РФ, УК РБ и StGB ФРГ позволяет сделать следующие выводы:

1. В уголовном праве рассматриваемых стран норма права, посвященная вандализму имеет схожую диспозицию, субъективную сторону, цель, мотив и санкцию. Незначительное различие составляет лишь объективная сторона.

2. В России и Германии одинаковый возраст привлечения к ответственности за совершение вандальных действий – 14 лет, тогда как в Беларуси согласно части статей (ст. 218, 309, 339 и 341) – возраст также 14 лет, а в ч. 1. ст. 218 и ст. 344-347 субъектом является лицо, достигшее 16 лет.

3. Уголовные кодексы трех стран характеризуются расширенным представлением о вандальных действиях, их квалификации и наказании.

4. Россия, Беларусь и Германия различаются принципами учета преступлений, связанных с вандальными действиями.

5. УК РФ и УК РБ, в отличие от StGB ФРГ, – законодательства единого правового генезиса, что обуславливает понятийную и содержательную схожесть их статей.

Полученные результаты могут быть использованы специалистами для изучения специфики подходов к нормативной оценке вандальных актов и правового статуса вандализма в различных странах.

Литература

1. Ахрамович А.А. Понятие вандального поведения как общественного феномена // Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. статей. Минск: РИВШ, 2019. С. 15 – 23. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/231974>

2. Ватова Л.С. Социально-психологические основания молодежного вандализма и его профилактика. М.: Народное образование, 2007. 298 с.

3. Верховный Суд Республики Беларусь // Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь URL: http://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/children/06b26806148f4786.html

4. Воробьева И.В., Кружкова О.В. Психология вандального поведения: монография. Екатеринбург, УрГПУ, 2015. 292 с.

5. Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право. М.: ТК Велби, Проспект, 2006. 560 с.

6. Закон Республики Беларусь от 17 декабря 1992 г. №2054-ХП “О свободе совести и религиозных организациях”. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=V19202054>

7. Иногамова-Хегай Л.В. Международное уголовное право : учебное пособие для магистрантов. М.: Проспект, 2015. 112 с.

8. "Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 09.11.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2021)

9. Коэн А. Исследование проблем социальной дезорганизации и отклоняющегося поведения / Социология сегодня. М.: Прогресс, 1965. С. 519 – 550. URL: <https://nauchi.livejournal.com/12701.html>

10. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2019 года. URL: <https://xn-b1aew.xn-p1ai/reports/item/19412450/>

11. Мартыненко И.Э. Преступления против историко-культурного наследия в составе уголовного законодательства республики беларусь и стран СНГ // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2014. № 2 (28). С. 135 – 140. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36942327>

12. Менделевич В.Д. Психология девиантного поведения: учебное пособие. М.: МЕД-пресс, 2011. 432 с.

13. Павлов В.Г. Вопросы ответственности за вандализм в зарубежном уголовном законодательстве // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2014. № 4 (25). С. 95 – 100.

14. Петров С.А. Уголовная ответственность за отдельные виды транспортных преступлений по уголовному законодательству России и Республики Беларусь // Борьба с преступностью: теория и практика: Тезисы докладов VII Международной научно-практической конференции. Редколлегия: Ю.П. Шкаплеров и др. 2019. С. 73 – 78 URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37254094>

15. Петрянин А.В. Специфика уголовно-правового противодействия экстремизму на территории постсоветского пространства (на примере анализа законодательства Республики Беларусь и Грузии) // Вестник Нижегородской академии МВД России, 2014. № 4 (28). С. 160 – 164 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-ugolovno-pravovogo-protivodeystviya-ekstremizmu-na-territorii-postsovetskogo-prostranstva-na-primere-analiza>

16. Постановление Пленума Верховного Суда от 15 ноября 2007 г. № 45 “О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений”. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72601/

17. Серебренникова А.В. Уголовно-правовая доктрина ФРГ о системе Особенной части уголовного кодекса Германии // Interactive science. 2016. № 7. С. 59 – 62. DOI: 10.21661/i-113101

18. Судебная статистика РФ. URL: <http://stat.xn---7sbqk8achja.xn-p1ai/stats/ug/t/14/s/17>

19. «Трансформация настроений россиян на фоне кризиса 2020 года». Отчет Центра стратегических разработок (ЦСР) и АНО "Национальные приоритеты". URL: <https://tass.ru/press/10725>

20. «Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-3 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 26.05.2021 г.) URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984&doc_id2=30414984#activate_doc=2&pos=94;-80&pos2=2982;-78

21. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. От 27.10.2020) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

22. Уголовный кодекс ФРГ в редакции от 13 ноября 1998 года

URL: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran.html>

23. Федеральный закон от 07.04.2020 N 112-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/61497.html/>

24. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 № 125-ФЗ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/

25. Anzahl der polizeilich erfassten Fälle von Sachbeschädigungen durch Graffiti in Deutschland von 2011 bis 2020. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/702081/umfrage/polizeilich-erfasste-faelle-von-sachbeschadigungen-durch-graffiti-in-deutschland/>

26. Cohen S., C. Ward (Ed.) Destruction of property: Motives and meanings. Vandalism. London: The Architectural Press, 1973, 23-53

27. Fischer T., Schwarz O.G., Dreher E., Troendle H. Strafgesetzbuch mit Nebengesetzen. München: C.H. Beck, 2019. 2745 s.

28. Joecks W., Klaus M. Münchener Kommentar zum Strafgesetzbuch. München: C.H. Beck, 2020.

29. Hirtenlehner H., Leitgöb H., Stiebellehner K., Birklbauer A., Bacher J.: Vandalismus und Sachbeschädigungsdelinquenz von Kindern und Jugendlichen. ZJJ. 2019. № 2. P. 120 – 132.

30. Kube E., Schuster L. Vandalismus. Erkenntnisstand und Bekämpfungsansätze. Wissbaden. 1983.

31. Strafgesetzbuch (StGB) Bundesrepublik Deutschland In der Fassung der Bekanntmachung vom 13.11.1998 (BGBl. I S. 3322) Stand: 01.09.2020 aufgrund Gesetzes vom 15.11.2019 (BGBl. I S. 1604). URL: <https://dejure.org/gesetze/StGB>

References

1. Ahramovich A.A. Ponyatie vandal'nogo povedeniya kak obshchestvennogo fenomena. Istoricheskie i psichologo-pedagogicheskie nauki: sb. nauch. statej. Minsk: RIVSH, 2019. S. 15 – 23. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/231974>

2. Vtova L.S. Social'no-psihologicheskie osnovaniya molodezhnogo vandalizma i ego profilaktika. M.: Narodnoe obrazovanie, 2007. 298 s.

3. Verhovnyj Sud Respubliki Belarus'. Internet-portal sudov obshej yurisdikcii Respubliki Belarus' URL: http://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/children/06b26806148f4786.html

4. Vorob'eva I.V., Kruzhkova O.V. Psihologiya vandal'nogo povedeniya: monografiya. Ekaterinburg, UrGPU, 2015. 292 s.

5. ZHalinskij A.E. Sovremennoe nemeckoe ugolovnoe pravo. M.: TK Velbi, Prospekt, 2006. 560 s.

6. Zakon Respubliki Belarus' ot 17 dekabrya 1992 g. №2054-XII “O svobode sovesti i religioznyh organizacijah”. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=V19202054>

7. Inogamova-Hegaj L.V. Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo : uchebnoe posobie dlya magistrantov. M.: Prospekt, 2015. 112 s.

8. "Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah" ot 30.12.2001 N 195-FZ (red. ot 01.07.2021, s izm. ot 09.11.2021) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.10.2021)
9. Koen A. Issledovanie problem social'noj dezorganizacii i otklonyayushchegosya povedeniya. Sociologiya segodnya. M.: Progress, 1965. S. 519 – 550. URL: <https://nauchi.livejournal.com/12701.html>
10. Kratkaya charakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossijskoj Federacii za yanvar' – dekabr' 2019 goda. URL: <https://xn-b1aew.xn-p1ai/reports/item/19412450/>
11. Martynenko I.E. Prestupleniya protiv istoriko-kul'turnogo naslediya v sostave ugolovnoho zakonodatel'stva respubliki belarus' i stran SNG. Vestnik Akademii MVD Respubliki Belarus'. 2014. № 2 (28). S. 135 – 140. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36942327>
12. Mendelevich V.D. Psihologiya deviantnogo povedeniya: uchebnoe posobie. M.: MED-press, 2011. 432 s.
13. Pavlov V.G. Voprosy otvetstvennosti za vandalizm v zarubezhnom ugolovnom zakonodatel'stve. Vestnik Sankt-Peterburgskoj yuridicheskoy akademii. 2014. № 4 (25). S. 95 – 100.
14. Petrov S.A. Ugolovnaya otvetstvennost' za otdel'nye vidy transportnyh prestuplenij po ugolovnomu zakonodatel'stvu Rossii i Respubliki Belarus'. Bor'ba s prestupnost'yu: teoriya i praktika: Tezisy dokladov VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Redkollegiya: YU.P. SHkaplerov i dr. 2019. S. 73 – 78 URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37254094>
15. Petryanin A.V. Specifika ugolovno-pravovogo protivodejstviya ekstremizmu na territorii postsovet'skogo prostranstva (na primere analiza zakonodatel'stva Respubliki Belarus' i Gruzii). Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii, 2014. № 4 (28). S. 160 – 164 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-ugolovno-pravovogo-protivodeystviya-ekstremizmu-na-territorii-postsovet'skogo-prostranstva-na-primere-analiza>
16. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda ot 15 noyabrya 2007 g. № 45 "O sudebnoj praktike po ugolovnym delam o huliganstve i inyh prestupleniyah, sovershennyh iz huliganskikh pobuzhdenij". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72601/
17. Serebrennikova A.V. Ugolovno-pravovaya doktrina FRG o sisteme Osobennoj chasti ugolovnoho kodeksa Germanii. Interactive science. 2016. № 7. S. 59 – 62. DOI: 10.21661/r-113101
18. Sudebnaya statistika RF. URL: <http://stat.xn----7sbqk8achja.xn-p1ai/stats/ug/t/14/s/17>
19. «Transformaciya nastroyenij rossiyan na fone krizisa 2020 goda». Otchet Centra strategicheskikh razrabotok (CSR) i ANO "Nacional'nye priority". URL: <https://tass.ru/press/10725>
20. «Ugolovnyj kodeks Respubliki Belarus' ot 9 iyulya 1999 goda № 275-Z (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 26.05.2021 g.)» URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984&doc_id2=30414984#activate_doc=2&pos=94;-80&pos2=2982;-78
21. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 N 63-FZ (red. Ot 27.10.2020) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
22. Ugolovnyj kodeks FRG v redakcii ot 13 noyabrya 1998 goda URL: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran.html>
23. Federal'nyj zakon ot 07.04.2020 N 112-FZ «O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii» URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/61497.html/>
24. Federal'nyj zakon «O svobode sovesti i o religioznyh ob"edineniyah» ot 26.09.1997 № 125-FZ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/
25. Anzahl der polizeilich erfassten Fälle von Sachbeschädigungen durch Graffiti in Deutschland von 2011 bis 2020. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/702081/umfrage/polizeilich-erfasste-faelle-von-sachbeschaedigungen-durch-graffiti-in-deutschland/>
26. Cohen S., C. Ward (Ed.) Destruction of property: Motives and meanings. Vandalism. London: The Architectural Press, 1973, 23-53
27. Fischer T., Schwarz O.G., Dreher E., Troendle H. Strafgesetzbuch mit Nebengesetzen. München: C.H. Beck, 2019. 2745 s.
28. Joecks W., Klaus M. Münchener Kommentar zum Strafgesetzbuch. München: C.H. Beck, 2020.
29. Hirtenlehner H., Leitgöb H., Stiebellehner K., Birklbauer A., Bacher J.: Vandalismus und Sachbeschädigungsdelinquenz von Kindern und Jugendlichen. ZJJ. 2019. № 2. P. 120 – 132.
30. Kube E., Schuster L. Vandalismus. Erkenntnisstand und Bekämpfungsansätze. Wissbaden. 1983.
31. Strafgesetzbuch (StGB) Bundesrepublik Deutschland In der Fassung der Bekanntmachung vom 13.11.1998 (BGBl. I S. 3322) Stand: 01.09.2020 aufgrund Gesetzes vom 15.11.2019 (BGBl. I S. 1604). URL: <https://dejure.org/gesetze/StGB>

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИЧНЫХ ПРИНЦИПАХ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Гитинова М.М., кандидат юридических наук, доцент,
Шамхалов К.Н.,
Северо-кавказский институт, филиал Всероссийского
государственного университета юстиции

***Аннотация:** статья посвящена теоретическому исследованию специфичных принципов уголовного права, выработанных теорией уголовно-правовой науки. Автор утверждает, что существование данных принципов имеет практическое значение в свете проводимой государством уголовной политики гуманизации уголовного закона. Проблема эффективной реализации принципов уголовного права в деятельности органов, применяющих на их основе уголовно-правовые нормы, также остается не достаточно изученной. Эффективность наказания зависит от соблюдения принципа справедливости и в этом прослеживается тесная взаимосвязь с практикой применения уголовного закона, выражающаяся, в том числе, и в возможности максимально индивидуализировать наказание с целью превентивного его воздействия. Автор подчеркивает основополагающую роль принципов уголовного права, выступающие как фундамент уголовного права, пронизывающие его нормы и взывающие к необходимости тщательно анализировать значимость специфичных принципов (экономии мер уголовной репрессии и индивидуализации наказания) и возможность их применения в правоприменительной деятельности.*

***Ключевые слова:** принципы уголовного права, специфичные принципы уголовного права, принцип экономии мер уголовной репрессии, принцип индивидуализации наказания*

ON THE QUESTION ABOUT SPECIFIC PRINCIPLES OF CRIMINAL LAW

Gitinova M.M., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Shamkhalov K.N.,
North Caucasus Institute, branch of the All-Russian
State University of Justice

***Abstract:** the article is devoted to the theoretical study of the specific principles of criminal law, developed by the theory of criminal law science. The author argues that the existence of these principles is of practical importance in the light of the state's criminal policy of humanizing the criminal law. The problem of the effective implementation of the principles of criminal law in the activities of bodies that apply criminal law norms on their basis also remains insufficiently studied. The effectiveness of punishment depends on the observance of the principle of justice, and in this there is a close relationship with the practice of applying the criminal law, expressed, inter alia, in the possibility of maximally individualizing punishment in order to prevent its impact. The author emphasizes the fundamental role of the principles of criminal law, which act as the foundation of criminal law, permeate its norms and call for the need to carefully analyze the significance of specific principles (saving measures of criminal repression and individualization of punishment) and the possibility of their application in law enforcement.*

***Keyword:** principles of criminal law, specific principles of criminal law, the principle of saving measures of criminal repression, the principle of individualizing punishment*

В теории уголовно-правовой науки принципы уголовного права выступают достаточно дискуссионной категорией. В них воплощаются система ценностей, охраняемых посредством норм уголовного права.

В уголовной литературе последних лет бытует мнение, что принципы уголовной ответственности, нашедшие свое отражение в уголовном кодексе РФ, понимаются более широко, как принципы уголовного права [1, с. 4]. Изучение и правовая оценка их воздействия стала предметом исследования многих ученых, поскольку принципы уголовного права выступают законодательными и правоприменительными ориентирами в борьбе с преступностью. Проблема эффективной реализации принципов уголовного права в деятельности органов, применяющих на их основе уголовно-правовые нормы, также остается не достаточно изученной. В свете сказанного, выявление значения принципов уголовного права является актуальным в нестабильном обществе.

Тенденции современной преступности пугающие, что вызывает сомнение в эффективности уголовного наказания, и его не восприятия лицами, нарушающими закон. Государство, выполняя одну из своих важных правоохранительных функций, принимает различные программы противодействия преступности и ее профилактики. Одновременно такое противодействие должно иметь прочную правовую базу при

условии соблюдения прав человека, что особенно значимо при назначении уголовного наказания с целью сохранения его превентивного воздействия на личность, общество. При этом в уголовном праве в тесной взаимосвязи с наказанием рассматривается справедливость с тем, чтобы достичь эффекта от наказания – предупреждения преступления. В этом основополагающую роль играют принципы уголовного права [4], выступающие как фундамент уголовного права, обусловленные необходимостью охраны наиболее важных общественных отношений. Таким образом, уголовный закон решает задачи стоящие перед ним и надо отметить, что принципы, которыми он руководствуется, имеют каждый из них самостоятельное значение [3, с. 151].

Многообразие форм преступной деятельности, разнообразие наказаний, содержащихся в санкциях норм уголовного права, вызывают необходимости правильного применения принципов уголовного права, лежащих в основе квалификации деяния, назначения справедливого наказания в отношении лиц, виновных в совершении преступления или освобождении от него. Таким образом, принципы уголовного права оказывают свое воздействие на уголовное законодательство, и такое воздействие приобретает многоаспектный характер. При этом оперируют не только принципами, обозначенными в современном УК РФ: законности, равенства, вины, гуманизма, справедливости, но и специфичными принципами, выработанными теорией уголовного права (принцип индивидуализации наказания, принцип экономии уголовной репрессии, неотвратимости наказания). Следование данным принципам является не менее значимым, поскольку речь идет о принципах назначения уголовного наказания с целью соответствия определенного вида наказания общеуголовным принципам (справедливости, виновности, законности), результативность которых выражается достижением основных целей наказания, а именно, исправление осужденного лица и предупреждение совершения им новых преступлений.

К числу специальных принципов уголовного права относится и принцип экономии уголовной репрессии, имеющий практическое значение при определении тяжести наказаний. В санкциях статей Особенной части УК РФ, предусматривающих альтернативные виды наказания, указаны либо верхние и нижние пределы наказаний, законодатель ограничивает принудительную сторону наказания минимально. То есть, данный принцип имеет практическое значение и при определении конкретной меры наказания, так как помогает ограничивать верхний предел тяжести наказания рамками справедливого и разумного подхода к назначению наказания, что дает возможность органам, отправляющим правосудие, в необходимых случаях усиливать борьбу с преступностью также и путем усиления тяжести наказания.

Некоторые ученые склонны считать принципом назначения наказания принцип индивидуализации наказания с учетом личности виновного, объема его вины (особенно это проявляется в разных формах соучастия). Хотя данный принцип и соотносится с принципом справедливости, но все же считается необходимым его озвучить, исходя не только из Пленумов Верховного Суда, дающих рекомендации с учетом анализа правоприменительной практики по различным категориям дел, но заложить основу его использования в УК РФ. Так, П.А. Фефелов к основным принципам относит принцип неотвратимости и индивидуализации наказания. По мнению Л.С. Явич происходит воплощение основных принципов уголовного права в отраслевых принципах [3, с. 112].

Специальные принципы уголовного права не могут быть отнесены к принципам общеправовым, хотя их значимость выходит за пределы уголовного права и ориентирована на деятельность правоприменителей. В деятельности суда принцип индивидуализации наказания является одним из основных наряду с общеуголовными принципами, которые законодатель четко обозначил в УК РФ, признавая их приоритет над всеми институтами уголовного права. Содержание в уголовно-правовых нормах принципа экономии принудительных мер либо индивидуализации наказания можно проследить по ряду требований, нашедших отражение в уголовном законодательстве.

Уголовный закон содержит нормы, на основе которых суд при определенных условиях учитывает исключительные обстоятельства дела и личность виновного, что позволяет ему устанавливать рамки уголовной ответственности ниже установленных в санкции конкретной статьи, в соответствии с которой лицо несет уголовную ответственность. Право судейского усмотрения в применении уголовно-правовых санкции не предъявляет никаких формальных требований, за исключением обязательного указания мотивов смягчения наказания. В соответствии с принципом экономии уголовной репрессии действующее законодательство, таким образом, предоставляет суду довольно широкие возможности в определении низшего предела уголовной ответственности, включая право полного освобождения от нее. Но при этом данное право суда не является произвольным. Они руководствуются принципами уголовного права. Предел уголовной ответственности, ее реальное содержание определяются в приговоре с учетом того, кто является преступным лицом, каков объем его вины, обстоятельства совершения преступления и пр. Экономия принудительных мер воздействия выражается в смягчении наказания или в возможности условно-

досрочного освобождения от наказания. Механизм усиления наказания возможен только в порядке надзора, и то лишь в течение года с момента его вынесения.

Анализ общих и специальных принципов уголовного права подводит к пониманию, что данная категория теории уголовного права достаточно дискуссионная и на современном этапе мы наблюдаем дальнейшее совершенствование теории принципов (общеотраслевых и специфичных). Так, появление специфических принципов в теории уголовного права говорит о совершенствовании принципов уголовного права и поиск путей их законодательного закрепления, поскольку необходимость их практического применения очевидна, о чем не раз подчеркивается Пленумами Верховного Суда РФ. К специфичным принципам относятся такие принципы как:

- неотвратимость и индивидуализация наказания;
- соответствия наказания тяжести совершенного преступления;
- экономии мер уголовной репрессии.

Данные принципы соотносятся с общеуголовными принципами, что продиктовано необходимостью осуществления борьбы с преступностью на основе справедливого применения норм уголовного права.

Принцип неотвратимости и индивидуализации наказания позволяет исключить формализм при назначении уголовного наказания, детализировать его с учетом личности виновного и других значимых обстоятельств его преступной деятельности, что позволяет достичь целей уголовного наказания. Если наказание воспринимается лицом как справедливое, то это является важным стимулом для его исправления.

Особенностью принципов соответствия наказания тяжести совершенного преступления и экономии мер уголовной репрессии является их вспомогательный характер по отношению к принципам неотвратимости и индивидуализации наказания. Они также соотносятся с принципом справедливости, что выступает главным требованием закона.

Принцип экономии мер уголовной репрессии по своей сущности является продолжением уголовной политики современного российского государства, направленной на гуманизацию уголовного законодательства. Принцип экономии репрессии выражен в необходимости соблюдения правильного соотношения методов убеждения и принуждения, используемых правоохранительными органами для борьбы с преступностью.

Таким образом, анализ специфичных принципов уголовного права, выработанных теорией уголовного права, подтверждает их методологическую значимость в познании сущности уголовного права и его институтов, в частности института наказания, поскольку они прагматичность основана в возможности реализации карательной политики государства и достижения эффекта, что выражается в сокращении преступности. Изучение специальных принципов уголовного права не исчерпывается этим в виду того, что их возможности законодательного закрепления создадут предпосылки для исследования других проблем уголовного права, в частности к числу таких проблем относится проблема эффективности уголовного наказания.

Литература

1. Борзенков Г. Об учете принципов уголовного права в законотворческой деятельности // Уголовное право. № 3. 2011. С. 4.
2. Гитинова М.М. О значении принципов уголовного права // Правовая политика в XXI веке: государственный и частный интерес в праве 17-21 апреля 2013 г.: материалы международного молодежного юридического конгресса. Махачкала. Махачкала: Радуга-1, 2013. С. 150 – 152 https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24078280_82163369.pdf
3. Мальцев В.В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2004. 694 с. ISBN 5-94201-323-3 // Электронно-библиотечная система IPR BOOKS: [сайт]. URL: <https://www.iprbookshop.ru/18037.html> (дата обращения: 18.11.2021). Режим доступа: для авторизир. пользователей
4. Чередниченко Е.Е. Принципы уголовного законодательства. Понятие, система, проблемы законодательной регламентации. М.: Волтерс Клувер. 2007. <http://www.kodges.ru/95647-principy-ugolovno-zakonodatelstva-ponyatie.html>. 15.04.2012

References

1. Borzenkov G. Ob uchete principov ugovnogo prava v zakonotvorcheskoj deyatel'nosti. Ugolovnoe pravo. № 3. 2011. S. 4.
2. Gitinova M.M. O znachenii principov ugovnogo prava. Pravovaya politika v XXI veke: gosudarstvennyj i chastnyj interes v prave 17-21 aprelya 2013 g.: materialy mezhdunarodnogo molodezhnogo yuridicheskogo kongressa. Mahachkala. Mahachkala: Raduga-1, 2013. S. 150 – 152 https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24078280_82163369.pdf
3. Mal'cev V.V. Principy ugovnogo prava i ih realizaciya v pravoprimenitel'noj deyatel'nosti. Sankt-Peterburg: YUridicheskij centr Press, 2004. 694 c. ISBN 5-94201-323-3. Elektronno-bibliotchnaya sistema IPR BOOKS: [sajt]. URL: <https://www.iprbookshop.ru/18037.html> (data obrashcheniya: 18.11.2021). Rezhim dostupa: dlya avtorizir. pol'zovatelej
4. Cherednichenko E.E. Principy ugovnogo zakonodatel'stva. Ponyatie, sistema, problemy zakonodatel'noj reglamentacii. M.: Volters Kluver. 2007. <http://www.kodges.ru/95647-principy-ugovnogo-zakonodatelstva.-ponyatie.html>. 15.04.2012

**ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПРАВИЛ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ
В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ**

**Магомедова Е.А., кандидат юридических наук, доцент,
Денисов И.М.,
Лещинский М.И.,
Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского**

***Аннотация:** статья посвящена исследованию теоретических основ законодательной техники и анализу практики их закрепления в законодательстве субъектов Российской Федерации. В первой части статьи авторы характеризуют законодательную технику как разновидность юридической техники, апеллируя к существующим в юридической науке доктринальным подходам по данному вопросу. В рамках промежуточного итога авторами констатируется, что правила законодательной техники должны получить правовое закрепление на законодательном уровне. Только в этом случае они станут конструктивной основой для повышения качества действующего законодательства в части его юридико-технического оформления. Вторая часть статьи посвящена анализу региональных «законов о законах» в части закрепления в них правил законодательной техники. Выбор анализируемого законодательства сделан с учетом различных видов субъектов Российской Федерации. Авторы отмечают, что только в одном субъекте Российской Федерации принят кодекс о нормативных правовых актах. Проводится предметное исследование данного нормативного правового акта в части закрепления в нем правил законодательной техники. Далее по тексту анализируются законы республик, краев и областей. В заключении делается вывод о различном правовом формате закрепления правил законодательной техники в региональных «законах о законах» и формулируются предложения по совершенствованию правовой регламентации законодательной техники.*

***Ключевые слова:** юридическая техника, законодательная техника, закон, кодекс, нормативный правовой акт, правотворчество, юридическая деятельность, субъекты Российской Федерации*

**FIXING THE RULES OF LEGISLATIVE TECHNIQUE IN
THE LEGISLATION OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN
FEDERATION: PROBLEMATIC ASPECTS**

**Magomedova E.A., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Denisov I.M.,
Leshchinsky M.I.,
Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky**

***Abstract:** the article is devoted to the study of the theoretical foundations of legislative technique and the analysis of the practice of their consolidation in the legislation of the subjects of the Russian Federation. In the first part of the article, the authors characterize the legislative technique as a kind of legal technique, appealing to the doctrinal approaches existing in legal science on this issue. As part of the interim result, the authors state that the rules of legislative technique should be legally consolidated at the legislative level. Only in this case they will become a constructive basis for improving the quality of the current legislation in terms of its legal and technical design. The second part of the article is devoted to the analysis of regional "laws on laws" in terms of fixing the rules of legislative technique in them. The choice of the analyzed legislation is made taking into account various types of subjects of the Russian Federation. The authors note that only one subject of the Russian Federation has adopted a code on regulatory legal acts. A substantive study of this normative legal act is carried out in terms of fixing the rules of legislative technique in it. Further in the text, the laws of republics, territories and regions are analyzed. In conclusion, a conclusion is made about the different legal format of fixing the rules of legislative technique in the regional "laws on laws" and proposals are formulated to improve the legal regulation of legislative technique.*

***Keywords:** legal technique, legislative technique, law, code, normative legal act, law-making, legal activity, subjects of the Russian Federation*

Современный этап развития российского общества характеризуется усложнением практически всех его сфер. Следует отметить, что правовая составляющая этих сфер довольно интенсивно трансформируются. Это обусловлено необходимостью адекватного правового обеспечения проводимых в России в последние двадцать пять лет преобразований. Указанные обстоятельства во многом преопределили высокие темпы законотворческой деятельности как на федеральном уровне, так и в субъектах Российской Федерации.

Интенсификация данного вида юридической деятельности бросила вызов правовой науке, в рамках которой сложилась самостоятельная составляющая – методология правотворчества. Важным компонентом этой методологии является законодательная техника. Вместе с тем следует признать, что в юридической науке законодательную технику также принято рассматривать в контексте юридической техники. Автором понятия юридической техники считают немецкого учёного-правоведа Рудольфа фон Иеринга. Юридическая техника формировалась постепенно, по мере того, как усложнялась и развивалась правовая действительность. В процессе генезиса юридической техники как правового явления трансформируются качественные характеристики, приёмы, способы и методы юридической деятельности, что влечёт за собой модернизацию инструментального арсенала юридической техники.

Необходимо констатировать, что в настоящее время среди ученых-юристов нет единого понимания юридической техники. Так, С.С. Алексеев определял юридическую технику исходя из общего понимания техники как совокупности приёмов осуществления любого вида деятельности. Это совокупность средств, приёмов, правил разработки, оформления, публикации и систематизации законов, иных правовых актов, обеспечивающих их совершенство, эффективное использование [9, с. 106].

Профессор Л.А. Морозова под юридической техникой предлагает понимать совокупность правил, приёмов, специфических средств подготовки, оформления, публикации и систематизации нормативных правовых актов и иных юридических документов [12, с. 309].

Кроме того, необходимо обозначить, что в современной правовой науке выделяют как узкий, так и широкий подходы к пониманию юридической техники. Так, например, в узком смысле юридическая техника дана в трактовке В.К. Бабаева, который видит в ней совокупность средств и приёмов построения правовых норм. В то же время Т.В. Кашанина в большей степени тяготеет к широкому смыслу понимания юридической техники и предлагает рассматривать её как способ создания, так и реализации права [11, с. 85].

Необходимо обозначить, что сложившаяся в отечественной правовой науке теория юридической техники предполагает построение целого спектра классификационных рядов при характеристике этого правового феномена. В то же время практически все учёные, в фокусе научных интересов которых находятся вопросы юридической техники, выделяют в качестве её разновидностей законодательную технику. Причём следует отметить, что при многоуровневой дифференциации законодательную технику считают подвидом правотворческой техники. Данный подход представляется вполне оправданным, поскольку, на наш взгляд, между законодательной техникой и правотворческой техникой подзаконного правотворчества имеются определённые различия, что обусловлено местом и ролью закона в отечественной правовой системе, а также спецификой, заключающейся в более высокой степени абстрактности законодательных предписаний.

Стоит отметить, что к настоящему времени усилиями ученых-юристов фактически сформирована теория законодательной техники. В своё время достойное внимание в своих работах вопросам законодательной техники уделяли Р.О. Халфина, А.С. Пиголкин, С.С. Алексеев, Д.А. Керимов. Дальнейшее развитие эта тема получила в трудах Н.А. Власенко, В.М. Баранова, В.Н. Карташова, Т.В. Кашаниной, Ю.А. Тихомирова, Н.Н. Черногора, С.С. Гороховой и др. Обобщение существующих взглядов по вопросу содержательного наполнения понятия «законодательная техника» позволяет вести речь о том, что это система принципов, правил, приёмов, способов и методов создания и изменения нормативных правовых актов. И всё-таки, на наш взгляд, более корректно расставлены акценты в дефиниции понятия законодательной техники, предложенной профессором Ю.А. Тихомировым, который определяет, что законодательная техника – это система правил и приёмов подготовки наиболее совершенных по форме и структуре проектов нормативных актов, обеспечивающих максимально полное и точное соответствие форм и нормативных предписаний их содержанию, доступность, простоту и обзримость нормативного материала, исчерпывающий охват регулируемых вопросов [10, с. 6].

Обозначенный подход формирует вектор на высокое качество нормативных правовых актов как по форме, так и по содержанию. С учетом заявленной темы статьи представляется целесообразным обозначить, что в формате теории законодательной техники разработаны требования к логике, стилю, языку закона, а также требования к внутренней форме и внешнему реквизитам закона. Определенная дискуссионность и вариативность в доктрине права в вопросах структурного наполнения законодательной техники, конечно, существует, но она сводится к тому, что одни учёные называют этот инструментальный законодательной техникой требованиями, другие правилами. Однако нам представляется, что и требования,

и правила не будут должным образом соблюдаться специалистами-практиками до тех пор, пока они не получат должного законодательного закрепления. Причём, на наш взгляд, с учетом конституционной формулы о правовом характере Российского государства, предполагающей верховенство закона, именно на законодательном уровне должен быть закреплён весь инструментарий законодательной техники. Вместе с тем, хотелось бы отметить, что принятие федерального закона о нормативных правовых актах в Российской Федерации остаётся лишь мечтой ученых-правоведов в последние тридцать лет. Конечно, можно порадоваться тому, что весной этого года Правовое управление Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации и Государственно-правовое Управление Президента Российской Федерации выпустило обновленные Методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов. Однако, к сожалению, это всего лишь подзаконный нормативный правовой акт. В этой связи считаем необходимым обратиться к законам субъектов Российской Федерации о нормативных правовых актах, в которых правила законодательной техники получили правовое закрепление. Безусловно, в формате одной научной статьи невозможно дать качественный анализ закрепления правил законодательной техники в региональных «законах о законах». В связи с чем считаем возможным использовать концептуальный подход, суть которого сводится к тому, что исследоваться будет нормативный материал региональных законов субъектов различных видов: республик, краёв, автономных округов и областей.

В предложенном контексте считаем целесообразным отметить, что в законодательстве Чукотского автономного округа есть кодекс о нормативных правовых актах, принятый ещё в 2009 году. Глава 5 данного кодекса так и называется «Юридико-техническое оформление проектов нормативных правовых актов» [1]. Причём заслуживает внимания не только нормативные предписания данной главы, но и имеющиеся приложения к данному кодексу, в частности приложение 1 под названием «Особенности языка нормативного правового акта» и приложение 2 под названием «Требования к структуре законопроекта». В первом приложении закреплены лексические правила законодательной техники, а именно требования к написанию корректного наименования органов государственной власти, правильному написанию числительных в текстах законопроекта, требования к оформлению реквизитов проектов законов. Во втором приложении изложены правила законодательной техники, содержащие требования к рубрикации текста, оформлению разделов, статей, частей статей. Приведены также возможные варианты дифференциации текстов нормативных правовых актов автономного округа и корректные примеры оформления этих текстов. обстоятельно прописаны правила законодательной техники в части требований к оформлению изменений, внесенных в действующее региональное законодательство. На наш взгляд, заслуживают внимания закреплённые в приложении 2 к анализируемому кодексу графические правила законодательной техники, а именно требования к оформлению таблиц в части формирования шапок одно-, двух- и трехъярусных, требования к оформлению граф, их заполнению и так далее. Кроме того, следует отметить, что в приложении 3 к данному кодексу содержатся требования к структуре проектов иных нормативных правовых актов. На наш взгляд, весьма положительно характеризуют правовой формат закрепления законодательной техники четвертое и пятое приложения к анализируемому кодексу. Так, в четвертом приложении под названием «Порядок употребления ссылок в нормативных правовых актах» детально и обстоятельно прописана техника ссылок на федеральное законодательство, на законы автономного округа при формировании проектов подзаконных нормативных правовых актов. В пятом приложении подробно изложен порядок указания источников опубликования нормативных правовых актов. Нормативные требования, изложенные в данном приложении, характеризуются последовательностью, логичностью, системностью. Важно, на наш взгляд, что нормативный материал иллюстрирован примерами, которые помогают специалистам-практикам сориентироваться в требованиях к оформлению официальных источников опубликования нормативных правовых актов.

Следуя обозначенной логике анализа региональных «законов о законах» считаем целесообразным выборочно обратиться к законам республик. Так, например, положительно можно оценить правовой формат закрепления правил законодательной техники в Законе Республики Дагестан от 16.04.1997 № 8 «О нормативных правовых актах Республики Дагестан», глава 14 которого так и называется: «Правила законодательной техники» [4]. Однако, несмотря на концентрированное изложение правил законодательной техники в рамках одной главы, которая включает в себя 10 статей, содержательное наполнение данных правил порой носит весьма схематичный характер. Приблизительно такого же уровня в содержательном плане правила законодательной техники закреплены в Законе Республики Хакасия от 11.03.2015 №18-ЗРХ «О нормативных правовых актах Республики Хакасия». Глава 5 данного Закона не акцентирует внимание на том, что в ней изложены требования законодательной техники, а называется «Структура и содержание нормативных правовых актов» [8]. Вместе с тем следует признать довольно

конструктивной дифференциацию правового материала данной главы на статьи. Так, например, статья 19 анализируемого Закона содержит конструктивные правила законодательной техники и называется «Структура нормативного правового акта». Статья 20 содержит лексические и логические правила законодательной техники и называется «Требования, предъявляемые к тексту нормативных правовых актов». В статье 21 содержатся требования к оформлению реквизитов нормативных правовых актов.

Следующий закон, который, по мнению авторов, заслуживает определенного внимания, – это Закон Республики Алтай от 05.03.2008 № 18-РЗ «О нормативных правовых актах Республики Алтай». В данном Законе правила законодательной техники изложены в главе, которая называется «Подготовка, оформление, экспертиза, внесение и рассмотрение нормативных правовых актов» [5]. Представляется не совсем последовательной логика построения материала данной главы. Так, статья 17 называется «Содержание нормативных правовых актов», а фактически в ней закреплены требования к реквизитам нормативных правовых актов различной юридической силы: Конституции Республики Алтай, конституционным законам Республики Алтай, законам Республики Алтай и т.д. Далее в статьях 18-21 данной главы анализируемого Закона изложены конструктивные, лексические и логические правила законодательной техники, а в статье 22 вводится собственное название «Правила» и содержания данной статьи апеллирует к вышеизложенным требованиям законодательной техники. На наш взгляд, реализуемый подход изложения правового материала следует признать не совсем конструктивным и в определенной степени непонятным для законодворцев.

Анализ главы 2 Закона Республики Карелия от 04.07.2012 №1619-ЗРК «О нормативных правовых актах Республики Карелия», которая называется «Правила нормотворческой техники» (ст. 8-15) [7], позволяет сделать вывод, что нормативное содержание данных статей не всегда обстоятельно закрепляет различные правила законодательной техники. Так, например, часть 2 статьи 9 анализируемого Закона определяет, что «статьи (пункты) близкого содержания значительных по объему нормативных правовых актов могут объединяться в главы». В данном случае представляется не совсем корректным статьи и пункты использовать как тождественные понятия и однопорядковые структурные элементы законодательной материи.

В Законе Республики Башкортостан от 12.08.1996 №42-з «О нормативных правовых актах Республики Башкортостан», к сожалению, правила законодательной техники не сосредоточены в отдельной самостоятельной главе, а единично разбросаны по всему тексту закона [3].

Представляет интерес Закон Забайкальского края от 18.12.2009 №321-ЗЗК «О нормативных правовых актах Забайкальского края», глава 5 которого называется «Общие правила юридической техники, применяемые при разработке и принятии (издании) нормативных правовых актов» [6]. Материал данной главы довольно системно изложен. Статья 19 содержит понятие юридической техники и закрепляет, какими органами государственной власти Края устанавливаются правила юридической техники различных региональных нормативных правовых актов. Вызывает сомнения корректность использования понятия «юридическая техника», содержательное наполнение которого, на наш взгляд, идет в разрез с доминирующей позицией, существующей в доктрине права.

Не совсем согласуется с таким признаком правового государства, как верховенство закона, подход, использованный в Краснодарском крае. Закон Краснодарского края от 06.06.1995 №7-КЗ «О правотворчестве и нормативных правовых актах Краснодарского края» в статье 24 отсылает нас в части правил законодательной техники к Методическим правилам подготовки и оформления актов, принимаемых Законодательным Собранием Краснодарского края [2].

В части правового закрепления правил законодательной техники в «законах о законах» областей как субъектов Российской Федерации, авторы обращались к анализу законов Брянской, Волгоградской, Липецкой и Тверской областей. Следует отметить, что в Законе Брянской области правилам законодательной техники посвящена всего лишь одна статья, состоящая из восьми пунктов. К сожалению, при таком подходе говорить об обстоятельности закрепления правила законодательной техники не приходится. Законы Волгоградской, Липецкой и Тверской областей по правовому формату закрепления в них правил законодательной приблизительно идентичны. В этих законах отсутствуют главы или статьи, содержащие в своем названии клише «Правила законодательной техники». А сами правила изложены всего в нескольких статьях.

Таким образом, подводя итог небольшому исследованию, проведенному в рамках данной статьи, можно сделать вывод о том, что в законах субъектов Российской Федерации формат правового материала, закрепляющего правила законодательной техники, весьма разнообразен. К сожалению, во всех анализируемых авторами законах качество правового закрепления правил законодательной техники оставляет желать лучшего. По мнению авторов, довольно конструктивным представляется прием,

использованный законодателями Чукотского автономного округа, которые использовали для детального закрепления правила законодательной техники приложения к Кодексу о нормативных правовых актах. Кроме того, следует отметить, что положительные, конструктивные моменты правового закрепления правил законодательной техники есть практически в каждом проанализированном законе. В связи с чем считаем целесообразным обобщить опыт субъектов Российской Федерации в части закрепления правил законодательной техники в региональных «законах о законах» и принять соответствующий федеральный закон, в отдельном разделе которого закрепить правила законодательной техники.

Литература

1. Кодекс о нормативных правовых актах Чукотского автономного округа от 24.02.2009 № 25-ОЗ (принят Думой Чукотского автономного округа 20.02.2009). Действующая редакция // СПС «КонсультантПлюс: Региональное законодательство» (дата обращения: 17.11.2021)
2. Закон Краснодарского края от 06.06.1995 № 7-КЗ «О правотворчестве и нормативных правовых актах Краснодарского края» (принят ЗС КК 26.05.1995). Действующая редакция // СПС «КонсультантПлюс: Региональное законодательство» (дата обращения: 17.11.2021)
3. Закон Республики Башкортостан от 12.08.1996 № 42-з «О нормативных правовых актах Республики Башкортостан» (принят Законодательной Палатой Государственного Собрания РБ 11.07.1996). Действующая редакция // СПС «КонсультантПлюс: Региональное законодательство» (дата обращения: 17.11.2021)
4. Закон Республики Дагестан от 16.04.1997 № 8 «О нормативных правовых актах Республики Дагестан» (принят Народным Собранием РД 31.03.1997). Действующая редакция // СПС «КонсультантПлюс: Региональное законодательство» (дата обращения: 17.11.2021)
5. Закон Республики Алтай от 05.03.2008 № 18-РЗ «О нормативных правовых актах Республики Алтай» (принят ГСЭЖ РА 15.02.2008). Действующая редакция // СПС «КонсультантПлюс: Региональное законодательство» (дата обращения: 17.11.2021)
6. Закон Забайкальского края от 18.12.2009 № 321-33К «О нормативных правовых актах Забайкальского края» (принят Законодательным Собранием Забайкальского края 16.12.2009). Действующая редакция // СПС «КонсультантПлюс: Региональное законодательство» (дата обращения: 17.11.2021)
7. Закон Республики Карелия от 04.07.2012 № 1619-ЗРК «О нормативных правовых актах Республики Карелия» (принят ЗС РК 21.06.2012). Действующая редакция // СПС «КонсультантПлюс: Региональное законодательство» (дата обращения: 17.11.2021)
8. Закон Республики Хакасия от 11.03.2015 № 18-ЗРХ «О нормативных правовых актах Республики Хакасия» (принят ВС РХ 25.02.2015). Действующая редакция // СПС «КонсультантПлюс: Региональное законодательство» (дата обращения: 17.11.2021)
9. Алексеев С.С. Право: азбука-теория-философия. Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 712 с.
10. Законодательная техника: Научно-практическое пособие. М.: Городец, 2000. 271 с.
11. Кашанина Т.В. Юридическая техника: учебник. М.: Эксмо, 2011. 495 с.
12. Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник. М.: Юрист, 2002. 448 с.

References

1. Kodeks o normativnyh pravovyh aktah CHukotskogo avtonomnogo okruga ot 24.02.2009 № 25-OZ (prinyat Dumoj CHukotskogo avtonomnogo okruga 20.02.2009). Dejstvuyushchaya redakciya. SPS «Konsul'tantPlyus: Regional'noe zakonodatel'stvo» (data obrashcheniya: 17.11.2021)
2. Zakon Krasnodarskogo kraya ot 06.06.1995 № 7-KZ «O pravotvorchestve i normativnyh pravovyh aktah Krasnodarskogo kraya» (prinyat ZS KK 26.05.1995). Dejstvuyushchaya redakciya. SPS «Konsul'tantPlyus: Regional'noe zakonodatel'stvo» (data obrashcheniya: 17.11.2021)
3. Zakon Respubliki Bashkortostan ot 12.08.1996 № 42-z «O normativnyh pravovyh aktah Respubliki Bashkortostan» (prinyat Zakonodatel'noj Palatoj Gosudarstvennogo Sobraniya RB 11.07.1996). Dejstvuyushchaya redakciya. SPS «Konsul'tantPlyus: Regional'noe zakonodatel'stvo» (data obrashcheniya: 17.11.2021)
4. Zakon Respubliki Dagestan ot 16.04.1997 № 8 «O normativnyh pravovyh aktah Respubliki Dagestan» (prinyat Narodnym Sobraniem RD 31.03.1997). Dejstvuyushchaya redakciya. SPS «Konsul'tantPlyus: Regional'noe zakonodatel'stvo» (data obrashcheniya: 17.11.2021)
5. Zakon Respubliki Altaj ot 05.03.2008 № 18-RZ «O normativnyh pravovyh aktah Respubliki Altaj» (prinyat GSEK RA 15.02.2008). Dejstvuyushchaya redakciya. SPS «Konsul'tantPlyus: Regional'noe zakonodatel'stvo» (data obrashcheniya: 17.11.2021)

6. Zakon Zabajkal'skogo kraya ot 18.12.2009 № 321-ZZK «O normativnyh pravovyh aktah Zabajkal'skogo kraya» (prinyat Zakonodatel'nym Sobranie Zabajkal'skogo kraya 16.12.2009). Dejstvuyushchaya redakciya. SPS «Konsul'tantPlyus: Regional'noe zakonodatel'stvo» (data obrashcheniya: 17.11.2021)
7. Zakon Respubliki Kareliya ot 04.07.2012 № 1619-ZRK «O normativnyh pravovyh aktah Respubliki Kareliya» (prinyat ZS RK 21.06.2012). Dejstvuyushchaya redakciya SPS «Konsul'tantPlyus: Regional'noe zakonodatel'stvo» (data obrashcheniya: 17.11.2021)
8. Zakon Respubliki Hakasiya ot 11.03.2015 № 18-ZRH «O normativnyh pravovyh aktah Respubliki Hakasiya» (prinyat VS RH 25.02.2015). Dejstvuyushchaya redakciya. SPS «Konsul'tantPlyus: Regional'noe zakonodatel'stvo» (data obrashcheniya: 17.11.2021)
9. Alekseev S.S. Pravo: azbuka-teoriya-filosofiya. Opyt kompleksnogo issledovaniya. M.: Statut, 1999. 712 s.
10. Zakonodatel'naya tekhnika: Nauchno-prakticheskoe posobie. M.: Gorodec, 2000. 271 s.
11. Kashanina T.V. YUridicheskaya tekhnika: uchebnik. M.: Eksmo, 2011. 495 s.
12. Morozova L.A. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik. M.: YUrist", 2002. 448 s.

**ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О ВЗЫСКАНИИ
УБЫТКОВ В ДОГОВОРНОМ ПРАВЕ**

**Васенёв М.И., аспирант,
Уральский институт управления,
Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации,
Любенко Ю.В., аспирант,
Уральский государственный юридический университет**

***Аннотация:** в статье проанализированы особенности доказывания по делам о взыскании убытков в договорном праве. Авторами доработаны положения о распределении обязанности доказывания и представления доказательств по делам о взыскании убытков в договорном праве с конкретизацией обязанностей, возложенных на каждую из сторон спора. Выявлено, что дополненный авторами перечень доказательств, которые могут быть приняты судом по делам о взыскании убытков, будет способствовать принятию судами одинаковых решений и позволит субъектам, права которых нарушены, взыскать убытки в полном объеме. В ходе исследования была проанализирована судебная практика по делам о взыскании убытков в договорном праве, которая позволяет сделать следующие выводы: суд на основании своего внутреннего убеждения самостоятельно определяет критерии понесенных сторонами убытков; суд имеет право истребовать исследование вспомогательного объема обстоятельств дела, которые косвенно относятся к сути спора. Авторами доказано, что на практике особенности доказывания по делам о взыскании убытков в договорном праве включают в себя: основание возмещения убытков; причинно-следственную связь между основанием возмещения убытков и причиненными убытками, а также размер убытков.*

***Ключевые слова:** доказательства, процесс доказывания, предмет доказывания, средства доказывания, взыскание убытков, договорное право*

**FEATURES OF EVIDENCE IN CASES OF RECOVERY
OF DAMAGES IN CONTRACT LAW**

**Vasenev M.I., Postgraduate,
Ural Institute of Management,
Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration,
Lyubenko Yu.V., Postgraduate,
Ural State Law University**

***Abstract:** the article analyzes the peculiarities of proving in cases of recovery of damages in contract law. The authors have finalized the provisions on the distribution of the duty of proof and presentation of evidence in cases of recovery of damages in contract law with the specification of the duties imposed on each of the parties to the dispute. It has been revealed that the list of evidence which can be taken by the court in cases on recovery of damages, supplemented by the authors, will contribute to the adoption of the same decisions by the courts and will allow the subjects whose rights have been violated to recover the damages in full. In the course of investigation the court practice in cases on recovery of damages in contract law has been analyzed which allows to draw the following conclusions: the court, based on its internal conviction, independently determines the criteria of damages incurred by the parties; the court has a right to request research of the subsidiary volume of circumstances of the case which indirectly relate to the essence of the dispute. The authors have proved that in practice the peculiarities of proof in the cases of recovery of damages in contract law include: the basis of compensation of damages; causal connection between the basis of damages and the caused losses as well as the amount of damages.*

***Keywords:** evidence, process of proof, subject of proof, means of proof, recovery of damages, contract law*

Введение

Процесс доказывания по делам о взыскании убытков в договорном праве является основным и важным составляющим судебного процесса, который создает необходимые процессуальные условия для решения дела и принятия законного и обоснованного судебного решения.

Одним из способов защиты прав и законных интересов участников экономических отношений является возмещение убытков в договорном праве, которое обычно реализуется с помощью юрисдикционной формы защиты на основании поданного заинтересованной стороной иска о взыскании убытков [9].

Быстрое разрешение спора и получение истцом положительного решения, прежде всего, зависит от полноты использования средств доказывания, исследования и оценки судом предоставленных доказательств. Практика указывает на то, что разрешение судом соответствующего спора в пользу лица, понесшего убытки, во многих случаях оказывается невозможным именно из-за недоказанности истцом наличия основания и всех условий, необходимых для возмещения убытков, что существенно влияет на применение этой формы ответственности.

Положения о доказательствах и процессе доказывания, в частности, в спорах о взыскании убытков, содержатся в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) [8, 9]. Кроме этого, на указанные отношения распространяются отдельные положения других законов, в частности, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – АПК РФ) [1], подзаконных нормативно-правовых актов, нормы международных договоров, являющихся частью государственного законодательства. Однако некоторые из этих положений нуждаются в конкретизации и рассмотрении их практического применения на примере судебных решений и определений. Это указывает на актуальность темы исследования, целью которого является разработка и обоснование предложений по доказыванию и особенностям доказывания в спорах о взыскании убытков в договорном праве.

Обсуждение

Процесс доказывания составляет основную часть процессуальной деятельности, направленную на получение объективных данных, необходимых для выполнения задач судопроизводства, установления истины по конкретному делу и разрешения спора между сторонами в пользу потерпевшей стороны при наличии необходимых доказательств.

Согласно нормам процессуального законодательства, все действия суда и других субъектов процесса строго регламентированы и подчиняются требованиям законодательно определенной формы [1]. Однако содержание процессуальной формы целиком зависит от использования участниками судебного разбирательства юридических фактов (процессуальных доказательств), имеющих разную форму и содержание информации, а также разные видовые характеристики (документы, технические записи, свидетельские показания и т.д.).

В науке права отмечается, что для договорных правоотношений характерна презумпция виновности нарушителя, ввиду которой потерпевшая сторона должна доказывать, что правонарушение было совершено при наличии вины должника, а виновный участник правоотношений, для предотвращения применения к нему санкций, несет бремя доказывания того, что им были применены все зависимые от него меры [2, с. 115]. В то же время, по общему правилу, единственным обстоятельством, освобождающим участника договорных правоотношений от ответственности за нарушение договора, является непреодолимая сила (принципиально отличающая договорную ответственность от гражданско-правовой, хозяйственной и других, в которых исключаящим ответственность обстоятельством является и случай).

В отношении взыскания убытков в сфере договорного права истец должен доказывать наличие вины ответчика в причинении убытков и соответственно указывать в исковом заявлении доказательства, которыми будет подтверждаться вина ответчика в причинении убытков. Напротив, на ответчика возложено бремя доказывания того, что в его действиях отсутствует вина в причинении убытков. Таким образом, если потерпевший доказал наличие вреда, то нанесший его должен доказать обратное – отсутствие своей вины.

Исходя из анализа положений ГК РФ и правовой доктрины, можно сделать вывод, что возмещение убытков это: во-первых, способ защиты гражданских прав и интересов; во-вторых, один из способов возмещения имущественного убытка [3, с. 115]. Возмещение убытков является одним из наиболее распространенных способов защиты прав, так как в отличие от возмещения убытков в натуре в данном случае имущественный интерес потерпевшей стороны удовлетворяется за счет денежной компенсации понесенных имущественных потерь.

Необходимо отдельно остановиться на особенностях распределения обязанностей доказывания, которые имеют значение еще в стадии подготовки искового заявления. От решения этого вопроса зависит то, в подтверждение каких фактов следует подавать доказательства истцу, и какие доказательства должен будет представить в дальнейшем ответчик. По общим правилам судебного процесса каждая сторона должна дока-

зать обстоятельства, имеющие значение для дела и на которые она ссылается как на основание своих требований или возражений, кроме случаев, установленных законом.

Правила распределения обязанности по доказыванию требуют от истца, который считает, что ему причинены убытки, приложить к исковому заявлению доказательства принятия мер по их предотвращению (минимизации), ведь сторона договорного обязательства лишается права на возмещение убытков в случае, если она была своевременно предупреждена второй стороной о возможном неисполнении ею обязательства и могла предотвратить возникновение убытков своими действиями, но не сделала этого, кроме случаев, если законом или договором не предусмотрено другое. Со своей стороны в дальнейшем ответчик обязан предоставить суду доказательства уведомления им истца о нарушении обязательства в случае доказывания неприятия второй стороной мер по предотвращению убытков и заявление требования относительно соответствующего уменьшения размера убытков.

В случае заявления требований о взыскании утраченной выгоды истцу следует сразу указать доказательства принятия мер к ее получению, ведь последние учитываются при определении неполученных доходов. Следовательно, истец при обращении в суд должен указать, какими доказательствами подтверждается противоправность поведения ответчика; размер нанесенных убытков (упущенной выгоды); наличие причинной связи между противоправным поведением ответчика и упущенной выгодой; принятие мер по предотвращению (минимизации) убытков и извлечению утраченной выгоды.

Еще одним важным вопросом является то, какими доказательствами должны подтверждаться требования о взыскании убытков в договорном праве. Полная и правильная отработка соответствующей части искового заявления приобретает особое значение, поскольку истец должен представить все доказательства вместе с представлением искового заявления. Разрешение спора о взыскании убытков на основании собранных в подготовительном производстве материалов осуществляется в процессе рассмотрения дела по существу. Эта стадия также важна, ведь здесь осуществляется исследование и оценка приведенных доказательств, и именно из-за недоказанности соответствующих фактов суды отказывают в удовлетворении требований о взыскании убытков при принятии решения.

Стороны представляют только те доказательства, которые касаются предмета доказывания, под которым понимаются обстоятельства, которые подтверждают заявленные требования или возражения, или имеют другое значение для рассмотрения дела и подлежат установлению при принятии судебного решения [7].

Перечень доказательств для подтверждения требований о взыскании убытков зависит как от характера правонарушения, так и от составляющей убытков, о взыскании которой будет просить истец. Так, в случае нанесения убытков от невыполнения договора поставки виды доказательств будут зависеть от характера нанесенных убытков: доказательства в подтверждение упущенной выгоды будут совсем другими, чем доказательства в подтверждение понесенных дополнительных расходов. Также нельзя определить и единый перечень доказательств в подтверждение дополнительных расходов, осуществленных вследствие нарушения договора поставки и договора перевозки грузов, поскольку, несмотря на необходимость доказывания одной и той же составляющей убытков, то есть дополнительных расходов, перечень доказательств будет разным из-за того, что убытки нанесены в разных договорных отношениях.

При определении необходимых доказательств в категории договорных споров можно говорить лишь о некоторых общих рекомендациях, главная из которых содержит следующее: сторона при определении необходимых доказательств должна исходить из фактов, подлежащих установлению по делам о взыскании убытков, то есть предмету доказывания. С учетом приведенного важно определить круг доказательств, на которые стороны могут ссылаться для обоснования своих требований о взыскании убытков в договорном праве.

Доказательствами по делу могут выступать любые данные, на основании которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств (фактов), обосновывающих требования и возражения участников дела, и других обстоятельств, имеющих значение для разрешения дела. Эти данные устанавливаются следующими средствами: письменными, вещественными и электронными доказательствами; выводами экспертов; свидетельскими показаниями.

Следовательно, определение круга доказательств по делам о взыскании убытков зависит от характера возникшего договорного правоотношения. В то же время, обобщая известные подходы и судебную практику, можно предложить следующий перечень доказательств по этим делам: правоустанавливающий документ; акт приемки-передачи с указанием стоимости; материалы инвентаризации; документы бухгалтерского учета; проектно-сметная документация; документы бюро технической инвентаризации; землеустроительная документация; финансовая отчетность; материалы аудита; акт оценки имущества; акт обследования имущества, составленный представителями истца и ответчика; договор и акт приемки-передачи работ

(в случае устранения повреждений); отчет об оценке убытков; заключение эксперта и другие доказательства.

Как было указано выше, законодательством на стороны возлагается бремя доказывания в случаях и в зависимости от их процессуального положения. При этом оценка доказательств участников процесса осуществляется судом на основании внутреннего убеждения, так называемой судебной дискреции.

Однако, в ряде случаев суд приходил к следующему выводу – в законодательстве о взыскании убытков понятие является оценочным, в свою очередь, суд вправе дать оценку критерию на основании своего внутреннего убеждения. Данное положение подтверждается судебной практикой, среди которой можно выделить Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа №Ф01-6181/2016 от 31 января 2017 г. по делу №А17-7673/2015 [5] и Постановление Арбитражного суда Уральского округа №Ф09-9933/14 от 13 февраля 2015 г. по делу №А50-11658/2014 [6]. Исходя из материалов дел, ущерб можно понимать как объективное уменьшение любых имущественных благ стороны, ограничивающее ее интересы как участника договорных отношений и проявляющееся в расходах, потере или повреждении имущества, а также неполучении доходов (упущенная выгода).

Иным примером особенности доказывания по делам о взыскании убытков в договорном праве является недостаточность совокупности всех необходимых элементов для взыскания с ответчика убытков. Так, в Определении Верховного Суда Российской Федерации №308-ЭС18-2616 от 12 апреля 2018 г. по делу №308-ЭС18-2616 [4] указано, что следующим необходимым элементом доказывания после основания взыскания убытков является наступление причинно-следственных связей между противоправным деянием и наступившими неблагоприятными последствиями, далее необходим элемент вины ответчика в причинении убытков. В случае отсутствия прочной и неоспоримой доказательной базы, требования о взыскании убытков не подлежат удовлетворению.

Анализ судебной практики позволяет выдвинуть положение, что при рассмотрении дела о взыскании убытков в договорном праве суд имеет возможность истребовать от сторон дополнительные доказательства для более полного, точного и объективного рассмотрения дела, а также вынесения справедливого решения. Однако данный подход к рассмотрению дел вызывает закономерный вопрос об уместности подобной судебной дискреции, если в материалах дела имеются прямые доказательства понесенных стороной убытков, вызваны ли подобные действия суда, а именно истребование вспомогательных доказательств, потребностями объективной реальности или свидетельствует о недостаточно разработанной нормативно-правовой базе и несовершенстве законодательства по делам о взыскании убытков в договорном праве.

Исходя из судебной практики, можно сделать вывод, что особенности доказывания по делам о взыскании убытков в договорном праве включают в себя: основание возникновения ответственности в виде возмещения убытков; причинную связь между фактом, послужившим основанием для наступления ответственности в виде возмещения убытков, и причиненными убытками; размер понесенных убытков.

Заключение

В ходе проведенного исследования доработаны положения о распределении обязанности доказывания и представления доказательств по делам о взыскании убытков в договорном праве с конкретизацией обязанностей, возложенных на каждую из сторон спора. Конкретизирован перечень доказательств, которые могут быть приняты хозяйственным судом по делам о взыскании убытков относительно:

а) стоимости утраченного, поврежденного или уничтоженного имущества (письменные: правоустанавливающий документ на имущество, акт приема-передачи имущества, материалы инвентаризации, документы бухгалтерского учета, проектно-сметная документация, финансовая отчетность, материалы аудита, акт оценки имущества, акт обследования имущества и т.п.);

б) материальной компенсации морального (неимущественного) убытка (письменные: документы бухгалтерского учета (финансовая отчетность), где указывается стоимость нематериальных активов; заключение эксперта);

в) упущенной выгоды (письменные доказательства, подтверждающие реальность получения доходов).

Учет изложенных положений будет способствовать принятию судами одинаковых решений и позволит субъектам, права которых нарушены, взыскать убытки в полном объеме.

Исходя из анализа судебной практики, суд на основании своего внутреннего убеждения самостоятельно определяет критерии понесенных сторонами убытков; суд имеет право истребовать исследование вспомогательного объема обстоятельств дела, которые косвенно относятся к сути спора. Особенности доказывания по делам о взыскании убытков в договорном праве включают в себя: основание возмещения убытков; причинно-следственную связь между основанием возмещения убытков и причиненными убытками, а также размер убытков.

Дальнейшие исследования относительно особенностей доказывания по делам о взыскании убытков в договорном праве целесообразно направить на конкретизацию круга доказательств, которые могут быть представлены в подтверждение дополнительных расходов стороны, понесшей убытки вследствие нарушения обязательства второй стороной. Кроме этого, в отдельном изучении нуждаются проблемы применения электронных доказательств и свидетельских показаний при разрешении спора о взыскании убытков в договорном праве, которые не входили в круг проблем данного исследования.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 №95-ФЗ (ред. от 16.11.2021) // Собрание законодательства РФ. 29.07.2002. № 30. ст. 3012.
2. Курбанов Р.А., Эрделевский А.М. Договорное право: учебник. М.: Проспект, 2021. 144 с.
3. Монастырский Ю.Э. Убытки и нематериальный вред // Вестник гражданского права. 2019. № 2. С. 113 – 132.
4. Определение Верховного Суда Российской Федерации №308-ЭС18-2616 от 12 апреля 2018 г. по делу № 308-ЭС18-2616. Режим доступа: http://vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=1749764 (дата обращения: 10.11.2021)
5. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа №Ф01-6181/2016 от 31 января 2017 г. по делу №А17-7673/2015. Режим доступа: <http://base.garant.ru/39660350/> (дата обращения: 05.11.2021)
6. Постановление Арбитражного суда Уральского округа №Ф09-9933/14 от 13 февраля 2015 г. по делу №А50-11658/2014. Режим доступа: <http://base.garant.ru/38628295/> (дата обращения: 03.11.2021)
7. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Вестник ВАС РФ. 2013. № 10. С. 42 – 64.
8. Часть вторая Гражданского кодекса Российской Федерации от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 29.01.1996. № 5. ст. 410.
9. Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. №32. ст. 3301.

References

1. Arbitrazhnyj processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 24.07.2002 №95-F3 (red. ot 16.11.2021). So-branie zakonodatel'stva RF. 29.07.2002. № 30. st. 3012.
2. Kurbanov R.A., Erdelevskij A.M. Dogovornoe pravo: uchebnik. M.: Prospekt, 2021. 144 s.
3. Monastyrskij YU.E. Ubytki i nematerial'nyj vred. Vestnik grazhdanskogo prava. 2019. № 2. S. 113 – 132.
4. Opredelenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii №308-ES18-2616 ot 12 aprelya 2018 g. po delu № 308-ES18-2616. Rezhim dostupa: http://vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=1749764 (data obrashcheniya: 10.11.2021)
5. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Volgo-Vyatskogo okruga №F01-6181/2016 ot 31 yanvary 2017 g. po delu №A17-7673/2015. Rezhim dostupa: <http://base.garant.ru/39660350/> (data obrashcheniya: 05.11.2021)
6. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Ural'skogo okruga №F09-9933/14 ot 13 fevralya 2015 g. po delu №A50-11658/2014. Rezhim dostupa: <http://base.garant.ru/38628295/> (data obrashcheniya: 03.11.2021)
7. Postanovlenie Plenuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 30.07.2013 № 62 «O nekotoryh voprosah vozmeshcheniya ubytkov licami, vkhodyashchimi v sostav organov yuridicheskogo lica». Vest-nik VAS RF. 2013. № 10. S. 42 – 64.
8. CHast' vtoraya Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii ot 26.01.1996 № 14-FZ (red. ot 27.12.2019). So-branie zakonodatel'stva RF. 29.01.1996. № 5. st. 410.
9. CHast' pervaya Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 08.12.2020). So-branie zakonodatel'stva RF. 05.12.1994. №32. st. 3301

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРАВОВОГО РЕЖИМА КРИТИЧЕСКОЙ
ИНФОРМАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ
ИНВЕСТИТОРОВ (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ, КИТАЯ И ТАИЛАНДА)**

**Горян Э.В., кандидат юридических наук, доцент,
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 20-011-00454 «Обеспечение прав инвесторов в банковском и финансовом секторах в условиях цифровизации экономики в РФ и ведущих финансовых центрах Восточной Азии: сравнительно-правовой аспект»

Аннотация: предметом исследования выступают нормативно-правовые акты России, Китая и Таиланда в сфере обеспечения информационной безопасности и регулирования инвестиционных отношений, определяющие правовой режим критической информационной инфраструктуры. Цель исследования – определение особенностей правовых режимов критической информационной инфраструктуры в России, Китае и Таиланде в аспекте обеспечения прав инвесторов. Задачи: охарактеризовать правовые режимы критической информационной инфраструктуры в каждом из государств; выделить особые черты, влияющие на инвестиционную привлекательность финансово-банковского сектора этих государств. Сделан вывод о том, что правовая определенность и отсутствие пробелов в законодательстве являются основными факторами, влияющими на инвестиционный режим в государстве. Из трех рассматриваемых юрисдикций две (Россия и Таиланд) характеризуются высокими параметрами указанных факторов, что прямо влияет на инвестиционный климат и привлекает инвесторов. В Китае уровень решающих параметров ниже, что можно объяснить особой правовой системой и сложной внешнеполитической ситуацией: многолетними торговыми спорами с США, которые реализуют политику экономической экспансии на информационно-технологический рынок Китая, используя в качестве рычагов давления тарифные и нетарифные меры. Следовательно правовой режим критической информационной инфраструктуры может быть использован в качестве действенной меры по защите внутреннего рынка государства и стимулирования внутреннего и зарубежного инвестирования.

Ключевые слова: кибербезопасность, критическая информационная инфраструктура, права инвесторов, финансово-банковский сектор, правовой режим, правовые гарантии

**CORRELEATION OF THE CRITICAL INFORMATION INFRASTRUCTURE
OF LEGAL REGIME AND THE INVESTORS RIGHTS' ENFORCEMENT
(THE CASE OF RUSSIA, CHINA, AND THAILAND)**

**Goryan E.V., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Vladivostok State University of Economics and Service**

Abstract: the subject of the research is the legislation of Russia, China and Thailand in the sphere of information security and investment regulation, which determines the legal regime of critical information infrastructure. The purpose of the study is to determine the features of the critical information infrastructure legal regimes in Russia, China and Thailand in terms of investors rights' enforcement, i.e. to characterize the national critical information infrastructure legal regimes; to highlight the special features affecting the investment attractiveness of the financial and banking sectors. It is concluded that legal positiveness and the absence of legal lacunas are the core factors affecting the national investment regime. Two of the three jurisdictions (Russia and Thailand) perform the high parameters of the abovementioned factors, which directly affect the investment climate and attracts investors. China performs the comparatively lower level of decisive parameters, that is explained by a specific legal system and a complex foreign policy situation: the years of trade disputes with the United States, which promote a policy of economic expansion into the Chinese information technology market, using tariff and non-tariff measures as a leverage. Therefore, the critical information infrastructure legal regime can be used as an effective measure to protect the national markets and to stimulate domestic and foreign investments.

Keywords: cybersecurity, critical information infrastructure, investors rights, financial and banking sector, legal regime, legal guarantees

Актуальность темы исследования

Информация стала новым нематериальным активом в современной экономике, что привело к ее цифровизации и зависимости материальных активов от степени сохранности и защищенности от посягательств. Более того, эти качества информации, представленной в виде данных, влияют на инвестиционную привлекательность как тех или иных сегментов экономики, так и государств. С учетом этих факторов государства разрабатывают и развивают модели обеспечения безопасности в информационной сфере, служащие ориентирами для других государств в развитии своих правовых систем. Особый интерес представляют государства Азии, показывающие двойные показатели роста цифровой экономики (с 50 до 100 млрд долларов США) [1]. Финансовые услуги наряду с электронной торговлей (e-Commerce) и транспортными услугами/доставкой еды являются ведущими секторами цифровой экономики, что делает их привлекательными объектами для инвестирования. Но инвестиции требуют особых гарантий со стороны государства, как нормативно-правовых и организационно-правовых, так и институциональных. Например, 2021 год запомнится беспрецедентными мерами китайских властей по привлечению к ответственности крупнейшего агрегатора такси Didi и других компаний сферы BigTech за ряд нарушений, в том числе в сфере персональных данных и антимонопольного законодательства, что повлекло за собой делистинг акций на биржах США [2], с последующими спадом инвестиционной активности. Финансово-банковский сектор как яркий представитель сферы BigTech является ключевым объектом критической информационной инфраструктуры, поэтому все события, происходящие с ним, прямо или косвенно влияют на инвестиционные отношения и определяют инвестиционный климат в государстве. Поэтому государство берет на себя дополнительные положительные обязательства по обеспечению информационной безопасности учреждений финансово-банковского сектора с целью обеспечения прав инвесторов.

Постановка проблемы исследования

Инвестиционный климат государства определяется множеством факторов – политических, правовых, институциональных, экономических и других. BigTech и FinTech являются одними из наиболее популярных сфер инвестирования, а учитывая их цифровую природу, завязанную на информационно-компьютерных технологиях, к «стандартным» инвестиционным рискам добавляются риски технологические, избежать которых можно путем применения в том числе и организационно-правовых мер, направленных на защиту информационных систем. Международным сообществом было безоговорочно признана необходимость установления специального правового режима для критической информационной инфраструктуры (далее по тексту - КИИ) для учреждений финансово-банковского сектора, однако подходы к правовому регулированию государств могут отличаться по всевозможным причинам, прежде всего как по внешне- и внутривнутриполитическим, так и экономическим. Поэтому строгость правового режима КИИ непосредственно влияет на инвестиционный климат в государстве и, как следствие, на степень обеспеченности прав инвесторов.

Цель и задачи

Целью исследования является определение особенностей правовых режимов КИИ в России, Китае и Таиланде в аспекте обеспечения прав инвесторов. Достижение поставленной цели возможно при решении следующих задач: исследовать национальные правовые режимы КИИ; выделить особые черты, влияющие на инвестиционную привлекательность финансово-банковского сектора этих государств.

Методология и предмет исследования

Поставленная цель определяет выбор методов научного познания, как общенаучных, так и специальных юридических. В первом случае это системно-структурный и формально-логический методы, во втором – сравнительно-правовой и формально-юридический. Выбор рассматриваемых правовых систем определяется их ролью и амбициями в международных отношениях как глобального, так и регионального характера. В частности, Россия и Китай реализуют модель так называемого «цифрового национализма», которая характеризуется повышенной ответственностью государства за обеспечение безопасности информации и информационных систем (в том числе КИИ), находящей свое воплощение во введении особых правовых режимов оборота и защиты данных, включая персональные. Оба государства усиливают свое политическое и экономическое присутствие в юго-восточной Азии, участвуя в большинстве проектов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и в рамках двустороннего сотрудничества с лидерами региона. Несмотря на то, что ключевая роль в регионе принадлежит Сингапуру, последние годы Таиланд, входящий в двадцатку государств мира, занимающих лидирующие позиции в обеспечении кибербезопасности [3], оспаривает его лидерство, предпринимая ряд успешных международных и внутривнутриполитических инициатив [4], благодаря которым он ежегодно поднимается в Мировом рейтинге цифровой конкурентоспособности (World Digital Competitiveness Rankings [5]). В качестве предмета исследования использовано законодательство России, Китая и Таиланда, устанавливающее правовой режим КИИ.

Результаты исследования

В теории права правовой режим определяется как «специальный закрепленный в нормативно-правовых актах различного уровня порядок регулирования общественных отношений, основанный на установленных и обеспеченных государством правовых средствах, направленный на формирование благоприятных условий для удовлетворения интересов субъектов права, выражающийся в специфике способов и гарантий его реализации, ответственности за нарушение его требований и основывается на действии общих принципов, приводящих все его элементы в единую упорядоченную систему» [6, с. 33]. К таким гарантиям относят не только нормативно-правовые акты, закрепляющие правила поведения обязанных субъектов (нормативные гарантии), но и самих государственных органов и их должностных лиц, уполномоченных осуществлять правоприменительную деятельность, основанную на таких юридических нормах (институциональные гарантии) [7, с. 22]. Гарантии представляют собой условия осуществления прав субъектов, поэтому наличие необходимых гарантий прямо влияет на уровень обеспеченности таких прав. Соответственно существует прямая зависимость между наличием и совершенством правового режима и степенью обеспеченности прав субъекта. Как отмечалось нами в предыдущих исследованиях [8], к учреждениям финансово-банковского сектора применяется специальный правовой режим регулирования информационной безопасности, поскольку этот сектор считается частью КИИ во всех государствах мира. Действие этого правового режима происходит в результате функционирования правового механизма, поэтому утверждение о прямой взаимосвязи эффективной работы механизма обеспечения безопасности КИИ с уровнем обеспеченности прав инвесторов в финансово-банковском секторе бесспорно.

Правовой режим КИИ, регламентируемый федеральным законодательством России, является одним из совершенных в мире. Прежде всего, законодатель разработал специальный закон (Федеральный закон Российской Федерации от 26.07.2017 №187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации», далее – ФЗ-187), устанавливающий нормативные и институциональные элементы правового механизма обеспечения безопасности КИИ. Нормативные элементы, выступающие в качестве основных гарантий, предусматривают закрытый перечень секторов КИИ, объекты которых могут подпадать под сферу применения правового режима КИИ (п. 8 ст. 2) и нарушение работы которых может поставить под угрозу безопасность и благополучие личности, общества и государства. Следует отметить, что перечень секторов, определенных Россией, перекликается с рекомендациями Агентства кибербезопасности ЕС (ENISA) для государств-участников Евросоюза и включает также финансово-банковский сектор. Специальные нормативные гарантии закреплены в подзаконных нормативных актах, принятых во исполнение ФЗ-187 Правительством РФ, Федеральной службой технического и экспортного контроля, Федеральной службой безопасности и проч. Особо следует отметить введение новеллы в Уголовный кодекс Российской Федерации – криминализацию деяний в отношении объектов КИИ (ст. 274.1). Правовой режим КИИ объектов финансово-банковского сектора дополняется специальными нормами, разрабатываемыми финансовым регулятором – Центральным банком России [9].

В качестве институциональных гарантий выступают органы государственной власти, определенные в ФЗ-187 и наделенные соответствующими полномочиями: как общей компетенции (Президент России, Правительство Российской Федерации и др.), так и специальной. Причем органы специальной компетенции можно разделить на две группы: первая группа формирует специальную государственную систему обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы (ФСБ России, Национальный координационный центр по компьютерным инцидентам), а вторая группа представлена органами власти, специализирующимися на определенных аспектах информационной безопасности (ФСТЭК, Минкомсвязи, Центральный банк России).

В Китае правовой режим КИИ основывается на положениях Закона о кибербезопасности КНР 2016 года, а также ряде подзаконных нормативных актов и стандартов, принимаемых органами общей и специальной компетенции [10]. Китайский подход к определению КИИ характеризуется установлением открытого перечня секторов КИИ в законе, дополняемый положениями подзаконных нормативных актов. Как и Россия, Китай довольно широко определяет перечень секторов КИИ (в том числе и финансово-банковский), оставляя за собой право в случаях необходимости включать подзаконными нормативными актами дополнительные, если они имеют существенное значение для государства, общества, экономики и граждан (ст. 31) [11]. Особенностью правового режима КИИ Китая является длительный процесс разработки, обсуждения и утверждения подзаконных нормативных актов органами исполнительной власти, что создает некую неопределенность для потенциальных операторов КИИ (а следовательно и инвесторов). Например, четыре года потребовалось для утверждения Регламента защиты критической информационной инфраструктуры [12], который детально определяет перечень секторов и признаки, по которым можно идентифицировать новые сектора КИИ; обязательства операторов КИИ; нормативные требования по защите КИИ; уголовные

и административные санкции за нарушения режима КИИ операторами. Длительность законодательного процесса негативно влияет на инвестиционный климат в отношении потенциальных объектов для инвестиций.

В Законе о кибербезопасности КНР отсутствуют нормы, определяющие институциональные гарантии. Анализ нормативно-правовой базы обеспечения информационной безопасности позволяет выделить органы общей (Госсовет Китая, Министерство общественной безопасности и Министерство промышленности и информационных технологий) и специальной компетенции (Администрация киберпространства Китая, уполномоченная осуществлять общее руководство безопасностью ключевых секторов экономики – финансово-банковской системы, транспортной и энергетической). В финансово-банковском секторе наблюдается дублирование полномочий государственных структур, формирующих систему финансового регулирования (финансовый регулятор в Китае представлен не одним органом, как в России или Таиланде: Комитетом по финансовой стабильности и развитию при Государственном совете КНР, Народным банком Китая и Комиссией по регулированию банковского страхования), что негативно отображается на правовом режиме КИИ, характеризующегося на данный момент правовой неопределенностью [10].

В Таиланде правовой режим КИИ основывается на положениях Закона о кибербезопасности Таиланда 2019 года, Уголовного кодекса Таиланда, Закона об электронных операциях 2001 года, Закона о финансовых операциях 2008 года, Закона о телекоммуникационных операциях и Закона о платежных системах 2017 года.

Критическая информационная инфраструктура, определенная в Законе о кибербезопасности Таиланда 2019 года [13], включает секторы, важные для национальной, военной и экономической безопасности, а также общественного порядка: 1) национальная безопасность; 2) государственная служба; 3) банковское дело и финансы; 4) информационные технологии и телекоммуникации; 5) транспорт и логистика; 6) энергетика и коммунальные услуги; 7) общественное здоровье и другие, которые определит Национальный комитет по кибербезопасности (National Cybersecurity Committee). Он также уполномочен назначать членов Комитета по регулированию кибербезопасности (Cybersecurity Regulating Committee), который разрабатывает минимальные стандарты кибербезопасности.

Институциональные гарантии представлены также следующими органами государственной власти, уполномоченными выполнять функцию регулирования кибербезопасности КИИ в соответствующем секторе: 1) Комитет по защите персональных данных в рамках реализации Закона о защите персональных данных 2019 года [14]; 2) Банк Таиланда в качестве финансового регулятора в отношении финансовых учреждений и поставщиков услуг электронных платежей; 3) Комиссия по ценным бумагам и биржам Таиланда; 4) Национальная комиссия по телерадиовещанию и телекоммуникациям. Указанные органы уполномочены принимать подзаконные нормативные акты, обязательные к применению операторами КИИ для обеспечения информационной безопасности и выступающие в качестве дополнительных нормативных гарантий прав инвесторов. В частности, в сфере финансово-банковской деятельности поставщики финансовых услуг должны соблюдать предписания Банка Таиланда относительно мер цифровой безопасности и управления рисками. В соответствии с Законом о платежных системах Таиланда 2017 года [15] поставщики услуг электронных платежей также должны соблюдать предписания Банка Таиланда, касающиеся управления непрерывностью бизнеса и оценки рисков, в частности, в отношении наличия плана действий в чрезвычайных обстоятельствах или системы резервных политик для обеспечения непрерывности обслуживания, а также политик безопасности и мер для используемых информационных систем.

Выводы

Правовая определенность и отсутствие пробелов в законодательстве являются основными факторами, влияющими на инвестиционный режим в государстве. Учитывая растущий интерес инвесторов к таким сегментам цифровой экономики, как финансы и банковское дело, а также электронная торговля, активность инвесторов напрямую зависит от степени инвестиционных рисков, которые представлены в большей степени информационно-технологическими. Из трех рассматриваемых юрисдикций две (Россия и Таиланд) характеризуются высокими параметрами указанных факторов, что прямо влияет на инвестиционный климат и привлекает инвесторов. Китай реализует политику «цифрового национализма», которая в совокупности с особой правовой системой замедляет, если не препятствует приходу иностранных (прежде всего из США) инвесторов на информационно-технологический рынок путем установления правового режима, отличающегося непрозрачностью и неоднозначностью толкования. Такой подход Китая оправдан стремлением защитить внутренний рынок от экономической экспансии США и обеспечить национальную безопасность государства. Следовательно правовой режим критической информационной инфраструктуры может быть использован в качестве действенной меры по защите внутреннего рынка государства и стимулирования внутреннего и зарубежного инвестирования.

Литература

1. e-Conomy SEA Spotlight 2020. At full velocity: Resilient and racing ahead [Electronic resource] // Google e-Conomy SEA 2020. [2021]. URL: <https://economysea.withgoogle.com/#explore> (retrieved: 14.11.2021)
2. Lockett H. Chinese tech stocks fall sharply on rising regulatory concerns [Electronic resource] // Financial Times. [2021]. URL: <https://www.ft.com/content/7bacf9ef-4ba0-4d5f-a471-144432847f57> (retrieved: 14.11.2021)
3. Toomgum S. Thailand among top 20 nations focusing on cybersecurity [Electronic resource] // The Nation. [2017]. URL: <http://www.nationmultimedia.com/detail/Economy/30325029> (retrieved: 14.11.2021)
4. Горян Э.В. Ведущая роль Сингапура в обеспечении кибербезопасности в АСЕАН: промежуточные результаты и перспективы дальнейшего расширения // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2018. Т. 10. № 3. С. 103 – 117.
5. IMD World Digital Competitiveness Ranking 2020 [Electronic resource] // IMD World Competitiveness Center. [2021]. URL: <https://www.imd.org/centers/world-competitiveness-center/rankings/world-digital-competitiveness/> (retrieved: 14.11.2021).
6. Беляева Г.С. Правовой режим: к определению понятия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. 2012. Т. 17. № 3. Ч. 2. С. 33 – 35.
7. Сергеева Е.И. Юридические гарантии в системе гарантий прав личности в Российской Федерации // Закон. Право. Государство. 2019. № 2 (22). С. 22 – 26.
8. Горян Э.В. Институциональные механизмы обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации и Сингапура: сравнительно-правовой аспект // Административное и муниципальное право. 2018. № 9. С. 49 – 60.
9. Горян Э.В. Роль финансового регулятора в обеспечении кибербезопасности в России и Сингапуре: сравнительно-правовой аспект // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2019. Т. 11. № 2. С.83 – 101.
10. Горян Э.В. Критическая информационная инфраструктура Китайской Народной Республики: особенности правового регулирования в аспекте обеспечения информационной безопасности финансово-банковского сектора // Административное и муниципальное право. 2020. № 4. С. 45 – 57.
11. Cybersecurity Law of the People's Republic of China [Electronic resource] // pkulaw.com. [2021]. URL: https://pkulaw.com/en_law/4dce14765f4265f1bdfb.html (retrieved: 14.11.2021)
12. The Regulations on the Security and Protection of Critical Information Infrastructure [Electronic resource] // The State Council of People's Republic of China. [2021]. http://www.gov.cn/zhengce/content/2021-08/17/content_5631671.htm?mc_cid=da5881cf31&mc_eid=a268621911 (retrieved.: 14.11.2021)
13. Cybersecurity Act, B.E. 2562 (2019) [Electronic resource] // Office of the Council of State. [2021]. URL: http://web.krisdika.go.th/data/document/ext843/843708_0001.pdf (retrieved: 14.11.2021)
14. Personal Data Protection Act, B.E. 2562 (2019) [Electronic resource] // thainetizen.org. [2021]. URL: <https://thainetizen.org/wp-content/uploads/2019/11/thailand-personal-data-protection-act-2019-en.pdf> (retrieved 14.11.2021).
15. Payment Systems Act, B.E. 2560 (2017) [Electronic resource] // web.krisdika.go.th. [2021]. URL: http://web.krisdika.go.th/data/document/ext810/810271_0001.pdf (retrieved: 14.11.2021)

References

1. e-Conomy SEA Spotlight 2020. At full velocity: Resilient and racing ahead [Electronic resource]. Google e-Conomy SEA 2020. [2021]. URL: <https://economysea.withgoogle.com/#explore> (retrieved: 14.11.2021)
2. Lockett H. Chinese tech stocks fall sharply on rising regulatory concerns [Electronic resource]. Financial Times. [2021]. URL: <https://www.ft.com/content/7bacf9ef-4ba0-4d5f-a471-144432847f57> (retrieved: 14.11.2021)
3. Toomgum S. Thailand among top 20 nations focusing on cybersecurity [Electronic resource]. The Nation. [2017]. URL: <http://www.nationmultimedia.com/detail/Economy/30325029> (retrieved: 14.11.2021)
4. Goryan E.V. Vedushchaya rol' Singapura v obespechenii kiberbezopasnosti v ASEAN: promezhutochnye rezultaty i perspektivy dal'nejshego rasshireniya. Territoriya novyh vozmozhnostej. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa. 2018. Т. 10. № 3. S. 103 – 117.
5. IMD World Digital Competitiveness Ranking 2020 [Electronic resource]. IMD World Competitiveness Center. [2021]. URL: <https://www.imd.org/centers/world-competitiveness-center/rankings/world-digital-competitiveness/> (retrieved: 14.11.2021).
6. Belyaeva G.S. Pravovoj rezhim: k opredeleniyu ponyatiya. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie: Voprosy teorii i praktiki. 2012. Т. 17. № 3. CH. 2. S. 33 – 35.

7. Sergeeva E.I. YUridicheskie garantii v sisteme garantij prav lichnosti v Rossijskoj Federacii. Zakon. Pravo. Gosudarstvo. 2019. № 2 (22). S. 22 – 26.

8. Goryan E.V. Institucional'nye mekhanizmy obespecheniya bezopasnosti kriticheskoj informacionnoj infrastruktury Rossijskoj Federacii i Singapura: sravnitel'no-pravovoj aspect. Administrativnoe i municipal'noe pravo. 2018. № 9. S. 49 – 60.

9. Goryan E.V. Rol' finansovogo reguljatora v obespechenii kiberbezopasnosti v Rossii i Singapure: sravnitel'no-pravovoj aspect. Territoriya novyh vozmozhnostej. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa. 2019. T. 11. № 2. S.83 – 101.

10. Goryan E.V. Kriticheskaya informacionnaya infrastruktura Kitajskoj Narodnoj Respubliki: osobennosti pravovogo regulirovaniya v aspekte obespecheniya informacionnoj bezopasnosti finansovo-bankovskogo sektora. Administrativnoe i municipal'noe pravo. 2020. № 4. S. 45 – 57.

11. Cybersecurity Law of the People's Republic of China [Electronic resource] // pkulaw.com. [2021]. URL: https://pkulaw.com/en_law/4dce14765f4265f1bdfb.html (retrieved: 14.11.2021)

12. The Regulations on the Security and Protection of Critical Information Infrastructure [Electronic re-source]. The State Council of People's Republic of China. [2021]. http://www.gov.cn/zhengce/content/2021-08/17/content_5631671.htm?mc_cid=da5881cf31&mc_eid=a268621911 (retrieved.: 14.11.2021)

13. Cybersecurity Act, B.E. 2562 (2019) [Electronic resource] // Office of the Council of State. [2021]. URL: http://web.krisdika.go.th/data/document/ext843/843708_0001.pdf (retrieved: 14.11.2021)

14. Personal Data Protection Act, B.E. 2562 (2019) [Electronic resource] // thainetizen.org. [2021]. URL: <https://thainetizen.org/wp-content/uploads/2019/11/thailand-personal-data-protection-act-2019-en.pdf> (re-trieved 14.11.2021).

15. Payment Systems Act, B.E. 2560 (2017) [Electronic resource] // web.krisdika.go.th. [2021]. URL: http://web.krisdika.go.th/data/document/ext810/810271_0001.pdf (retrieved: 14.11.2021)

**ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ МОЛОДЕЖНОГО
РАДИКАЛИЗМА И РОЛЬ ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ
В ЕГО ПРОФИЛАКТИКЕ**

Жуковская Н.Ю., кандидат исторических наук, доцент,
Чепрасова Ю.В., кандидат юридических наук, доцент,
Липецкий государственный педагогический
университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского

***Аннотация:** в статье рассматриваются спорные вопросы содержания деятельности по предупреждению молодежного радикализма (в том числе мер, ориентированных на предотвращение деяний экстремистской и террористической направленности). Показано, что в ситуации, когда не все проявления радикальных настроений среди молодежи поддаются адекватной юридической оценке, проводить работу по предотвращению преступных деяний средствами, ориентированными на борьбу с экстремизмом и терроризмом, неэффективно. Изложены представления о формировании государственной системы выявления и предупреждения групповых и индивидуальных форм проявления молодежного радикализма.*

Авторы полагают, что основным субъектом проведения информационно-просветительских кампаний, направленных на минимизацию радикальных настроений среди молодежи, выступают образовательные организации (школы, колледжи, вузы) как основные институты, реализующие социально-воспитательные функции. Формы и содержание таких кампаний раскрыты на примере программ, реализуемых в ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского. Утверждается, что в рамках большого объема работы по правовому воспитанию молодых граждан (в том числе с целью минимизации радикальных настроений) необходимо делать акцент на позитивные действия самой молодежи: объяснять, что многое в жизни молодых людей зависит от них лично – от их позитивного мышления и созидательных действий.

***Ключевые слова:** радикализм, экстремизм, терроризм, молодежь, профилактика радикальных проявлений, правовое воспитание, позитивные действия*

**PROBLEMS OF LEGAL ASSESSMENT OF YOUTH RADICALISM
AND THE ROLE OF LEGAL EDUCATION IN ITS PREVENTION**

Zhukovskaya N.Yu., Candidate of Historical
Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Cheprasova Yu.V., Candidate of Juridical
Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Lipetsk P. Semenov-Tyan-Shansky State Pedagogical University

***Abstract:** the article deals with the issues of youth radicalism prevention (including measures to prevent acts of extremist and terrorist orientation). It is shown that not all manifestations of radical sentiments among young people are amenable to an adequate legal assessment. In this situation, it is ineffective to carry out work to prevent criminal acts by means focused on combating extremism and terrorism.*

The authors believe that educational organizations (schools, colleges, universities) are the main actors of information and educational campaigns to minimize radical sentiments among young people, because they are the main institutions implementing social and educational functions. The forms and content of such campaigns are revealed by the example of programs implemented at the P.P. Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University. It is argued that as part of the work on the legal education of young citizens (including in order to minimize radical sentiments), it is necessary to focus on the positive actions of the youth themselves: to explain that much in the lives of young people depends on them personally – on their positive thinking and creative actions.

***Keywords:** radicalism, extremism, terrorism, youth, prevention of radical manifestations, legal education, positive actions*

В последнее десятилетие рост уровня радикальных настроений в молодежной среде входит в число наиболее очевидных рисков социально-политического развития, причем как в Российской Федерации, так и во многих других странах мира. Глобальный характер этого явления, разнообразие его проявлений, а равно угрозы безопасности и стабильности, которую несут с собой наиболее опасные формы радикализма – экстремизм и терроризм – обусловили появление множества научных трудов, посвященных как самому явлению, так и способам его профилактики.

Положительно, в частности, следует оценить предпринимаемую в литературе попытку разграничить такие явления, как «радикализм», «экстремизм» и «терроризм» [1], что удается, однако, далеко не всегда. Довольно часто для описания сущности названных явлений используются единые характеристики: склонность к насилию, идейная убежденность, осмысленность действий. Сближают радикализм и экстремизм и описанные в литературе представления об их общей природе – фрустрированных ожиданиях и беспомощности, эмоциональном напряжении, чувствах неудовлетворенности и разочарования, которые ведут к разрыву привычных социальных связей, к закрытости субъекта и его отчуждению от общественных институтов [2]. Проблема, однако, видится в том, что описание экстремизма исключительно как крайней степени радикализации провоцирует поиск однотипных способов противодействия данным явлениям, хотя это не всегда оправданно.

Проявления радикальных настроений в молодежной среде – отдельная тема исследований, интерес к которой обусловлен целым рядом обстоятельств: уверенностью, что именно эта категория населения в силу своих психолого-возрастных особенностей наиболее подвержена влиянию радикализма; возложением на молодое поколение ответственности за будущее государства; признанием необходимости позитивного участия данной социально-демографической группы в политической жизни общества. Но, к сожалению, в теоретических разработках вопросов радикализации молодежи также имеется немало «перекосов». Наиболее серьезный из них состоит в том, что подверженность молодых граждан радикальным взглядам и убеждениям трактуется как предпосылка их неизбежного противоправного поведения и практически 100-процентная гарантия их вовлеченности в экстремистские и террористические организации, реализации их «негативного протестного потенциала».

Между тем, представленные в ряде исследований характеристики молодежного радикализма позволяют утверждать, что для него (в отличие от экстремистских проявлений) не характерны крайние насильственные действия, полная закрытость, неразборчивость в средствах, используемых для достижения своих целей. Основными же признаками молодежного радикализма в современной России выступают: ценностный нигилизм, отсутствие связи с организованными радикальными движениями [3], «смыкание понятий справедливости и радикализма», «отношение к праву как форме внешнего контроля, принудительного воздействия» [4], уклонение от сотрудничества с государственными структурами. (Хотя стоит отметить, что однозначных трактовок самого понятия «радикализм», а равно сфер и форм его проявления в литературе не наблюдается).

Следовательно, далеко не все проявления радикальных настроений поддаются юридической оценке, или, по крайней мере, могут быть адекватно квалифицированы с точки зрения действующего законодательства. Отдельные проявления радикальных настроений совсем не обязательно сопряжены с противоправным поведением. Например, отрицательная оценка тех или иных явлений российской действительности, отдельных действий правительства, фактов социальной несправедливости и т.п. может быть связана с радикальными воззрениями, но не содержать в себе признаков правонарушения.

Но поскольку нет адекватной юридической оценки, то не может быть и эффективных мер противодействия негативным тенденциям развития молодежной активности. В практической плоскости это находит выражение в отсутствии государственной системы выявления и нейтрализации детерминант радикального поведения молодежи, предотвращения его противоправных «выплесков» как в групповых, так и в индивидуальных формах.

Например, активизация информационно-просветительских кампаний против экстремизма в СМИ чаще всего бывает спровоцирована каким-либо громким случаем с применением молодыми людьми принесенного в школу или вуз оружия и массовым расстрелом собственных одноклассников или педагогов. К сожалению, начиная с 2014 г., подобные преступления на территории нашей страны происходят практически ежегодно. В их числе: убийство ножом 15-летней школьницы в кабинете директора школы (Находка, 2016 г.); активация в школе устройства для отпугивания собак, вследствие чего 4 человека получили контузию (Московская область, 2017 г.); стрельба в сентябре 2021 г. из охотничьего ружья в одном из корпусов Пермского госуниверситета, в результате которой 6 человек погибли и 19 получили огнестрельные ранения; месяцем позже опять же в Пермском крае 12-летний подросток стрелял в школе из охотничьего карабина «Сайга» и др.

Однако, юридическая оценка названных действий не имеет отношения к экстремизму или терроризму. Так, деяние школьника, набросившегося на учительницу с кухонным топориком, а затем устроившего стрельбу из пневматического ружья и разбрасывавшего взрывпакеты (Московская область, осень 2017 г.), было квалифицировано по ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 105 УК РФ (покушение на убийство в связи с осуществлением служебной деятельности) и ч. 3 ст. 213 УК РФ (хулиганство с применением взрывчатых веществ) [5].

Мотивы подобных поступков чаще всего сводятся к мести педагогу или соученикам, попытке решить конфликт личного характера. Возможно также, что впоследствии виновное лицо будет признано невменяемым на момент совершения преступления. Но главное, что во всех имевших место случаях использования оружия в школе (вузе, колледже) не могло идти речи об экстремизме или терроризме.

Напомним, что в уголовном законодательстве России к признакам деяний экстремистского характера относятся «публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности» (ст. 280 УК РФ) [6], «возбуждение ненависти либо вражды», «унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе» (ст. 282 УК РФ) «организация экстремистского сообщества» (ст. 282.1 УК РФ), создание экстремистской организации либо участие в ее деятельности (ст. 282.2 УК РФ) и т.п.. Легальное определение террористического акта дано в ст. 205 УК РФ, где таковым признается «совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека...», причём «в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций...».

Следовательно, с юридической точки зрения, деяния молодых или малолетних преступников, состоящие в покушении на жизнь своих сверстников в стенах учебных учреждений, не имеют отношения ни к экстремизму, ни к терроризму, а потому проводить работу по предотвращению подобных ситуаций средствами, ориентированными на борьбу с экстремизмом и терроризмом, неэффективно и, вероятно, ошибочно.

Что же касается минимизации проявления радикальных настроений в молодежной среде, то очевидно, что эта задача не может быть решена исключительно профилактическими мерами, поскольку причины данного явления имеют системный характер. Они обусловлены, согласно выводам исследователей, множеством факторов: снижением уровня жизни, демографическими проблемами, безработицей, неэффективностью образовательной системы, недоверием власти и в целом нестабильностью тех общественных отношений, которые обеспечивают плавный процесс социализации молодежи и предсказуемость траектории ее развития. Говоря иначе, без устранения системных деформаций в условиях развития государства и его отдельных институтов обеспечить эффективность профилактики радикальных настроений в молодежной среде будет крайне сложно. Следовательно, в реально существующих условиях речь должна идти не о профилактике радикальных настроений как таковых, а, главным образом, об их минимизации и предотвращении экстремистских действий. При этом соответствующая работа должна проводиться комплексно и на постоянной основе, а не только в те периоды, когда в стране происходит очередное ЧП со стрельбой в школе, участием подростков в несанкционированных политических акциях или групповых самоубийствах.

В совокупности же тех мер, которые могут быть предприняты усилиями отдельных общественных институтов, можно назвать лишь информационно-пропагандистские кампании, целью которых является разъяснение опасности самих радикальных действий и их последствий, а равно их предотвращение. Основная задача по проведению таких кампаний (при соответствующей поддержке со стороны правоохранительных органов) ложится на плечи образовательных организаций различных уровней – школ, колледжей, вузов – как основных мест локализации молодежи и важнейших субъектов, реализующих социально-воспитательные функции. В контексте рассматриваемой проблематики главная из них – воспитание правовое, направленное на преодоление тяги к ненормативному поведению, способному служить детерминантой радикализации поведенческих практик.

Действительно, в настоящее время по всей стране среди молодежи проводится большая информационно-просветительская работа, которую осуществляют и руководители образовательных организаций, и преподаватели, и представители самой молодежи (например, студенты-волонтеры). Относительно регулярно проводятся мероприятия, в ходе которых решаются вопросы улучшения микроклимата в школах и вузах, обсуждаются проблемы толерантности, разъясняются возможности разрешения конфликтов «мирным» путем. В цели подобной работы входит:

- формирование правовой грамотности и навыков самостоятельной правовой оценки собственного поведения;
- воспитание и пропаганда толерантного отношения к людям с разным социальным статусом, различной национальности, языковой и религиозной принадлежности;
- развитие социальной ответственности, гражданственности, объективности и сдержанности в восприятии внутренней и внешней политики своего государства;
- формирование представлений о правовых и иных социально приемлемых способах разрешения конфликтов.

Например, в ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского (далее – Университет), где обучаются более 200 иностранных студентов, традиционно в начале учебного года проводятся встречи, на которых студентам рассказывают о действующих на территории России законах, о правилах поведения в общественных

местах и, что весьма важно, о порядке обращения граждан (в случае нарушения их прав и интересов) в органы внутренних дел. Среди тех мероприятий, которые запланированы для проведения в Университете в текущем учебном году и которые также направлены на профилактику экстремизма, воспитание толерантности и правовой грамотности, следует назвать: беседу со студентами, проживающими в общежитии Университета (а это более 100 человек), на тему «Основы противодействия терроризму»; открытую лекцию для иностранных студентов Университета с представителями МВД РФ и ФСБ России на тему «Международное сотрудничество в области противодействия терроризму»; открытую лекцию «О предупреждении террористических актов в общественных местах»; тестирование среди студентов и кураторов учебных групп на знание основ противодействия экстремизму и оказания первой помощи; распространение информационных постов просветительского характера через социальные сети (Instagram, «В контакте») о правилах поведения в условиях чрезвычайных ситуаций.

Но особое внимание в работе по профилактике радикализма, на наш взгляд, необходимо уделять возрастной группе от 14 до 18 лет как наиболее уязвимой для различного рода деструктивных влияний. Именно в этом возрасте в жизни любого человека складывается особая социально-психологическая ситуация, в силу которой подростки отличаются, с одной стороны, доверчивостью и несамостоятельностью, отсутствием объективного взгляда на окружающую действительность, а с другой – стремлением быстро решить все проблемы, в том числе материальные. Отсюда – легкая доступность этой возрастной группы для ее вербовки в ряды разного рода радикальных течений и экстремистских сообществ. Соответственно крайне важно, чтобы такая просветительская работа начиналась еще в школе.

С этой точки зрения, студенты педагогического вуза – особая категория субъектов профилактической деятельности. Практически с первого курса у будущих педагогов проводится практика в школе и в летних лагерях. Следовательно, у них есть дополнительные возможности осуществлять работу по правовому воспитанию школьников (в том числе – в интересах профилактики радикальных настроений и предотвращения экстремистских и иных противоправных действий). В этой ситуации происходит своего рода «смычка» интересов: стремясь предостеречь школьников от увлечения экстремистской идеологией, предупреждая их об опасности деструктивных действий (в том числе тех, которые зачастую навязывает «Интернет»), студенты формируют собственную систему убеждений, начинают более взвешенно оценивать собственное поведение.

Формами организации работы будущих педагогов со школьниками являются: организация классных часов (первоначально совместно с учителями, затем – самостоятельно), проведение бесед со старшеклассниками о терпимости во взаимоотношениях, необходимости разрешения любых споров мирным путем, опасности плохо осознаваемых радикальных взглядов и настроений.

Однако, как представляется, в рамках довольно большого объема работы по правовому воспитанию молодых граждан (в том числе с целью минимизации радикальных настроений) необходимо усилить ту ее составляющую, которая ориентирована на позитивные действия самой молодежи. Очень важно объяснять молодым гражданам, что далеко не всё в их жизни предопределено государством или исходящей от действующей власти, что многое зависит и от них лично – от их позитивного мышления и стремления принести пользу родине и самим себе. И главное: средством достижения такого результата могут и должны быть созидательные, а не разрушительные действия.

Таким образом, в интересах формирования государственной системы выявления и предупреждения групповых и индивидуальных форм проявления молодежного радикализма необходимо, во-первых, на доктринальном уровне разграничить такие понятия, как «радикализм», «экстремизм» и «терроризм»; выработать четкие представления о признаках радикальных настроений в молодежной аудитории и способах их предупреждения. Во-вторых, на правоприменительном уровне следует пресечь практику отождествления любых неадекватных действий подростков (в том числе с использованием огнестрельного оружия) с понятием «экстремизм», т.к. подобное отождествление не позволяет выявить реальные причины подростковой агрессии и соответственно грамотно ее нейтрализовать. Эта работа должна проводиться комплексно и на постоянной основе всеми заинтересованными субъектами, включая правоохранительные органы, общественные институты, образовательные организации, семью. Наконец, необходимо совершенствовать российское законодательство в части выработки норм, позволяющих эффективно нейтрализовать негативные проявления молодежного радикализма.

Литература

1. Урусова Л.Х. Радикализм: трудности дефиниций // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. № 3. С. 77 – 81.
2. Осипов В.Г. Радикализм, экстремизм и терроризм. К методологии проблематизации // Социологический альманах. 2018. № 9. С. 51 – 61.
3. Энгель В.В. Современный европейский радикализм: компаративный анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. № 1. С. 138 – 161.
4. Столяренко Е.В. Внесистемная молодежная оппозиция: тенденции радикализма // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 73 – 76.
5. Суд вынес приговор устроившему стрельбу в ивантеевской школе подростку. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5c66b94a9a7947a7d82e1d37> (дата обращения: 15.11.2021)
6. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

References

1. Urusova L.H. Radikalizm: trudnosti definicij. Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2021. T. 14. № 3. S. 77 – 81.
2. Osipov V.G. Radikalizm, ekstremizm i terrorizm. K metodologii problematizacii. Sociologicheskij al'manah. 2018. № 9. S. 51 – 61.
3. Engel' V.V. Sovremennyyj evropejskij radikalizm: komparativnyj analiz. Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2019. № 1. S. 138 – 161.
4. Stolyarenko E.V. Vnesistemnaya molodezhnaya oppoziciya: tendencii radikalizma Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2012. № 2. S. 73 – 76.
5. Sud vynes prigovor ustroivshemu strel'bu v ivanteevskoj shkole podrostku. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5c66b94a9a7947a7d82e1d37> (data obrashcheniya: 15.11.2021)
6. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii: Feder. zakon Ros. Federacii ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ (red. ot 01.07.2021) // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 1996. № 25. St. 2954

О ПОНЯТИЯХ «ИСТОЧНИК ПРАВА» И «ИСТОЧНИК
МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРАВА»

Квач С.С., доктор философских наук, доцент,
Федулов И.Н., профессор,
Романова Т.И., доцент,
Югорский государственный университет

Аннотация: в статье излагается авторский подход к пониманию сущностного содержания таких важнейших юридических категорий, как «источник права» и «источник муниципального права». В работе не затрагиваются теоретические проблемы соотношения понятий «источник права» и «форма права», а делается упор на содержательное наполнение изучаемой категории. Приводится краткий обзор некоторых, отдельных существующих подходов к определению исследуемых понятий, рассмотрены подходы Петражицкого Л.И., Коркунов Н.М., Бержеля Ж.Л., Кутафин О.Е. и некоторых других авторов. В работе приводится выработанный авторами самостоятельный подход к пониманию содержания категории «источник права». Акцентируется внимание на важности таких элементов моральной регуляции, как идеал, система правил поведения, различные формы контроля со стороны социума. Выделяются «первичные» источники права, в качестве которых, по мнению авторов, выступают интуитивные принципы. Данные принципы не являются решением органом власти, а вырабатываются в социуме в течение длительного времени. Именно эти интуитивные принципы при определённых обстоятельствах могут закрепляться властью в виде норм права. Именно из этой базовой идеи авторы выводят определение источника права. Результатом исследования является авторское определение понятия «источник муниципального права».

Ключевые слова: источники права, правовое регулирование, формы права, нормы права, источник муниципального права

ON THE CONCEPTS OF “SOURCE OF LAW” AND “SOURCE OF MUNICIPAL LAW”

Kvach S.S., Doctor of Philosophical Sciences
(Advanced Doctor), Associate Professor,
Fedulov I.N., Professor,
Romanova T.I., Associate Professor,
Ugra State University

Abstract: the article presents the author's approach to understanding the essential content of such important legal categories as "source of law" and "source of municipal law". The paper does not address the theoretical problems of the relationship between the concepts of "source of law" and "form of law", but focuses on the content content of the category under study. A brief overview of some existing approaches to the definition of the concepts under study is given, the approaches of Petrazhitzky L.I., Korkunov N.M., Bergel J.L., Kutafin O.E. and some other authors are considered. The paper presents an independent approach developed by the authors to understanding the content of the category "source of law". Attention is focused on the importance of such elements of moral regulation as the ideal, the system of rules of behavior, various forms of control by society. The "primary" sources of law are distinguished, which, according to the authors, are intuitive principles. These principles are not a decision of the authority, but are developed in society for a long time. It is these intuitive principles that, under certain circumstances, can be fixed by the authorities in the form of legal norms. It is from this basic idea that the authors derive the definition of the source of law. The result of the research is the author's definition of the concept of "source of municipal law".

Keywords: sources of law, legal regulation, forms of law, norms of law, source of municipal law

Термин «источник права» относится к перечню основных понятий, которыми оперирует юридическая наука, и представляет собой ключевую категорию правоведения, традиционно являющуюся одной из наиболее дискуссионных.

Общепринят тот факт, что впервые понятие «источник права» ввел в научный оборот древнеримский мыслитель Тит Ливий, который назвал Законы XII таблиц источником всего публичного и частного права (fons omnis publice privatsque juris) [1, с. 17]. С тех пор и по сей день, неугасимы дискуссии относительно толкования этого термина и наполнения его юридическим содержанием, однако в юридической науке до

сих пор нет определения источника права, которое было бы принято, как общепризнанное. К тому же для определения этого явления как синонимы применяются понятия «источник», «форма», «внешняя форма».

Кутафин О.Е. по этому поводу отмечает, что до сих пор сохраняется множественность и противоречие точек зрения как о самом понятии источников права, так и об их соотношении и связи [2, с. 11].

Определенное игнорирование законодателем при разработке законопроектов термина «источник права» никак не влияет на всестороннее исследование и использование этой понятийной категории среди ученых.

Исследуя разные периоды развития юридической науки, можем увидеть разные подходы к толкованию термина «источник права», который имел свои особенности, наверняка в силу доминирующего в тот или иной период времени типа правопонимания.

Коркунов Н.М. отмечал, что существующие в литературе разногласия, по вопросу о том, что именно должно быть определено источником права, обуславливается главным образом ложными убеждениями о значении источников права. Коркунов М.М. апеллирует к представителям исторической школы, ибо «они мол прибегли к противоположным крайностям», поэтому они и расширяли чрезмерно, понятие источников права, относя к ним и науку права, что обычно служит источником познания права, но что не может быть признаком обязательно юридических норм. Источники права по Коркунову Н.М. представлены как юридические формы объективизации, служащие признаком их общеобязательности [3].

Интересной, на наш взгляд, выглядит критика величайшего, в то время, из теоретиков права России Петражицкого Л.И., отмечавшего, что «кошки, собаки и т.д. не являются источниками животных, не являются формами создания животных, и вообще не является чем-то отделенным от животных, а просто - животные. И точно также, так называемые источники права – обычное право, законное право и т. и. есть не что иное как само право». То есть понятие источник права у него отождествляется с правом в его объективном понимании [4, с. 411].

Алексеев Н.Н., ссылаясь на работы Петражицкого Л.И. отмечал, что источником права следует понимать все то, что правомочно создавать права и обязанности [5, с. 165]. Следует учесть, что в качестве нормативного факта могут выступать любые нормы положительного права. Автор устанавливает эти нормы как первичные источники права. Они служат основанием для образования неограниченного количества норм, постановлений, распоряжений и т.д., с соответствующим им толкованием и объяснением. В последних, в свою очередь, необходимо отличать с одной стороны те условные установления, которые основываясь на нормативных фактах, получают способность устанавливать права и обязанности – то есть вторичные источники права, с другой стороны то, что устанавливаются этими источниками в качестве обоснованных требований и обязательств [5, с. 149].

Учитывая демократические принципы построения современных государств, безусловно, первичным носителем права может быть признан только народ, или население определенной территории, а государственные органы и органы самоорганизации следует рассматривать как механизм осуществления власти в руках народа. В этой связи нужно отметить, что в советское время право определялось как проявление воли доминирующего класса. Субъектами же правотворчества признавались только государственные органы.

Современные ученые все большую роль в процессах повышения качества правовой жизни отводят именно гражданам, принимающим активное участие в решении юридических проблем [6].

Однако, некорректно полное исключение или недооценка роли государства при определении источников права.

Следует привести справедливое замечание Ж.Л. Берজেя о том, что термином «источники права» обычно принято обозначать одновременно две разные категории: содержательные и формальные источники права. Дефиниция «источника права» предусматривает также способ формирования юридических норм, то есть приемы и акты, с помощью которых эти нормы вызываются к жизни, становятся составной частью положительного права и получают статус норм закона [7, с. 97-98].

При этом кроме органов государственной власти «создателем» норм права могут также выступать и органы местного самоуправления, территориальные общины и граждане государства (общегосударственный референдум), руководители предприятий и ведомств и другие властные субъекты. К тому же, следует отметить, что правовые нормы возникают между субъектами как в императивном, так и в консенсусном порядке, то есть путем заключения договора. При этом, несмотря на природу правовых норм, их исполнение гарантируется государством.

Следует обратить внимание на еще один важный аспект, связанный с необходимостью ознакомления субъекта об установлении определенных правил его поведения. То есть, информация о содержании установленной нормы права не должна быть ограничена в доступе от субъектов, на которых распространяется действие.

Тогда, источники права, в узком (формальном) их понимании – это формально определенные, установленные в императивном порядке или по договоренности, доступные для ознакомления документы, содержащие правила поведения, обязательность выполнения которых гарантируется государством.

Остается лишь установить «первичные источники права», то есть те «резервуары», из которых сам законодатель черпает конкретно оговоренные правила поведения.

Как подметил выдающийся немецкий ученый, доктор права Ян Шапп, жизнь человека происходит в обществе, но в процессе своей деятельности она либо соблюдает, либо наоборот, нарушает интересы других людей, государства, общества. Связь с обществом представляет собой результат исторического процесса, связывающего людей в едином потоке событий [8, с. 87]. Итак, опираясь на позицию Яна Шаппа, можем говорить о влиятельном значении жизненных ситуативных событий при определении природы юридически установленных правил поведения.

Еще Петражицкий Л.И. заложил принцип разграничения права на официальное и интуитивное. Официальное – санкционированное и гарантированное государством. Оно имеет менее динамичные темпы развития и не успевает за социальными, экономическими, техническими, духовными и какими-либо другими изменениями, происходящими в жизни, тогда как интуитивное право свободно меняется в соответствии с социокультурными сдвигами [4].

Рассматривая интуитивные нормы как самостоятельные элементы регуляции поведения индивида, можем увидеть в них независимые от положительного права рычаги управления. Их действие основано на моральной мотивации человека к совершению или воздержанию от совершения определенных действий.

Обычно в философии права различают такие элементы моральной регуляции, как:

- идеал, отражающий представление общества, класса или социальной группы об нравственном совершенстве;
- система правил поведения, соблюдение которых является необходимым условием функционирования общества, достижение им своих нравственных ценностей;
- различные формы контроля со стороны социума, например общественное мнение, общественное осуждение и другие, направленные на обеспечение реализации моральных норм.

Нравственные нормы регулируют поведение, как общества в целом, так и каждого отдельного человека на интуитивном уровне. Суть механизма их действия состоит не только в том, что сами люди контролируют жизнь друг друга, но каждый сам моделирует свое поведение, ориентируясь по своим личным моральным ценностям.

Именно субъективное правосознание, обуславливающее наличие и характер сложившихся у индивида интуитивных принципов (Ж. Бертельс выделяет моральные, религиозные, философские, политические, социальные и идеологические) предполагает содержание норм положительного права, которые могут быть приняты в будущем.

При этом любая норма права появляется не сама по себе, а как логический результат сложения определенных факторов: с одной стороны это наличие интуитивных принципов, с другой обстоятельства в силу существования которых появляется необходимость защиты первых. Такими обстоятельствами могут выступать: возникновение новых по своему характеру социальных отношений; появление технических изобретений; духовные, идеологические и другие социальные конфигурации.

Так, например, запрет превышения допустимой скорости при движении на автомобиле есть ничто иное как устоявшийся тысячелетиями в социуме моральный принцип о недопущении совершения действий, которые могут быть опасны для окружающих, который в силу возникновения определенных обстоятельств – изобретение и распространение скоростных средств передвижения, получил юридическое закрепление посредством нормы права.

Итак, по нашему мнению, под первичным источником права необходимо понимать устоявшиеся в отдельной социальной группе интуитивные принципиальные правила поведения субъекта, которые в результате возникновения определенных жизненных обстоятельств получают юридическое закрепление в выражении нормы права.

То есть, по нашему определению, любой первичный источник права обязательно имеет два неотъемлемых элемента:

1. Интуитивный принцип относительно возможности (или обязательности) определенного поведения индивида, не являющегося ситуативным, поскольку сложился в обществе или в отдельной социальной группе в течение значительного периода времени;

2. Конкретные жизненные ситуации, обуславливающие необходимость правового гарантирования устоявшегося в общественной группе принципа. Эти происшествия выступают своеобразным катализатором процесса возникновения нормы права.

Тогда, основываясь на определенном нами понятии «источник права», мы можем сформулировать дефиницию категории «источник муниципального права» в формальном его понимании. При этом, следует учитывать особую правовую природу источников муниципального права, роль конституции и международных договоров в их становлении [9].

Источник муниципального права – внешняя форма выражения правовых норм, установленных или санкционированных народом Украины или другим уполномоченным субъектом, доступных для ознакомления, регулирующих правила поведения субъектов муниципально-правовых отношений и обязательность соблюдения которых гарантируется государством.

Литература

1. Дождев Д.В. Римское частное право. Учебник для вузов. Под редакцией члена-корр. РАН, профессора В.С. Нерсисянца. М.: Издательская группа ИНФРА М-норма, 1996. 704 с.
2. Кутафин О.Е. Источники конституционного права Российской Федерации. М., 2000. 348 с.
3. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. Книга 1. По изданию 1914 года. С. 290 – 291. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.allpravo.ru (дата доступа: 19.10.2021)
4. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Серия: Мир культуры, истории и философии. СПб.: Изд-во «Лань», 2000. 608 с.
5. Алексеев Н.Н. Основы философии права / оформление обложки С.Л. Шапиро, А.А. Олексеенко. СПб.: Изд-во «Лань», 1999. 256 с.
6. Малько А.В. Теория правовой политики. М.: Юрлитинформ, 2012. 328 с.
7. Бертель Жан-Луи. Общая теория права: пер. с фр. / Под. общ. ред. В.И. Даниленко. М.: Издательский дом NOTA BENE, 2000. 576 с.
8. Ян Шапп. О свободе, морали и праве // Государство и право. 2002. № 5. С. 85 – 92.
9. Авдеев В.А., Таболин В.В., Оспичев И.М. и др. Актуальные тенденции развития и совершенствования местного самоуправления на современном этапе "Город – территория безопасности" / Министерство образования и науки Российской Федерации, Югорский государственный университет, Администрация города Ханты-Мансийска, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ассоциация юристов России (Ханты-Мансийское региональное отделение), Всероссийский совет местного самоуправления (Ханты-Мансийское региональное отделение). Ханты-Мансийск: Югорский государственный университет, 2018. 292 с. ISBN 978-5-9611-0138-6

References

1. Dozhdev D.V. Rimskoe chastnoe pravo. Uchebnik dlya vuzov. Pod redakciej chlena-korr. RAN, profesora V.S. Nersesyanc. M.: Izdatel'skaya gruppy INFRA M-norma, 1996. 704 s.
2. Kutafin O.E. Istochniki konstitucionnogo prava Rossijskoj Federacii. M., 2000. 348 s.
3. Korkunov N.M. Lekcii po obshchej teorii prava. Kniga 1. Po izdaniyu 1914 goda. S. 290 – 291 [Elektronnij resurs]. Rezhim dostupa: www.allpravo.ru (data dostupa: 19.10.2021)
4. Petrazhickij L.I. Teoriya prava i gosudarstva v svyati s teoriej npravstvennosti. Seriya: Mir kul'tury, istorii i filosofii. SPb.: Izd-vo «Lan'», 2000. 608 s.
5. Alekseev N.N. Osnovi filosofii prava. oformlenie oblozhki S.L. SHapiro, A.A. Olekseenko. SPb.: Izd-vo «Lan'», 1999. 256 s.
6. Mal'ko A.V. Teoriya pravovoj politiki. M.: Yurlitinform, 2012. 328 s.
7. Berzhel' Zhan-Lui. Obshchaya teoriya prava: per. s fr. Pod. obshch. red. V.I. Danilenko. M.: Izdatel'skij dom NOTA BENE, 2000. 576 s.
8. Yan SHapp. O svobode, morali i prave Gosudarstvo i pravo. 2002. № 5. S. 85 – 92.
9. Avdeev V.A., Tabolin V.V., Ospichev I.M. i dr. Aktual'nye tendencii razvitiya i sovershenstvovaniya mestnogo samoupravleniya na sovremennom etape "Gorod – territoriya bezopasnosti". Ministerstvo obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federacii, Yugorskij gosudarstvennyj universitet, Administraciya goroda Hanty-Mansijska, Rossijskaya akademiya narodnogo hozyajstva i gosudarstven-noj sluzhby pri Prezidente Rossijskoj Federacii, Associaciya yuristov Rossii (Hanty-Mansijskoe regional'noe otdelenie), Vserossijskij sovet mestnogo samoupravleniya (Hanty-Mansijskoe regio-nal'noe otdelenie). Hanty-Mansijsk: Yugorskij gosudarstvennyj universitet, 2018. 292 s. ISBN 978-5-9611-0138-6

**К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ СУДЕБНОГО ПРИСТАВА
И ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ**

**Халифаева А.К., доктор юридических наук, профессор,
Айбатов М.М., доктор юридических наук, профессор,
Чаканаев М.Р.,
Алиев А.М.,
Дагестанский государственный университет**

Аннотация: статья посвящена в целом вопросам истории судебного пристава зарубежных стран. Проводится анализ деятельности службы судебных приставов, в частности, таких зарубежных стран как Англия, Франция: рассматриваются общие аспекты и особенности исполнительного производства, отдельные вопросы организационно правового статуса институтов исполнения судебных актов.

В статье говорится, что Судебный пристав – лицо суда, наделенное полицейскими полномочиями защищать суд во время заседания и полномочиями обслуживать и осуществлять судебный процесс. В прежние времена это был титул более достойный и могущественный.

Судебные приставы исполняют решения суда или других органов власти. Для этого закон предоставляет им особые полномочия: взыскивать долги и контролировать исполнение обязательств, которые прописаны в исполнительных документах.

Согласно контексту, можно сделать вывод, что приставы-исполнители исполняют решения суда: арестовывают счета, списывают деньги с карты в счет уплаты штрафов и алиментов, изымают имущество. Еще они контролируют исполнение решений суда, не связанных с имущественными требованиями: например, если нужно восстановить незаконно уволенного сотрудника.

Ключевые слова: пристав, судебный пристав, исполнитель

**TO THE QUESTION OF THE HISTORY OF THE BAILIFF
AND THE PRELIMINARY INVESTIGATION BODIES**

**Halifaeva A.K., Doctor of Juridical Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Aibatov M.M., Doctor of Juridical Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Chakanaev M.R.,
Aliiev A.M.,
Dagestan State University**

Abstract: the article is devoted in general to the issues of the history of the bailiff of foreign countries. The analysis of the activities of the bailiff service, in particular, of such foreign countries as England, France, is carried out: general aspects and features of enforcement proceedings, individual issues of the organizational and legal status of institutions for the execution of judicial acts are considered.

The article states that a bailiff is a person of the court, endowed with police powers to protect the court during the meeting and the authority to serve and carry out the judicial process. In the old days, it was a title more worthy and powerful.

Bailiffs execute decisions of the court or other authorities. To do this, the law grants them special powers: to collect debts and monitor the fulfillment of obligations that are prescribed in executive documents.

According to the context, it can be concluded that bailiffs execute court decisions: they arrest accounts, write off money from the card to pay fines and alimony, seize property. They also control the execution of court decisions that are not related to property claims: for example, if you need to restore an illegally dismissed employee.

Keywords: bailiff, bailiff service officer, executor

Судебный пристав – лицо суда, наделенное полицейскими полномочиями защищать суд во время заседания и полномочиями обслуживать и осуществлять судебный процесс. В прежние времена это был титул более достойный и могущественный.

В средневековой Англии были судебные приставы, которые служили хозяину поместья, в то время как другие служили сотне судов и шерифу. Судебные приставы поместий были, по сути, управляющими; они собирали штрафы и арендную плату, выполняли функции бухгалтеров и, как правило, отвечали за землю и здания в поместье. Судебные приставы, которые обслуживали сто судов, назначались шерифом; они помогали судьям в судебных заседаниях (заседания королевского суда проводились два раза в год в каждом

графстве), выступали в качестве судебных исполнителей и исполнителей судебных приказов, собирали присяжных и собирали штрафы в суде.

Во Франции байи обладали гораздо большей властью; с XIII по XV вв. они были главными агентами короля и его растущей центральной администрации по борьбе с феодализмом. Байи был частью этой центральной администрации, назначенной королем и обязанной отчитываться перед ним, и стоял между прево и центральным королевским двором. На юге сенешо, которые первоначально были феодальными чиновниками короны, выполняли те же функции, что и бейлис. Положение гранд-байи в округе было равно положению английского шерифа.

Как и прево, байи представляли короля во многих видах бизнеса. Как администраторы, они отвечали за более мелких должностных лиц, поддержание общественного порядка, публикацию указов короля и выполнение его приказов. В военном деле байи призывали мужчин на службу, собирали налоги, уплачиваемые вместо службы, командовали войсками, собранными прево, и отвечали за общую оборону района. Как финансовые агенты короны, они были администраторами королевских владений, выплачивали жалованье местным чиновникам и передавали средства, полученные от различных налогов, штрафов и сборов, в королевскую казну. Судебные обязанности бейлиса были, пожалуй, самыми важными. Они проводили суд в местных присяжных, состоящих из королевских чиновников и видных буржуа (позже судебных чиновников и адвокатов), которые высказывали свое мнение о том, какое местное обычное право следует применять в делах, рассматриваемых судом. Бейлис суд обладал первоначальной юрисдикцией в отношении дел, касающихся дворянства, и апелляционной юрисдикцией в отношении дел, первоначально рассмотренных прево и некоторыми сеньориальными судами. Бейлис также обладал юрисдикцией в отношении дел, затрагивающих владения короля и его права.

С объединением значительной части феодальных земель в собственность короны стало очевидно, что ни один человек не сможет справиться с таким количеством рабочих мест. В результате были созданы другие офицеры, чтобы облегчить бремя байи, и в конце концов они лишили его большей части его власти. К началу XIV века были назначены приемники, которые взяли на себя управление финансами. С созданием постоянной армии и ее собственных офицеров (XV век), байи потерял свою военную мощь. Его судебные функции постепенно исчезали в течение столетий. Еще в конце XIII века лейтенанты были созданы для службы при бейлисе; часто они служили вместо них. В конце концов, лейтенанты должны были иметь юридические степени, и к XVI веку они полностью вытеснили бейли, которым больше не разрешалось участвовать в судебных решениях. В XVII веке административные обязанности бейлиса были полностью переданы интендантам, тем самым лишая их последних реальных полномочий. Несмотря на то, что их должности можно было приобрести и передать по наследству, и их нельзя было убрать, они стали просто номинальными руководителями [4].

В современный период инструктаж исполнительного агента (до сих пор обычно называемого судебным приставом) является одним из методов принудительного исполнения гражданского долга. Различные исполнительные органы используются для взыскания различных видов невыплаченной задолженности от имени кредиторов (включая местные органы власти, государственные ведомства и частных лиц). Некоторые судебные исполнители являются должностными лицами суда, другие работают на себя, некоторые являются сотрудниками частной компании по взысканию долгов. Правила, регулирующие деятельность судебных приставов, были полностью пересмотрены 6 апреля 2014 года.

Этот источник в основном посвящен гражданскому правоприменению в Англии и Уэльсе, в нем дается краткое описание различных типов правоприменителей и их регулирования. В нем также содержится информация о недавнем обзоре Министерством юстиции режима регулирования и отдельном расследовании Комитета юстиции. Важно отметить, что в этом контексте предпринята попытка ответить на некоторые из наиболее часто задаваемых вопросов о действиях «судебного пристава».

Важно подчеркнуть, что если судебный исполнитель уже уведомил должника о своем намерении посетить его дом, должнику следует в срочном порядке обратиться за надлежащей юридической консультацией.

В Англии и Уэльсе судебный исполнитель (или должностное лицо) в настоящее время является официальным названием судебного пристава с момента пересмотра правил в 2014 году, хотя термин «судебный пристав» по-прежнему широко используется. В двух словах, исполнительные агенты используются для взыскания непоплаченных долгов от имени кредиторов (включая местные органы власти, государственные ведомства и частных кредиторов посредством решений окружного суда). Они имеют законное право вывозить и продавать товары с помощью ордеров и распоряжений о контроле (для окружных и Высоких судов соответственно) для покрытия задолженности и сборов, взимаемых с должника.

Следует отметить, что Высокий суд является одним из двух основных гражданских судов, которые рассматривают не уголовные дела и обычно связаны с финансовыми претензиями. Другим гражданским судом

является окружной суд. Дела, связанные с финансовыми претензиями более высокой стоимости, рассматриваются Высоким судом, в то время как Окружной суд рассматривает более мелкие претензии.

Типы судебных исполнителей.

Существуют различные виды правоприменителей, а именно:

- Сертифицированные сотрудники правоохранительных органов
- Сотрудники правоохранительных органов Высокого суда
- Судебные приставы окружного суда
- Гражданские сотрудники правоохранительных органов

Различные исполнительные органы используются для взыскания различных видов долгов. Подробная информация о каждом из них представлена ниже.

Сертифицированные исполнительные агенты.

Судебный исполнитель может быть сертифицирован окружным судом. Сертифицированные исполнительные агенты (ранее известные как сертифицированные судебные приставы) используются для контроля над товарами и действуют на основании ордера или постановления об ответственности, выданного Мирным судом за такие долги, как:

- задолженность по арендной плате,
- задолженность по налогам совета,
- тарифы за пределами страны,
- штрафы за парковку,
- и задолженность агентства по алиментам.

Большинство сертифицированных судебных исполнителей работают в частных судебных компаниях, но агенты должны иметь индивидуальный сертификат. Они не являются должностными лицами суда, но они сертифицированы судом. Процесс сертификации позволяет суду осуществлять определенный контроль над стандартами компетентности и поведения этих сотрудников правоохранительных органов.

Сертификат, выданный окружным судом, уполномочивает судебного исполнителя осуществлять контроль над товарами в любой точке Англии и Уэльса. Сертификат должен продлеваться каждые два года. Чтобы претендовать на получение сертификата, заявитель должен убедить суд в том, что он является «подходящим и надлежащим» лицом для выполнения функций исполнительного агента. Заявитель должен доказать, что он обладает достаточными знаниями законодательства и процедур, касающихся полномочий по исполнению, и предоставить залоговое обеспечение.

Министерство юстиции ведет реестр сертифицированных судебных исполнителей (судебных приставов). В этом реестре содержатся сведения обо всех исполнительных агентах, у которых есть сертификат, выданный судьей окружного суда, который позволяет им осуществлять принудительные действия путем контроля над товарами и, при необходимости, продажи их для взыскания долга. В нем также содержатся сведения обо всех лицах, которые подали заявку на получение или продление такого сертификата.

Важно проводить различие между сертифицированным судебным исполнителем и частным сборщиком долгов. Решающее различие заключается в том, что судебный исполнитель завершит процесс сертификации и будет уполномочен судом действовать, в то время как частный сборщик долгов является сотрудником частной компании. Они не обладают такой же юридической властью, как сертифицированные сотрудники правоохранительных органов. Например, сборщикам долгов не разрешается брать под контроль товары.

Сотрудники правоохранительных органов Высокого суда.

Сотрудник по исполнению решений Высокого суда имеет специальное разрешение Министерства юстиции на приведение в исполнение судебных решений более высокой ценности, известных как Постановления Высокого суда.

Следует отметить, что если решение, вынесенное в окружном суде, превышает 5000 фунтов стерлингов, и истец желает привести его в исполнение путем принудительного исполнения в отношении товаров должника, то оно должно быть передано в Высокий суд для приведения в исполнение.

Назначение регулируется правилами, принятыми в соответствии с Законом о судах 2003 года. Это сотрудники правоохранительных органов частного сектора, назначенные для приведения в исполнение постановлений Высокого суда и любых постановлений окружного суда, которые кредитор передает в Высокий суд для приведения в исполнение. Долг может включать в себя:

- счета за коммунальные услуги,
- долги бизнеса,
- решения трибунала,
- или задолженность по арендной плате.

Судебные исполнители Высокого суда не могут приводить в исполнение судебные решения в отношении долгов, которые регулируются Законом о потребительском кредите 1974 года (также известным как «регулируемый долг»). Примеры регулируемой задолженности включают долги по кредитным картам, личные займы или овердрафты. Судебные решения, касающиеся этих видов долгов, исполняются судебными приставами округа.

Судебные приставы окружного суда.

Судебные приставы окружного суда используются для приведения в исполнение постановлений окружного суда и тех постановлений, вынесенных в судах, которые были переданы в Окружной суд для приведения в исполнение. Они непосредственно работают в судах (в частности, в Службе судов и трибуналов Ее Величества) и несут ответственность перед судом за свои действия. Поскольку они являются сотрудниками Crown, им не нужно проходить сертификацию.

При взыскании денег по решению суда страны полномочия судебного исполнителя действовать вытекают из ордера на контроль. Они могут взять под контроль товары, чтобы вернуть деньги, причитающиеся по заказу, и связанные с этим расходы.

Гражданские Сотрудники Правоохранительных Органов.

Гражданские сотрудники правоохранительных органов (руководители) нанимаются в Магистратском суде в соответствии с положениями Раздела 92 Закона о доступе к правосудию 1999 года, Правилами 1990 года о магистратских судах (гражданские сотрудники правоохранительных органов) и Законом о судах графств 2003 года [2, с. 131].

Эти судебные приставы исполняют целый ряд ордеров, в том числе ордера на бедствие, ордера на арест, обязательства по неуплате штрафов и других сумм, которые суд обязал выплатить. Кроме того, они могут приводить в исполнение ордера на арест за нарушение общественных приговоров.

К вопросу об истории органов предварительного следствия: в начале XVIII века в Российской империи начал формироваться следственный аппарат. С принятием Уголовно-процессуального устава в 1864 году был создан институт судебных следователей, прокурор был наделен особыми полномочиями по надзору за их деятельностью, а также правами государственного обвинителя. Однако следователь, находясь в суде и под надзором прокурора, не имел над собой надзирателя, способного ограничить его независимость. В советский период роль прокурора в уголовном судопроизводстве возросла, и прокурор стал главным руководителем уголовного преследования. На это не повлияло наделение начальника следственного отдела частью своих полномочий в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР 1960 года. В постсоветский период в досудебном производстве был введен судебный контроль, что повлекло за собой сокращение надзорных полномочий прокурора. Возможность его или ее руководства расследованием была исключена, когда руководитель следственного органа появился в 2007 году, но в то же время это оставалось в отношении расследования. Фактически произошла дифференциация управления уголовным преследованием на две модели [3, с. 48]: 1) многоуровневая – сохранила прежний механизм, применяется к дознанию и включает в себя два уровня влияния: внутриведомственный – исходит от руководителей органов и подразделений дознания; надведомственный – исходит от прокурора; 2) одноуровневый - имеет отношение к следователю, все полномочия по процессуальному руководству сосредоточены у руководителя следственного органа [1].

Литература

1. Алексеева Е.С., Васильев Ф.Ю., Ландух Н.В. и др. Модели процессуального управления уголовным преследованием в России и зарубежных странах // Веб-конференция SHS 108, 04005 (2021) IX Балтийский Юридический форум 2020.
2. Голубев В.М. Институт судебных приставов в России: историко-правовое исследование. М., 2011.
3. Макаренко М.А. Уголовно-процессуальные правоотношения с участием прокурора [Уголовно-процессуальные правоотношения с участием прокурора: монография] (Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург. 2019.
4. Судебный пристав // Британская энциклопедия, 12 апреля 2018 г., <https://www.britannica.com/topic/bailiff> (дата обращения^ 12.11.2021)

References

1. Alekseeva E.S., Vasil'ev F.YU., Landuh N.V. i dr. Modeli processual'nogo upravleniya ugovolnym presledovaniem v Rossii i zarubezhnyh stranah. Veb-konferenciya SHS 108, 04005 (2021) IX Baltijskij Yuridicheskij forum 2020.
2. Golubev V.M. Institut sudebnyh pristavov v Rossii: istoriko-pravovoe issledovanie. M., 2011.

3. Makarenko M.A. Ugolovno-processual'nye pravootnosheniya s uchastiem prokurora [Ugolovno-processual'nye pravootnosheniya s uchastiem prokurora: monografiya] (Sankt-Peterburgskij universitet MVD Ros-sii, Sankt-Peterburg. 2019.

4. Sudebnyj pristav. Britanskaya enciklopediya, 12 aprelya 2018 g., <https://www.britannica.com/topic/bailiff> (data obrashcheniya: 12.11.2021)

СРОЧНЫЙ ХАРАКТЕР СЕМЕЙНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Бессарабова С.Ю., младший научный сотрудник,
Юго-Западный государственный университет

Аннотация: в статье рассматриваются особенности семейных правоотношений с точки зрения их срочного характера. На первоначальном этапе рассмотрения данного правового института изучается понятие семьи и выявляются ее особенности, определяется широкая совокупность признаков, позволяющая говорить именно о семейных правоотношениях. В статье автор подчеркивает, что семейные правоотношения, как и другие правоотношения в целом, также урегулированы, а нередко и ограничены некоторыми сроками, что позволяет говорить о срочном характере данных правоотношений. Рассматриваются виды указанных сроков, определяется их применение для регулирования той или иной сферы. В частности, автор указывает на такие сроки, как срок исковой давности, срок, сроки начала течения определенных событий и некоторые иные. Для подтверждения тех или иных выводов, сформулированных в рамках настоящей статьи, автором приводятся исследовательские позиции, выявленные при изучении научной литературы по теме исследования, что позволяет говорить о правильности и единстве выводов по основным аспектам заявленной темы. В завершении формулируется и обосновывается вывод о том, что понятие срока в рамках семейного права является не только объективно необходимым, но и весьма значимым, так как оно обеспечивает не только добросовестное исполнение прав, а также практическую реализацию обязанностей в семейном праве, но и позволяет оптимизировать правовую регламентацию заявленной сферы и упорядочить соответствующие правоотношения. Также отмечается, что срочность семейных правоотношений определяется рядом ограничений их реализации временными рамками.

Ключевые слова: семья, семейные отношения, сроки в семейном праве, исковая давность, правоотношения

THE URGENT NATURE OF FAMILY LEGAL RELATIONS

Bessarabova S.Yu., Research Assistant,
Southwest State University

Abstract: the article examines the features of family legal relations from the point of view of their urgent nature. At the initial stage of consideration of this legal institution, the concept of a family is studied and its features are identified, a wide range of features is determined, which makes it possible to talk specifically about family legal relations. In the article, the author emphasizes that family legal relations, like other legal relations in general, are also regulated, and often limited by certain periods, which allows us to speak of the urgent nature of these legal relations. The types of these terms are considered, their application is determined for the regulation of a particular area. In particular, the author points out such terms as the limitation period, the term, the timing of the beginning of the course of certain events and some others. To confirm certain conclusions formulated within the framework of this article, the author provides research positions identified during the study of scientific literature on the research topic, which allows us to speak about the correctness and unity of conclusions on the main aspects of the stated topic. At the end, the conclusion is formulated and substantiated that the concept of term in the framework of family law is not only objectively necessary, but also very significant, since it ensures not only the fair execution of rights, as well as the practical implementation of obligations in family law, but also allows you to optimize legal regulation of the declared area and streamline the corresponding legal relationship. It is also noted that the urgency of family legal relations is determined by a number of restrictions on their implementation by the time frame.

Keywords: family, family relations, legal relations, terms in family law, statute of limitations

Существование каждого человека помещено в социальный организм, а семья является социальной первичной ячейкой. Другими словами, в человеческой природе заложена потребность в семейной жизни. При этом отсутствие определения семьи в законе частично объясняется тем фактом, что семья не имеет отдельного правового статуса от своих членов. Роль закона состоит в том, что он обычно выступает как один из определяющих и обеспечивающих соблюдение прав и обязанностей лиц, являющихся членами семьи, мужем и женой, родителей и детей.

Семья может быть самым распространенным из всех человеческих отношений, и на то есть веские причины. Психологически укоренившаяся потребность людей в принадлежности и привязанности в сочетании с длительным периодом детской зависимости придают семейной единице, в какой бы форме она ни была, множество жизненно важных ролей, которые она должна играть в благополучии человека. Несмотря на свою важность, семья является сложным институтом для определения. Современная семейная жизнь чрева-

та нестабильностью определений, и по мере увеличения разнообразия форм семьи возрастает и неопределенность в отношении того, где должна быть проведена граница вокруг концепции семьи. Таким образом, семья, возможно, стала тем типом социального явления, которое широко распространено, но трудно поддается определению.

Так, согласно Толкового словаря С.И. Ожегова, трактовка понятия «семья» представляется достаточно обобщенной – это «группа живущих вместе родственников (муж и жена, родители с детьми)» [1]. Однако, как указывал А.П. Сергеев, говоря о содержании понятия «семья», его «наполнение конкретным содержанием зависит от множества факторов, которые настолько индивидуальны, что всякий формальный подход к семье неизбежно вступил бы в противоречие с реальными жизненными ситуациями» [2]. В этой связи на доктринальном уровне данное понятие вызывает определенные споры и, соответственно, трактуется с различных позиций. В частности, Г.М. Свердлов дает определение данному понятию как «основанная на родстве и браке ячейка общества, построенная на взаимной любви, равноправии мужчины и женщины, единстве интересов личности и общества...» [3]. В целом схожая позиция прослеживается и у Р.П. Манакова, для которой семья, прежде всего, есть «мала социальная группа, основанная на браке, родстве, усыновлении и иных формах принятия детей...» [4].

Говоря об основных признаках семьи, в своем исследовании Е.М. Ворожейкина выделяет такие как совместная жизнь лиц, где целью выступают «рождение и воспитание детей, совместное ведение хозяйства и установление отношений интимной или духовной близости и вызывающая соответствующие этому личные и имущественные права и обязанности» [5]. Для В.А. Рясенцева в основе его понимания семьи положены собственно «права и обязанности, вытекающие из брака, родства, усыновления или иной формы принятия детей на воспитание» [6]. Кроме того, достаточно интересной следует признать и позицию О.А. Красавчикова, которым в своем исследовании семья ассоциировалась с корпоративной организацией. В частности, им было указано на невозможность признания семьи в качестве юридического лица. Тем не менее он отмечает: «... члены семьи, не утрачивая своей индивидуальности, сообща приобретают некоторые правовые возможности и обременения, юридически отражающиеся их связь между собой и с третьими лицами» [7]. Из чего им делался вывод относительно некоторых признаков квази-субъективности, свойственных семье и на основе этого обладающей некоторым сходством с юридическим лицом. Полагаем, что для теории семейного права этот подход может представлять интерес, особенно в контексте того, что одним из признаков семьи является факт ее государственной регистрации.

Действительно, говоря о формировании семьи, ее основой следует признать необходимость совершения действий по государственной регистрации брака. Аналогично и требуется и регистрация рождения ребенка как факт увеличения состава семьи. И в этом случае именно положения ст. 10 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ), позволяющие с правовой точки зрения дифференцировать такое понятие как «семья» от иных, социальных его трактовок. Закрепление положения относительно «возникновения прав и обязанностей супругов со дня государственной регистрации брака» позволяет с правовой точки зрения выделить основополагающий момент для формирования семейных правоотношений.

Социальная природа семейных отношений позволяет приобретать им свою специфику, которая является отражением того многообразия связей, которые возникают в рамках семьи. При этом они могут возникать не единожды и существовать, изменяться, возникать и прекращаться порой многократно. В частности, можно сослаться на высказывание Ю. Ф. Беспалова, в котором им указывается на специфику семейных отношений. Например, эта специфика способна, по его мнению, определяться «объектом, субъектами и их содержанием» [8].

Тем не менее, несмотря на свое многообразие и сложность характера, семейные отношения достаточно четко интегрируются в самостоятельную группу с правовой точки зрения. Наличие определенных признаков позволяет выделить их среди иных отношений, которые подпадают, в частности, под правовое регулирование гражданским или иной отрасли права. Следовательно, наличие «семейных» признаков выделяет семейные правоотношения в особую отраслевую группу правоотношений.

Доктриной уже признано, что структура правоотношения выступает как определенная идеальная конструкция, способна дать реальную правовую оценку отношений, возникающих в процессе жизнедеятельности человека. При этом человеческие связи могут быть прочными только в том случае, если они символизированы и, следовательно, законны; другими словами, символическая и прочная человеческая связь составляет определение правовой связи.

Таким образом, социальная связь как всеобъемлющее понятие существует не иначе, как в виде набора правовых связей. Можно выделить три типа правоотношений (термин, используемый здесь в общем смысле): личные правовые отношения (родство, супружеские отношения, гражданство, процессуальные отношения), правовые отношения, используемые для получения права собственности (обязательства, договор-

ные отношения), и правовые отношения, близкие к фактическим отношениям (деловые отношения, коммерческие отношения, цифровые отношения) [9].

Проводя оценку специфику семейных правоотношений, в своем исследовании Е.М. Ворожейкина раскрывает их в качестве собирательных и сложных, которые предполагают в своей структуре отдельные локальные правоотношения [10]. Следовательно, для их классификации может быть выделено достаточно значительное количество оснований. Это подтверждается и Ю.В. Ковалевой, которая указывает на то, что содержание семейных правоотношений предполагает «субъективные права и обязанности его участников (субъектов). Субъектами семейных правоотношений являются участвующие в них лица, т.е. супруги, родители и дети, другие члены семьи» [11].

Анализ содержания Семейного кодекса РФ позволяет выделить ряд основных групп правоотношений, которые, прежде всего, включают личные неимущественные и имущественные отношения. Среди оснований их возникновения законодательством определены такие факты как: заключение или прекращение брака, включая признание его недействительным; рождением ребенка; передача ребенка в семью усыновителя, опекуна (попечителя) или приемных родителей. При этом относительно имущественных отношений можно сказать, что им уделено незначительное внимание в законе. Среди основных отличий этих двух групп правоотношений О.А. Рузакова выделяла такие как: имущественные отношения производны от личных неимущественных; правоотношения тесно связаны с личностью и в них не допускается правопреемство; носят безвозмездный характер; основаниями возникновения являются юридические факты, которые требуют государственной регистрации [12].

Поэтому существование большого количества «доверительных отношений, а также большой удельный вес личных неимущественных отношений» также отнесены исследователями к особенностям семейных правоотношений. Следовательно, обобщая позиции российских исследователей, следует указать на такие особенности семейных правоотношений как их специальный субъектный состав, реализация этих отношений на основе личного доверительного характера, значительный срочный характер этих правоотношений, а также особые основания их возникновения, изменения и прекращения. Подобное обобщение позволяет сформулировать и понятие семейных правоотношений: установленные на правовой основе отношения между супругами, детьми, родителями и иными родственниками, а также лицами, обладающими специальным статусом, определяемые вытекающими из их статуса правами и обязанностями, причем в определенной временной перспективе. То есть речь идет о реализации прав и обязанностей в привязке к определенным срокам или бессрочно [13].

Как и в гражданском праве, в семейном праве моменты и периоды времени, которые необходимы для возникновения определенных юридических последствий трактуются как сроки. Полагаем, что введение такого понятия как «срок» в семейно-правовой оборот обеспечивает, прежде всего, добросовестное исполнение прав и реализацию обязанностей в рамках семейных правоотношений, а также обеспечивает защиту интересов всех их участников. Как отмечает К.Ю. Лебедева применительно к гражданским правоотношениям, и с этим можно согласиться в контексте настоящего исследования, «стимулирующий характер влияния сроков на гражданские правоотношения обусловлен основными свойствами времени (всеобщностью, объективностью, непрерывностью, необратимостью)» [14].

Тем не менее, легальное определение понятия «срок» в настоящее время в семейном праве отсутствует, что позволяет говорить о необходимости дальнейшей проработки этой категории в рамках данной отрасли права и последующей нормотворческой деятельности. В общем понимании «срок» связано с определенным моментом или ограниченным периодом времени, с началом или окончанием которых закон или вытекающие из него отношения связывают вероятность возникновения, изменения или прекращения семейных прав и обязанностей. С правовой точки зрения понимание «срока» исходит из восприятия времени как объективной сущности, не зависящей от взаимодействия людей и их воли. Воспринимаемый как юридический факт «срок» предстает как явление окружающей человека реальности, с которым связывается наступление правовых последствий.

Однако срок в рамках семейного права может восприниматься и как с объективной, так и с субъективной сторон. И если с объективной он воспринимается как данная человеку сущность, связанная с объективным течением времени, то с субъективной речь идет об определенных действиях, связанных с установлением и последующим исчислением сроков или их элементов. В этой связи для семейных правоотношений значение понятия «срок» проявляется в наступлении или истечении определенного временного промежутка, служащих в качестве оснований для возникновения, изменения и прекращения семейных правоотношений. Именно такая характеристика понятия «срок» определяет ее значение в семейном праве, выступая как временное условие реализации семейных прав и обязанностей участников семейных правоотношений [15].

В семейном праве одним из таких временных параметров реализации семейных правоотношений выступает исковая давность. Исковая давность как правовой институт, является одним из определяющих семейные правоотношения в соответствии с п. 1 ст. 9 Семейного кодекса РФ, в соответствии с которым «на требования, вытекающие из семейных отношений, исковая давность не распространяется, за исключением случаев», установленных в семейном законодательстве РФ. Соответственно, следует согласиться с О.С. Полевой, которая правомерно указывает на тот момент, что «исковая давность к семейным отношениям применяется лишь в строго определенных случаях» [16].

Деление сроков исковой давности существует в двух основных видах: общий и специальный. Однако это деление происходит в рамках гражданского законодательства. Так, согласно ст. 196 ГК РФ общий срок составляет три года и его применение отнесено ко всем гражданским правоотношениям. Кроме случаев, прямо указанных в законодательстве. Что касается специальных сроков, то их применение обусловлено необходимостью защиты определенных прав, предусмотренных законом. Такие сроки отличаются от размера общего срока.

На начало исчисления срока исковой давности существенное влияние оказывается субъективным фактором, который проявляется в наличии знания или потенциальной возможности знания определенным лицом относительно нарушения его права конкретным человеком, который может быть признан ответчиком по иску о защите этого права (п. 1 ст. 200 ГК РФ). Однако этот фактор не играет значения в тех случаях, когда начало исчисления срока исковой давности связывается с окончанием срока исполнения обязательства по обязательствам, где предусмотрен срок их исполнения [17].

Исковая давность в семейном праве относится к важнейшим правовым институтам, что подтверждается его упоминаниями в тексте Семейного кодекса РФ. Однако нормы семейного законодательства значительным образом связаны и с нормами других отраслей и. в частности с нормами гражданского права. В этой связи на доктринальном уровне существует серьезная проблема определения сущности и содержания понятия «исковая давность» применительно и к семейному праву [18]. Так, согласно позиции А.А. Добровольского, «исковая давность есть срок на предъявление иска» [19]. В свою очередь М.И. Брагинский отмечал, что «срок исковой давности – это срок, гарантированный государством для восстановления и защиты нарушенных субъективных прав ...» [20].

Тем не менее, в доктрине достаточно часто применяется определение, предложенное О.С. Иоффе: «Время, с истечением которого погашается возможность принудительного осуществления нарушенного гражданского права при помощи гражданского иска» [21]. Как высказывал свое мнение Е.А. Крашенинников по поводу данного определения, оно «опирается на традиционное воззрение, которое приписывает регулятивным субъективным гражданским правам способность быть реализованными юрисдикционным органом помимо и против воли нарушителя» [22].

Помимо этого, необходимо указать и на точку зрения И. Б. Новицкого, в основе определения исковой давности которого лежит его понимание как юридического факта и с которым связано возникновение определенных юридических последствий [23]. Аналогично, срок исковой давности и в определении М. Я. Кирилловой есть «установленный законом срок, по истечении которого лицо теряет возможность осуществления нарушенного материального субъективного права...» [24]. Такой же точки зрения придерживается и Б.Б. Черепахин своем исследовании [25].

Определение понятия исковой давности в российском законодательстве содержится в п.1 ст. 195 ГК РФ и под ним понимается «срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено» [26]. Указанное определение часто становилось предметом разногласий в среде исследователей, однако, по мнению Ю.К. Толстого «легальное определение исковой давности выдержало испытание временем» [27].

Изучение Семейного кодекса РФ позволило выявить отсутствие в семейном законодательстве РФ отдельного и самостоятельного института сроков. Ссылки на его элементы фактически прослеживаются в отдельных статьях СК РФ, посвященных самостоятельным вопросам правового регулирования. Однако, несмотря на отсутствие в СК РФ указании на порядок исчисления сроков, возможно обратиться к порядку, предусмотренному ГК РФ для сравнения. Это позволило вывить указания на календарную дату – по соглашению об уплате алиментов; указание на период времени – при взыскании алиментных платежей, а также указание на неизбежное по времени событие – ограничение мужа на развод при прекращении беременности жены. При этом и само понятие исковой давности упоминается в ч. 2 ст. 9 СК РФ. Но только со ссылкой на положения ст. ст. 198-200 и 202-205 ГК РФ. В частности, в ч. 1 ст. 9 СК РФ речь идет о том, что «исковая давность не распространяется на требования, вытекающие из семейных отношений» [28].

Исходя из концептуальных оснований использования в семейных правоотношениях института исковой давности, которые были заложены еще в Кодексе о браке и семье РСФСР, в ст. 9 СК РФ определено, что начало истечения срока исковой давности и его длительность возможно определить данным актом. Однако

в случае отсутствия указаний суд, при возникновении спора по семейным делам, должен по вопросам применения исковой давности исходить из положений ст. ст. 198-200 и 202-205 ГК РФ. Следовательно, и на это справедливо указывает Е.И. Гладковская, он должен применить при разрешении спора «правила о недействительности соглашения об изменении сроков исковой давности, о применении исковой давности, о начале течения срока исковой давности, его приостановлении, перерыве и восстановлении, о течении срока исковой давности в случае оставления иска без рассмотрения, к которым отсылает п. 2 ст. 9 СК РФ» [29]. Тем не менее, положения ст. 4 СК РФ указывают на возможность в семейных правоотношениях субсидиарного применения норм гражданского законодательства в случае отсутствия возможных противоречий существу и ограничениям, установленных в СК РФ.

На настоящее время относительно сроков исковой давности в СК РФ можно выделить ряд правовых оснований, закрепленных в п. 3 ст. 35 СК РФ; п. 7 ст. 38 СК РФ; п. 4 ст. 169 СК РФ. Что касается остальных сроков исковой давности по семейным правоотношениям, то они не установлены.

Таким образом, срочность семейных правоотношений определяется тем, что реализация семейных правоотношений осуществляется в течение определенного времени исходя из оснований их возникновения, осуществления или прекращения, а также условиями и последствиями разрешения возникающих проблемных моментов, связанных с нарушениями прав супругов или иных лиц. Институт исковой давности выступает одним из основных институтов, определяющих срочность реализации потенциальной возможности одним из субъектов семейных правоотношений реализовать свое право на защиту нарушенного в период семейных правоотношений определенного права.

Литература

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Сов. Энциклопедия, 1973. С. 655.
2. Сергеев А.П. Семейное правоотношение Гл. 57. // Гражданское право: учебник. Ч. 3. / под ред. А.П. Сергеева и Ю.К. Толстого. М., 1998. С. 221 – 222.
3. Свердлов Г.М. Советское семейное право. М.: 1958. С. 17.
4. Мананкова Р.П. правовой статус члена семьи по советскому законодательству. Томск. 1985. С. 22.
5. Ворожейкин Е.М. Правовые основы брака и семьи. М., 1969. С. 17.
6. Советское семейное право / Под ред. В.А. Рясенцева. М., 1982. С. 42 – 43.
7. Красавчиков О.А. Указ. соч. С. 42.
8. Беспалов Ю.Ф. К вопросу о предмете семейного права // Семейное и жилищное право. 2013. № 6. С. 2 – 5.
9. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. 2-е изд. М., 2001. С. 76.
10. Ворожейкин Е.М. Актуальные проблемы теории семейных правовых отношений в СССР: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1973. 32 с.
11. Ковалева Ю.В. Правовое регулирование семейных отношений в Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/pravovoeregulirovanie-semeynyh-otnosheniy-v-rossiyskoy-federatsii>
12. Рузакова О.А Семейное право: учебник. М.: Эксмо, 2012. С. 9.
13. Пчелинцева Л.М. Указ. Соч. С. 9.
14. Лебедева К.Ю. Исковая давность в системе гражданско-правовых сроков: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Томск, 2003. С. 11.
15. Новицкий И.Б. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. М., 2006. Т. I. С. 330, 332.
16. Полевая О.С., указ. соч, стр. 58.
17. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 3. Раздел VI «Международное частное право». Комментарий и постатейные материалы / Отв. ред. Н.И. Марышева. М, 2004. С. 136.
18. Бабкин А., Молчанова Т. Виды пресекательных сроков в гражданском праве // Советская юстиция. 1981. № 24. С. 22 – 23.
19. Добровольский А.А. Правовое регулирование исковой защиты права основами гражданского судопроизводства и гражданскими процессуальными кодексами союзных республик // Проблемы применения основ гражданского законодательства и основ гражданского судопроизводства СССР и союзных республик. Саратов, 1971. С. 135.
20. Брагинский М.И. Исковая давность // Гражданский кодекс Российской Федерации: Комментарий. М., 1995. С. 258.
21. Иоффе О.С. Советское гражданское право, М., 1957.
22. Крашенинников Е.А. Понятие и предмет исковой давности // Ярославль 1997. С. 28 – 30.

23. Новицкий И.Б. Сделки, исковая давность. М., 1954. С. 137.
24. Кириллова М.Я. Исковая давность по советскому гражданскому праву: дис. ... к.ю.н., Свердловск, 1952.
25. Черепяхин Б.Б. Спорные вопросы понятия и действия исковой давности. М. 1957. С. 282.
26. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета № 238-239, 08.12.1994.
27. Толстой Ю.К. Исковая давность // Правоведение. 1992. № 4. С. 63.
28. Бессарабова С.Ю. Понятие и виды сроков исковой давности в семейном праве // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 6А. С. 66 – 73.
29. Гладковская Е.И. Применение исковой давности в семейных отношениях // Ученые записки Казанского университета. Серия: гуманитарные науки. 2016. Т. 158. кн. 2. С. 384.

References

1. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka. M.: Sov. Enciklopediya, 1973. S. 655.
2. Sergeev A.P. Semejnoe pravootnoshenie Gl. 57. Grazhdanskoe pravo: uchebnik. CH. 3. pod red. A.P. Sergeeva i Yu.K. Tolstogo. M., 1998. S. 221 – 222.
3. Sverdlov G.M. Sovetskoe semejnoe pravo. M.: 1958. S. 17.
4. Manankova R.P. pravovoj status chlena sem'i po sovetскому zakonodatel'stvu. Tomsk. 1985. S. 22.
5. Vorozhejkin E.M. Pravovye osnovy braka i sem'i. M., 1969. S. 17.
6. Sovetskoe semejnoe pravo. Pod red. V.A. Ryasenceva. M., 1982. S. 42 – 43.
7. Krasavchikov O.A. Ukaz. soch. S. 42.
8. Bepalov Yu.F. K voprosu o predmete semejnogo prava. Semejnoe i zhilishchnoe pravo. 2013. № 6. S. 2 – 5.
9. Teoriya gosudarstva i prava: kurs lekcij / pod red. N.I. Matuzova, A.V. Mal'ko. 2-e izd. M., 2001. S. 76.
10. Vorozhejkin E.M. Aktual'nye problemy teorii semejnyh pravovyh otnoshenij v SSSR: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 1973. 32 c.
11. Kovaleva Yu.V. Pravovoe regulirovanie semejnyh otnoshenij v Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://cyberleninka.ru/article/n/pravovoeregulirovanie-semejnyh-otnoshenij-v-rossijskoj-federatsii>
12. Ruzakova O.A. Semejnoe pravo: uchebnik. M.: Eksmo, 2012. S. 9.
13. Pchelinceva L.M. Ukaz. Soch. S. 9.
14. Lebedeva K.Yu. Iskovaya davnost' v sisteme grazhdansko-pravovyh srokov: avtoref. ... dis. kand. jurid. nauk. Tomsk, 2003. S. 11.
15. Novickij I.B. Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu: v 2 t. M., 2006. T. I. S. 330, 332.
16. Polevaya O.S., ukaz. soch, str. 58.
17. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii. CH. 3. Razdel VI «Mezhdunarodnoe chastnoe pravo». Kommentarij i postatejnye materialy. Otv. red. N.I. Marysheva. M, 2004. S. 136.
18. Babkin A., Molchanova T. Vidy presekatel'nyh srokov v grazhdanskom prave. Sovetskaya yusticiya. 1981. № 24. S. 22 – 23.
19. Dobrovol'skij A.A. Pravovoe regulirovanie iskovoj zashchity prava osnovami grazhdanskogo sudoproizvodstva i grazhdanskimi processual'nymi kodeksami soyuznyh respublik. Problemy primeneniya osnov grazhdanskogo zakonodatel'stva i osnov grazhdanskogo sudoproizvodstva SSSR i soyuznyh respublik. Saratov, 1971. S. 135.
20. Braginskij M.I. Iskovaya davnost'. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii: Kommentarij. M., 1995. S. 258.
21. Ioffe O.S. Sovetskoe grazhdanskoe pravo, M., 1957.
22. Krasheninnikov E.A. Ponyatie i predmet iskovoj davnosti. YAroslavl' 1997. S. 28 – 30.
23. Novickij I.B. Sdelki, iskovaya davnost'. M., 1954. S. 137.
24. Kirillova M.Ya. Iskovaya davnost' po sovetскому grazhdanskomu pravu: dis. ... k.yu.n., Sverdlovsk, 1952.
25. Cherepahin B.B. Spornye voprosy ponyatiya i dejstviya iskovoj davnosti. M. 1957. S. 282.
26. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ. Rossijskaya gazeta № 238-239, 08.12.1994.
27. Tolstoj Yu.K. Iskovaya davnost'. Pravovedenie. 1992. № 4. S. 63.
28. Bessarabova S.Yu. Ponyatie i vidy srokov iskovoj davnosti v semejnomo prave. Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2019. Т. 9. № 6А. S. 66 – 73.
29. Gladkovskaya E.I. Primenenie iskovoj davnosti v semejnyh otnosheniyah. Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: gumanitarnye nauki. 2016. Т. 158. kn. 2. S. 384.